

М. С. КАПИЦА
Н. П. МАЛЕТИН

Сукарно

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИОГРАФИЯ

Издательство
"МЫСЛЬ"

**М. С. КАПИЦА
Н. П. МАЛЕТИН**

Сукарно

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИОГРАФИЯ**

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1980

9(М)7
К20

**РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**Ответственный редактор
доктор исторических наук
*А. Б. Бельский***

Введение

Национально-освободительное движение Индонезии выдвинуло ряд выдающихся деятелей. Особое место среди них занимает Сукарно — одна из наиболее ярких и противоречивых фигур современного Востока. Этот выдающийся руководитель и идеолог национально-освободительной борьбы индонезийского народа персонифицирует, подобно Неру, Нкруме и некоторым другим лидерам освободившихся государств, целую эпоху в истории бывших колониальных и зависимых стран. И хотя он плоть от плоти индонезийского народа, его нельзя рассматривать только как специфически индонезийское явление. Изучение взглядов и деятельности Сукарно выходит за рамки истории Индонезии.

Почти четыре десятилетия Сукарно находился в центре борьбы за освобождение Индонезии от голландского колониального господства и утверждение ее как суверенного государства.

Политическая деятельность Сукарно тесно связана с событиями современной эпохи, открытой Великим Октябрем и ознаменовавшейся коренными переменами в мире. Он признавал большое значение Великой Октябрьской социалистической революции для национально-освободительной борьбы и неоднократно отмечал влияние марксизма на свое мировоззрение.

Еще в период антиколониальной борьбы Сукарно выступил за союз националистов и исламистов с коммунистами, а в годы независимости объявил их сотрудничество одной из основ государственной политики.

В сложной международной обстановке в августе 1945 года Сукарно провозгласил независимость страны и был избран ее первым президентом.

Завоевав независимость, индонезийский народ начал строить единое, суверенное государство. Официальной идеологией Индонезии было объявлено учение «индонезийского социализма», сформулированное Сукарно. Однако в понимании социализма у Сукарно преобладали субъективистские, мелкобуржуазные представления. В специфическом сукарновском «социализме» в соответствии с его девизом «Классовая борьба должна быть подчинена национальной» идея национального единства вылилась в проповедь классовой гармонии и общности интересов всех социальных сил, в осуждение самостоятельных выступлений трудящихся. Разумеется, попытки Сукарно любым путем задержать развитие и углубление классовой борьбы были обречены на провал. Провал этот означал и личную трагедию Сукарно, лишившегося власти и почестей.

Жизненный путь первого президента Индонезии не был гладким, да и не мог быть таким. Но, несмотря на противоречивость политического курса Сукарно, история сохранит его имя, имя человека, который внес весомый вклад в развитие национального самосознания индонезийского народа, в борьбу за его свободу.

* * *

При написании этой книги были использованы индонезийские источники, пресса, литература, труды советских и зарубежных ученых-востоковедов.

Исключительную ценность представляли советы и замечания, высказанные Гавриловым Ю. А., Головановым Б. П., Друговым А. Ю., Ефимовой Л. М., Жаровым В. А., Семиволосом С. И., Сигаевым В. В., Хмельницким А. И., Чулковым Ю. В., Шолмовым Ю. А.

Авторы выражают им свою глубокую признательность.

I

ГЛАШАТАЙ ИНДОНЕЗИЙСКОГО НАРОДА

**Свободу Индонезии сейчас!
сейчас! сейчас!**

Сукарно

Детство, юность

Рожденный
на восходе солнца —
избранник судьбы.
Яванское поверье

1 Сукарно родился в Сурабае, на острове Ява, 6 июня 1901 года. Для Нидерландской Индии, как тогда называли его родину Индонезию, XX век стал четвертым веком колониального господства.

Летом 1596 года голландские корабли под командованием Корнелиса Хутмана бросили якорь на западном берегу Явы. Из этой экспедиции Корнелис Хутман привез «мало богатств и много надежд»¹. Последующая колонизация Малайского архипелага и дала богатства, и оправдала надежды первых конкистадоров. Так возникла крупнейшая голландская колония в Юго-Восточной Азии.

Индонезия занимает почти 2 млн. квадратных километров, что равно площади Великобритании, Франции, ФРГ, Бельгии, Нидерландов, Испании и Италии, вместе взятых. Свыше десяти тысяч островов архипелага, раскинувшихся по обе стороны экватора более чем на 5 тыс. километров с запада на восток и 1,5 тыс. километров с севера на юг, образуют как бы естественный «мост», соединяющий континентальную Азию с Австралией, своего рода «ворота», через которые проходят международные морские пути из Индийского океана в Тихий. Влажный экваториальный климат и плодородные почвы обеспечивают богатство и разнообразие растительного мира. В стране добываются нефть, олово, бокситы, марганцевая руда, золото, серебро, драгоценные камни. Недаром Индонезию называют жемчужным ожерельем Тихого и Индийского океанов.

Превосходившая свою метрополию в начале XX века по населению более чем в 6, а по территории почти в 60 раз, она служила для Нидерландов важнейшим источником сырья и рынком сбыта промышленной продукции. Владея Индонезией, Голландия была одной из крупных колониальных держав. «Без нее она оставалась бы просто маленькой холодной страной у Северного моря»², — пишет австралийский историк Фит.

В течение многих веков индонезийский народ вел борьбу против голландского господства. В борьбе за национальное освобождение индонезийского народа выдающуюся роль сыграл лидер освободительного движения Сукарно.

Сын мусульманина и индуистки, он происходил из низов яванской служилой аристократии. Его отец, Раден Сукеми Сосродихарджо, уроженец Явы, в молодости работал учителем в городе Синграджа на острове Бали. В то время будущая мать Сукарно Идайю Ньюман Рей, дочь брахмана, прислуживала в индуистском храме. Чтобы вступить в брак с Сукеми, невесте следовало принять мусульманскую веру, против чего решительно возражали ее родители. Выход был один — побег. Счастливая чета нашла убежище в доме начальника полиции, который был другом Сукеми, а специальные посыльные отправились к отцу невесты с сообщением, что его дочь вышла замуж. По решению суда мусульманский брак был разрешен, но невесте надлежало уплатить штраф.

Чувствуя атмосферу неприязни на острове Бали, Сукеми обратился с просьбой о переводе его на Яву и получил назначение в город Сурабаю на должность директора школы. Здесь и родился будущий первый президент Индонезийской Республики. Новорожденного называли Кусно. Он был вторым ребенком в семье, на два года моложе своей сестры Сукармини. Мальчик в детстве часто болел, и отец объяснял это тем, что сыну дали неудачное имя, которое необходимо сменить, чтобы он мог начать новую жизнь.

Сукеми, почитатель индийского народного эпоса, решил назвать своего сына именем прославленного героя «Махабхараты», смелого, любящего свою родину воина Карно, прибавив к нему префикс превосходной

степени «Су», означающий «лучший». Так мальчик получил новое имя — Сукарно.

Сукарно говорил, что он, как Давид Копперфильд, рос в нищете, ходил босиком и даже не подозревал о существовании вилок и ножей. Вероятно, Сукарно нарочито сгустил краски, желая подчеркнуть свою связь с народом, с его беднейшими слоями.

Строгий школьный учитель, СукEMI был таким и дома: если сын нарушал установленный порядок, наказание следовало немедленно. Временами мальчику даже казалось, что у него в мире нет никого, кроме матери. Он часами сидел у ее ног и слушал увлекательные рассказы о своих предках, борцах за свободу*. Привязанность к матери Сукарно сохранил на всю жизнь. Воспитанием мальчика кроме матери занималась служанка Сарина. Эта простая, трудолюбивая и отзывчивая женщина стала для Сукарно олицетворением индонезийки. Не случайно именем Сарины он назвал свою книгу о положении индонезийской женщины, написанную в 1947 году.

В семье Сукарно не было религиозного фанатизма, в ней не довлели жесткие догмы мусульманской религии. Юный Сукарно скорее находился под влиянием народного эпоса и героев театра теней — ваянга. Технически представления в нем осуществляются следующим образом. Плоские кожаные куклы, изображающие главных действующих лиц (преимущественно героев яванизированных вариантов индийского эпоса — «Махабхараты» и «Рамаяны»), освещаются направленным светом ярко горящей лампы. Четкие тени этих кукол проецируются на экран. Ваянг и по сей день неотъемлемая часть культурной жизни Индонезии.

Ваянг воодушевлял юного Сукарно верой в победу добра над злом, стремлением к подвигам в борьбе за справедливость. Из всех героев ваянга он больше всего почитал непобедимого воина, защитника угнетенных, бесстрашного борца за справедливость Биму, одного из пяти братьев Пандавов, ведущих борьбу против Кауравов. Идеал героя, сильной личности,

---

* Сукарно утверждал, что его дед и прадед по матери сражались против голландцев, а прапрабабушка по отцу была соратницей Дипонегоро, руководителя народной войны против колонизаторов на Яве (1825—1830 гг.).

спасителя, сформировавшийся в детские и юношеские годы, вдохновлял Сукарно на протяжении всей последующей жизни и оказал огромное влияние на его поведение.

К тому времени, когда пришла пора идти в школу, семья Сукарно жила в городке Моджокерто. В начальной (пятилетней) школе для «туземцев», директором которой был его отец, Сукарно изучал яванский и малайский языки.

Отец и дома много занимался с сыном, особенно голландским языком, не делая ему никаких поблажек. Сукарно учился хорошо, однако ниже своих способностей. Слишком много времени проводил он в театре теней. На всю жизнь ему запомнились тексты спектаклей, он научился имитировать движения героев и музыки.

К двенадцати годам мальчик стал признанным заводилой среди своих сверстников. Вокруг него объединилась целая группа страстных любителей стрельбы из бамбуковых трубочек, коллекционеров марок. Он был задирист и страшно самолюбив. Его змей летал выше всех, он мог поймать самую крупную рыбу, лучше всех гонял мяч, быстрее и выше всех лазил по деревьям, хотел быть всегда и во всем победителем.

Отец Сукарно мечтал, чтобы его сын поступил в университет. Путь туда лежал через платную голландскую начальную, а затем среднюю школу, куда принимали только детей служилой аристократии. По окончании начальной школы для туземцев Сукарно был принят в семилетнюю начальную голландскую школу, но из-за недостаточного знания голландского языка ему пришлось пойти не в шестой, а в пятый класс. Дабы сын не выглядел «недорослем», отец убавил его возраст на один год. В 1916 году, когда пришло время поступать в среднюю школу, отец использовал все свои связи, чтобы сына приняли в самую лучшую школу Восточной Явы в городе Сурабае.

Ранним июньским утром 1916 года пятнадцатилетний Сукарно прощался с родителями. Отец долго наставлял сына перед отъездом, напомнив ему завет — быть «вторым Карно». Мать торжественно благословила любимого сына, заставив его выполнить особый ритуал. Сукарно распластался на земле. Мать триж-

Сукарно — ученик голландской школы в Сурабае

ды перешагнула через него, а когда он встал, повернула его лицом к востоку и торжественно произнесла: «Никогда не забывай, что ты сын зари»³.

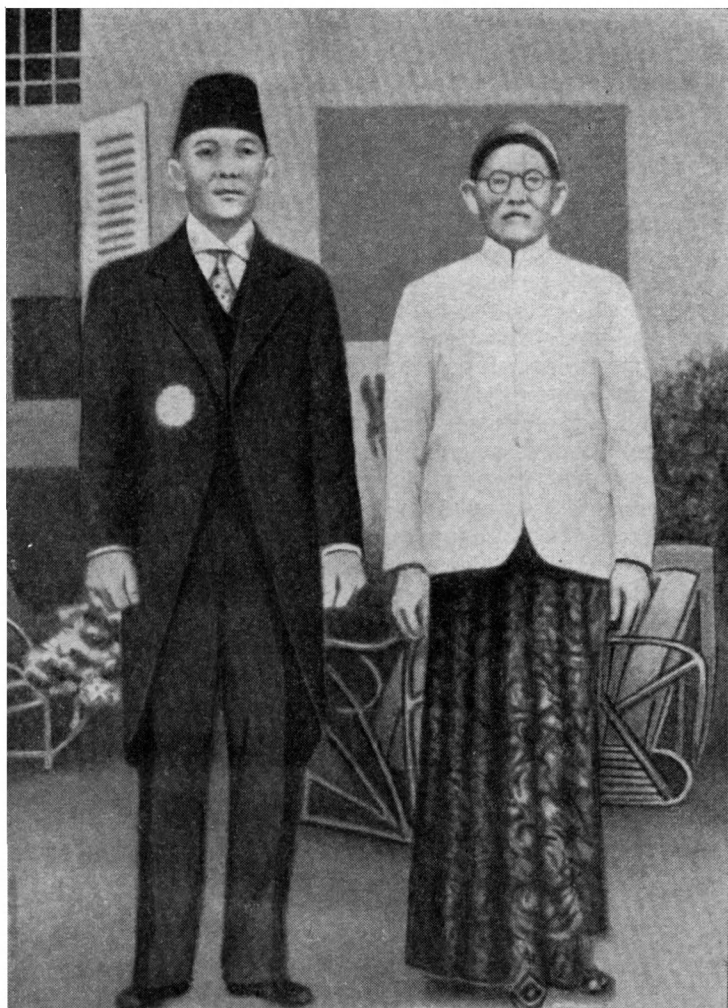
В Сурабае перед Сукарно открылся совершенно новый мир. Сурабая того времени — крупный торговый порт со 145-тысячным населением, город портовых и промышленных рабочих, патриотически настроенной

Сукарно с матерью

молодежи, город зарождавшейся национальной буржуазии. Здесь Сукарно впервые увидел современные оживленные улицы, трамвай, деловые кварталы, иностранные корабли.

«Одно из самых основных свойств империализма,— указывал В. И. Ленин,— заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых от-

Сукарно с отцом

сталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения»⁴. Империалистические методы эксплуатации, к которым к началу XX века перешли Нидерланды, дали толчок развитию колонии по пути капитализма. В условиях обострившейся межимпериалистической борьбы за

передел мира голландские правящие круги считали, что для их слабой в военном отношении страны единственным способом сохранить Индонезию как свою колонию может стать политика «открытых дверей».

С начала XX века в Индонезию стали вкладывать капиталы с целью эксплуатации ее ресурсов и империалисты Англии, Америки, Японии, Германии, Франции, Италии и других стран. «Словно ветер, дующий с каждым моментом все сильнее, словно разливающаяся река, словно ликующая армия-победительница, вступающая в сдавшийся город, ворвался частный капитал в Индонезию...»⁵ — так описывал впоследствии Сукарно этот процесс.

Иностранный капитал занял господствующее положение в индонезийской экономике. Он направлялся прежде всего в отрасли, производившие продукцию для экспорта, а также в промышленность по добыче и первичной переработке сырья. Ввоз иностранного капитала вел к разрушению мелкой частной собственности, гибели национальной промышленности и ремесел, пауперизации коренного населения. Как писал в начале XX века один из голландцев, за исключением аристократии и немногочисленных государственных служащих, в Индонезии существовал всего лишь один класс, который жил согласно принципу «сегодня ем, завтра нет»⁶.

Рост эксплуатации Индонезии иностранным капиталом наглядно отражался в балансе ее внешней торговли. Так, в 1911—1915 годах стоимость экспорта превышала стоимость импорта на 235 млн. гульденов в год, а в 1916—1920 годах — уже на 650 млн.⁷

Если соотношение экспорта и импорта в 1924 году составляло для Индии 123 процента, то для Индонезии — 220 процентов. Голландский империализм с полным основанием называли империализмом, от которого «волосы встают дыбом»⁸.

Голландия выделяла на развитие своей колонии меньше ассигнований, чем Франция, Германия и даже нищая Португалия⁹. Во главе страны стоял генерал-губернатор, назначаемый короной на пять лет. Он пользовался практически неограниченной властью, обладая правом смертной казни и помилования. «В интересах общественного порядка и спокойствия» генерал-губернатор мог выслать любого жителя Ни-

дерландской Индии в любой район архипелага. На местах всеисильными правителями были губернаторы и резиденты.

К высшему слою «туземного» общества в начале XX века принадлежали феодалы и служилая аристократия. «Косвенное управление» — через служилую аристократию на основной территории Явы и через правителей «автономных государств» на незначительной ее части и на Внешних островах — позволяло колонизаторам удерживать под своим контролем основную массу индонезийского населения.

В руках колониального правительства сосредоточивался не только контроль над земельным фондом и лесами Индонезии, но и почти вся добыча соли, олова и угля, основная часть сухопутного транспорта, почта и телеграф, крупные ирригационные сооружения, ряд плантаций и промышленных предприятий. Но главную доходную статью бюджета колониального правительства составляли не прибыли от государственных предприятий, а налоги с населения. Так, в 1910 году на долю прямых и косвенных налогов приходилось более 60 процентов государственных доходов, причем если в Голландии подоходный налог платили только начиная с дохода не менее 650 гульденов, то в колонии — с дохода от 50 гульденов¹⁰. В среднем налоги составляли до 20 процентов годового дохода средней индонезийской семьи. Население колонии страдало не только от налогового бремени, но и от трудовых повинностей, различных видов бесплатного принудительного труда. Так, в 1912 году размеры государственной барщины достигали от 10 до 30 дней в году¹¹. Эксплуатация населения не знала иных пределов, кроме границ физической выносливости человеческого организма.

В начале XX века в связи с переходом к империалистическим методам эксплуатации колонии голландское правительство провозгласило так называемую «этическую политику», предусматривавшую расширение системы образования, здравоохранения, более интенсивное развитие сельского хозяйства, что, по заверениям из Гааги, имело целью подготовить «туземцев» к «самоуправлению». Но это были лишь слова. Как справедливо отмечал один из пионеров рабочего движения Индонезии, Семаун, «этический курс» был

порожден «только заботой Нидерландов о собственных интересах»¹².

«Этический курс» был призван замаскировать мрачные стороны голландского колониального режима¹³. Переход к этой политике представлял собой попытку несколько смягчить противоречия между индонезийским народом и голландским империализмом, с тем чтобы укрепить господство Нидерландов над колонией.

«Этический курс» не мог привести к заметному улучшению положения трудящихся. Накануне второй мировой войны на долю европейцев, составлявших 0,4 процента населения Индонезии, приходилось 65 процентов национального дохода, а на долю индонезийцев, составлявших 97 процентов населения, — лишь около 15 процентов¹⁴. Средний доход «туземца» составлял, по данным голландских экономистов, одну восемнадцатую среднего дохода в Нидерландах¹⁵.

Дискриминация индонезийцев проявлялась во всех сферах жизни. Официально применявшийся термин «туземец» носил оскорбительный характер и означал «существо низшего порядка». Желая подчеркнуть свое превосходство, колонизаторы запрещали индонезийцам носить обувь, пользоваться стульями, говорить по-голландски. «Собакам и туземцам вход воспрещен» — так гласили надписи в бассейне. «Туземец-кондуктор обязан поклоном приветствовать каждого белого пассажира» — было неписаным законом на транспорте. За малейшие провинности полагались телесные наказания, без которых, как заявляли колонизаторы, «туземцы еще не могут обойтись»¹⁶. Широкий доступ к образованию был открыт только для белых: согласно статистике, лишь 7 индонезийцев из 60 млн. ежегодно получали высшее образование¹⁷, а 94 процента населения было неграмотно¹⁸.

Накануне второй мировой войны голландцы занимали 92 процента высших административных постов, индонезийцы же работали на самых низших должностях¹⁹. Офицерские посты в наемной Королевской армии Нидерландской Индии (КНИИ) занимали почти исключительно голландцы, рядовыми были в основном индонезийцы, но из числа христиан отдаленных районов (Амбона, Сулавеси и др.). Даже среди унтер-офицеров число «туземцев» не должно было превы-

шать 50 процентов, а офицеры-индонезийцы исчислялись единицами в армии и вовсе отсутствовали во флоте²⁰.

Обещая в будущем «самоуправление», колонизаторы рассчитывали передать власть на местах в руки тех представителей индонезийской интеллигенции — выходцев из аристократических слоев, которые смотрели бы на мир глазами белых господ и были бы их опорой. Основатели «этического курса» надеялись с помощью западного образования превратить эти слои в союзника метрополии путем «ассоциации» с голландцами на базе общей европейской культуры. Гарантией сохранения голландского господства они считали «духовную аннексию» Индонезии, которая должна обязательно дополнить «аннексию материальную»²¹. Но их расчеты не оправдались.

Развитие капитализма в Индонезии объективно готовило почву для национально-освободительного движения. В индонезийском обществе возникли новые классы и социальные слои — пролетариат, буржуазия и национальная интеллигенция, заинтересованные в ликвидации колониального гнета.

Центрами складывания промышленного пролетариата стали быстро растущие города, где рабочие составляли около 20 процентов населения. К основной же массе работающих по найму относились плантационные рабочие, сельскохозяйственный пролетариат, поденщики, чернорабочие. Так как большинство рабочих было занято на иностранных предприятиях, формирующееся рабочее движение ставило своей целью ликвидацию империалистического гнета и сразу же стало частью национально-освободительной борьбы.

Среди индонезийской буржуазии не было влиятельных сил, заинтересованных в сотрудничестве с голландским капиталом и колониальными властями, поскольку компрадорские функции выполняли главным образом местные китайские капиталисты.

Поддавляющая часть индонезийской интеллигенции относилась к мелкобуржуазным слоям населения. Что же касается интеллигентов, вышедших из обедневших аристократических слоев, то по своему социальному положению они фактически ничем не отличались от интеллигентов-разночинцев. Хотя в целом

аристократия оставалась опорой колониального режима, из ее представителей, получивших европейское образование, вышло немало лидеров национально-освободительного движения.

Повсеместный подъем антиимпериалистической, антиколониальной борьбы под влиянием русской революции 1905—1907 годов, которая пробудила и Азию, способствовал зарождению национально-освободительного движения в Индонезии.

В 1908 году представители аристократической интеллигенции создали на Яве первую национальную организацию «Буди Утомо» («Высокая цель»). Возникновение этой организации, несмотря на ее преимущественно культурно-просветительный характер и боязнь противопоставить себя колониальным властям, имело огромное значение для роста национального самосознания. Недаром день создания «Буди Утомо» вошел в историю Индонезии как «день национального пробуждения»²².

Второе десятилетие XX века ознаменовалось появлением в Индонезии организованного массового движения против колониального ига. Наибольшую популярность завоевала организация, выступавшая под знаменем ислама. В 1911 году был основан «Сарекат даганг ислам» (Союз мусульманских торговцев) для защиты интересов зарождавшейся индонезийской торгово-промышленной буржуазии как от местных китайских конкурентов, так и от голландских колонизаторов. Однако индонезийская буржуазия еще не могла выступать самостоятельно как влиятельная политическая сила. В 1912 году «Сарекат даганг ислам» реорганизуется из узкокласового «союза мусульманских торговцев» в массовую политическую организацию «Сарекат ислам» (Союз ислама). Эта реорганизация была связана с именем одного из выдающихся лидеров национального движения, Умара Саида Чокроаминото.

Чокроаминото родился в 1882 году на Центральной Яве, недалеко от Маджуна. Его отец, как и отец Сукарно, принадлежал к служилой аристократии. Некоторое время Чокроаминото работал в качестве чиновника колониальной администрации. В 1905 году он ушел с государственной службы и после нескольких лет скитаний по Яве обосновался в Сурабае, где

сменил немало профессий. Чокроаминато был представителем той части интеллигенции, которая выступала главным выразителем общеиндонезийского национального самосознания и выработала идеологию наиболее радикальных течений освободительного движения. По его предложению из названия союза было выброшено слово «даганг» (торговый), что отражало стремление превратить эту организацию в массовую, всенародную, выступающую под знаменем ислама.

Политическая и экономическая консолидация колонии, формирование общеиндонезийского рынка, наличие общего для всех народностей языка межэтнического общения — малайского (впоследствии получившего название индонезийского), религиозная общность населения, 90 процентов которого исповедовало ислам, создавали объективные предпосылки для развития общеиндонезийской национально-освободительной борьбы.

С приходом Чокроаминато к руководству «Сарекат исламом» организация, по его словам, все более использовала религию «как средство национального сплочения» индонезийского народа²³. Для индонезийца ислам олицетворял то чисто национальное, чего не смогли отнять у него колонизаторы, был как бы символом утраченной независимости. Религиозная общность служила важным объединяющим моментом для неграмотных и не искушенных в политике масс.

Влияние «Сарекат ислама» и его лидера Чокроаминато быстро росло. Многие были склонны видеть в этом лидере воплощение «Рату адил» — справедливого правителя, который, согласно яванскому мессианскому мифу, вернет «старые добрые времена», создаст общество всеобщего счастья и справедливости, без иноземного гнета, налогов и повинностей. Пропагандисты организации призывали народ к объединению во имя защиты своих прав, освобождения от налогов и принудительного труда.

В. И. Ленин охарактеризовал «Сарекат ислам» как революционно-демократическую организацию, игравшую наиболее важную роль в демократическом движении Нидерландской Индии накануне первой мировой войны. В работе «Пробуждение Азии» он писал, что носителями этого движения являлись прежде всего

«народные массы на Яве, среди которых пробудилось националистическое движение под знаменем ислама»²⁴.

На социальной базе «Сарекат ислама» отразилось недостаточно четкое размежевание классовых сил индонезийского общества, что во многом и определяло его массовость. Известный советский востоковед академик А. А. Губер подчеркивал, что начальный этап деятельности организации соответствовал периоду «еще не дифференцированного антиимпериалистического движения»²⁵.

В 1912 году демократической интеллигенцией была создана мелкобуржуазная «Индийская партия», которая первой сформулировала требование о предоставлении колонии независимости, а в 1914 году в Сурабае группа голландских социал-демократов образовала «Индийское социал-демократическое объединение», поставившее своей целью распространение марксизма. Эти организации, в чьи ряды постепенно вступали передовые представители индонезийского общества, установили контакт с «Сарекат исламом», лидер которого У. С. Чокроаминаго находился в это время в зените славы.

В годы первой мировой войны в Индонезии усилилось национально-освободительное движение, приобретавшее все более массовый характер. Произошло дальнейшее полевание «Сарекат ислама»²⁶.

В Сурабае Сукарно поселился в доме Чокроаминаго, которого отец Сукарно знал лично. Отец Сукарно считал, что, несмотря на западное образование, которое получит сын, его душа всегда должна быть со своей страной, пропитана ее национальным духом.

У Чокроаминаго был большой старый дом с маленькими, тесными комнатками. Каморка, доставшаяся Сукарно, не имела окон и чем-то напоминала курятник, но зато он был ее единственным обитателем.

Сукарно помогали родители и муж его сестры, поэтому ему жилось лучше, чем многим квартирантам Чокроаминаго, и он смог даже купить велосипед. Раз в неделю Сукарно выходил в свет — шел в кино. Но денег у него хватало только на билет за экраном, и фильмы приходилось смотреть весьма оригинальным способом. Фильмы того времени были немymi, и Су-

карно не оставалось ничего другого, как читать перевернутые титры, да еще на голландском языке. Со временем он успешно овладел этим сложным искусством.

В доме Чокроаминаго были установлены жесткие порядки: квартиранты обязаны были вставать в 4 часа утра, а возвращаться домой не позднее 10 часов вечера; опоздавшие на ужин лишались его. У самого Чокроаминаго был, в сущности, неограниченный рабочий день: он то принимал сподвижников, то писал, то выступал на митингах и собраниях. Его речи производили гипнотическое действие. Сукарно сравнивал его голос с пением соловья. Ораторский талант Чокроаминаго, его выдающиеся организаторские способности были признаны и голландскими властями. Собраниями он руководил с такой виртуозностью, что «лучший западный политик не смог бы превзойти его». Влияние Чокроаминаго было огромным, люди связывали с ним свои самые сокровенные чаяния.

Великая Октябрьская социалистическая революция, оказавшая огромное революционизирующее влияние на Азию, способствовала дальнейшему развитию национально-освободительного движения в Индонезии. Осенью 1917 года на II конгрессе «Сарекат ислама» наряду с требованием статуса доминиона прозвучал и лозунг независимости²⁷.

Лидер национально-освободительного движения Чокроаминаго стал идеалом для юного Сукарно, а его дом — своего рода политическим университетом. Здесь он встретился с выдающимися индонезийскими политическими лидерами: одним из руководителей «Сарекат ислама» — Агус Салимом*, видным деятелем национально-освободительного движения Суварди Сурьянингратом, более известным под именем Ки Хаджар Деванторо**, который первым ввел в широкий оборот

---

* Агус Салим (1884—1954) — минангкабау по происхождению, некоторое время состоял на колониальной службе, а затем занимался журналистикой.

** Деванторо родился в 1889 году в Джокьякарте в семье обедневшего аристократа из княжеского рода. Будучи студентом медицинского училища в столице колонии Батавии, он принял участие в создании «Буди Утомо». С 1913 по 1918 год находясь в ссылке в Нидерландах, он основал пропагандистский центр «Индонезийское пресс-бюро». Получив диплом учителя и возвра-

термин «Индонезия»; общался с будущими лидерами Компартии Индонезии голландцами Снефлитом *, Баарсом ** и индонезийцами Семауном ***, Муссо ****, Тан Малакой *****. В беседах с Сукарно они отвечали на его многочисленные вопросы и помогали юноше критически воспринимать окружающий мир — мир резких социальных контрастов.

тившись в Индонезию, он основал национальную учебную организацию «Таман Сисва» («Сад учащихся»), которая возглавила национальное движение в области культуры. В независимой Республике он стал первым министром народного просвещения и культуры. После его смерти в 1959 году индонезийское правительство объявило день его рождения, 2 мая, официальным праздником — Днем национального образования.

* Г. Снефлит (Маринг, 1883—1942) — голландский социалист, прибыл в Индонезию накануне первой мировой войны. Здесь он работал секретарем Коммерческой ассоциации города Семаранга. Он быстро овладел малайским языком, что позволило ему установить контакты с местными трудящимися, часто выступал на митингах и собраниях. Представлял Коммунистическую партию Индонезии на II конгрессе Коминтерна, был членом руководства Компартии Голландии. В 20-х годах порвал с коммунистическим движением. В период фашистской оккупации Голландии был расстрелян как участник Сопротивления.

** А. Баарс прибыл в Индонезию в 1914 году и преподавал в техническом училище в Сурабае. В 20-х годах, подобно Снефлиту, порвал с коммунистическим движением.

*** Семаун родился в 1899 году близ Сурабаи в семье мелкого железнодорожного служащего. Он стал одним из первых в Индонезии пропагандистов и организаторов среди рабочих.

**** Манавар Муссо родился в 1898 году на Восточной Яве в бедной семье. Учился в педагогическом училище, где в 19-летнем возрасте возглавил забастовку учащихся в знак протеста против унижения со стороны преподавателей-голландцев. В 1919 году Муссо, почтовый служащий в Сурабае, был уволен за активную профсоюзную деятельность. После вступления в «Сарекат ислам» он был арестован и подвергся тюремному заключению в связи с организованными в 1919 году «Сарекат исламом» антиколониальными выступлениями.

***** Тан Малака родился в небольшом городке на Суматре. По происхождению минангкабау. Получил высшее образование в Голландии, где в 1916 году вступил в студенческое объединение, впоследствии называвшееся «Перхимпуан Индонезия». В 1919 году вернулся в Индонезию, где вскоре включился в антиколониальную борьбу.

***** Алимин Правиродирджо родился в 1889 году в Суракарте и получил европейское образование. Начав работать журналистом, он вскоре включился в общественно-политическую деятельность — стал членом «Буди Утомо», а затем и «Сарекат ислама», одновременно активно участвовал в организации профсоюзов.

Тяготы колониального режима Сукарно и сам испытывал ежедневно. Из 300 учеников голландской школы лишь 20 были детьми индонезийцев. Сукарно постоянно чувствовал это враждебное окружение. В первый же день один из голландских мальчишек встал на его пути и сказал: «Прочь с моей дороги, туземец». Завязалась драка. Сукарно часто возвращался домой в синяках и царапинах.

Сукарно был способным учеником, сообразительным, с быстрой реакцией. Обладая прекрасной памятью, он изучал голландский, немецкий, французский и английский языки. Индонезийские дети много и упорно работали, но, как бы они ни старались, отметки их голландских сверстников неизменно были выше. У Сукарно обнаружились большие способности к рисованию. Наделенный творческой фантазией, он особенно легко справлялся с рисунками акварелью на заданную тему. Однако высшей оценки он так и не получил. Да иначе и быть не могло. Важнейшей заповедью в воспитании белого ребенка в колонии было внушение ему чувства превосходства над «цветными».

Все это не могло не вызывать у юного Сукарно протест и стремление противопоставить насильственно насаждаемым в Индонезии чужим порядкам, культуре и обычаям свое, национальное.

И когда в стране возникла молодежная национальная организация «Три Коро Дармо» («Три благородные цели», с 1918 года — «Молодая Ява»), Сукарно стал активно сотрудничать в ее сурабайском отделении.

Члены организации занимались пропагандой национальной культуры, разучивали яванские танцы, обучались игре на национальных инструментах. Они ездили по деревням, собирая средства для строительства школ или оказания помощи жертвам извержения вулкана. С этой целью устраивались представления, где Сукарно часто исполнял женские роли. Те, кто видел Сукарно на сцене, признавали его актерский талант.

Свое первое политическое крещение он получил в школьном дискуссионном клубе. Шестнадцатилетний Сукарно был очень горяч, и, когда председатель представил ему слово, он вскочил на стол и начал говорить по-явански. Председатель остановил его,

напомнив, что в клубе существует правило: все выступающие должны говорить на хорошем голландском языке. В ответ на это Сукарно произнес страстную речь в защиту родного языка: «Мы должны знать наш родной язык. Голландцы — люди другой расы, их страна находится за тысячи километров от нас. Да и говорят-то по-голландски всего шесть миллионов человек. Почему мы обязаны говорить именно по-голландски?»²⁸ Такие крамольные речи впервые звучали в стенах клуба и не могли не вызвать осуждения со стороны директора школы господина Бота.

Это выступление сразу же сделало Сукарно школьной знаменитостью. О нем заговорили. Не обходили его вниманием и некоторые преподаватели, видевшие в Сукарно смутьяна, посмеявшегося выступить против незыблемых порядков²⁹.

Свободное время юноша проводил в библиотеке теософского общества, где имелись книги виднейших западных просветителей и революционеров. Они открыли ему мир Томаса Джефферсона, Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна. Он мысленно разговаривал с Руссо и Жоресом, перевоплощался то в Вольтера, то в Дантона. Тысячу раз в своей темной каморке Сукарно «спасал» французскую революцию. Вскочив на шатающийся стол, он произносил пламенные речи. Двери открывались, и его соседи спрашивали: «В чем дело? Ты болен, Сукарно?» Позже они просто шутили: «Эй, Сукарно, ты снова спасаешь мир?»³⁰

Как бы ни увлекался Сукарно политикой, учебой, диспутами, они не могли поглощать все его время. Он был слишком молод и влюбчив. Ему нравились голландские белокурые девушки. Одержимый идеей доказать свое равенство с людьми белой расы, Сукарно добился благосклонности своей сверстницы Миен Хесселс. Он был готов жениться на ней. А пока он решил пригласить ее на танцы. Взволнованный и принаряженный отправился он к ее дому. Разговор с отцом Миен оказался не из приятных. Сукарно просто выгнали.

С женитьбой Сукарно жизнь распорядилась по-своему. Случилось это вскоре после скоропостижной смерти жены Чокроаминото. Дом, в котором были еще маленькие дети, остался без хозяйки. Чокроами-

нотой был подавлен, его очень беспокоила судьба дочери Утари. Кто-то из родственников Чокроаминаго намекнул Сукарно, что его женитьба на Утари облегчила бы положение его учителя*. Сукарно после некоторых колебаний посватался к Утари, которой в то время не исполнилось и 15 лет.

Женитьба не внесла изменений в его образ жизни. По-прежнему все свое свободное время он делил между учебой и политикой. Он как бы насквозь пропитался ею в доме Чокроаминаго, который в то время называли «очагом национализма». У Чокроаминаго, прирожденного трибуна, он учился и ораторскому искусству. С особенным вниманием следил он за публичными выступлениями руководителя «Сарекат ислама», старался подражать ему.

Сукарно рвался в бой, хотел проверить собственные силы. Такой случай вскоре представился. Чокроаминаго попросил его выступить на собрании, так как сам не мог туда поехать. Аудитория была небольшая. Сукарно старался говорить просто, не перегружать свое выступление цифрами и цитатами. Он обращался прежде всего к чувствам людей, к их эмоциям. Свое выступление он начал мягким, тихим голосом: «Если вы воткнете палку в нашу землю, то из нее вырастет дерево,— так богата наша земля. Однако наш народ живет в беспросветной нищете и бедности». — «Правильно», — закричали с мест. Голос Сукарно стал крепнуть: «А знаете почему? Потому что колонизаторы не хотят вкладывать деньги в землю, из которой они получают богатства, не заботятся о том, чтобы восстанавливать и обогащать ее. Правда, они удобряют эту землю. Спросите чем? Трусами голодных людей, отдавших им все силы... Я спрашиваю вас: «Вы так же, как и я, стремитесь к свободе?» — «Да, да», — взорвалась толпа»³². «Дрожь пробежала по моему телу, когда я почувствовал, что могу приводить в движение людей»³³, — так описывал Сукарно свой политический дебют.

Сукарно после первого же публичного выступления приобрел известность. Так, в местной индонезийской

---

* Согласно одной из версий, инициатива исходила от самого Чокроаминаго, который хотел видеть Сукарно не просто своим зятем, но и преемником по «Сарекат исламу»³¹.

прессе сообщалось, что Чокроаминото в день первомайской демонстрации 1921 года прошел сквозь толпу к трибуне в сопровождении «популярного молодежного лидера Сукарно»³⁴.

Сукарно был избран секретарем, а затем председателем сурабайского отделения организации «Молодая Ява». Он стремился превратить сурабайскую секцию из своего рода «клуба молодых интеллектуалов» в массовую боевую политическую организацию, имеющую связи с народом. Вместе с тем Сукарно понимал, что невозможно возглавить массы, не приобщившись к ним.

Это приобщение он решил начать с одежды. И вот на ближайшее собрание секции Сукарно явился в «пичи» — шапочке, которую носили простые индонезийцы-мусульмане, что произвело настоящую сенсацию. «Нам нужен символ индонезийской индивидуальности, и им может стать национальный головной убор, который приблизит нас к простым людям», — убеждал Сукарно. Пичи стала символом для революционеров, вызовом голландским властям.

Примерно в то же время Сукарно начал писать в газету «Сарекат ислама» «Утусан Индия», где под псевдонимом Бима было опубликовано несколько десятков его статей и заметок.

Летом 1921 года Сукарно закончил среднюю школу. Как и многие его одноклассники, он намеревался поехать в Голландию, чтобы поступить в университет. Но мать Сукарно категорически воспротивилась этому. Наряду с материальными соображениями имело значение и ее глубокое убеждение в том, что индонец должен жить среди своих соотечественников, ибо судьба его неразрывно связана с судьбой родины. Поощряемый и поддерживаемый Чокроаминото, Сукарно решил поступать в Технологический институт в Бандунге, первое в то время высшее учебное заведение в колонии.

В конце июня 1921 года Сукарно приехал в Бандунг, курортный город на Западной Яве. Город сразу понравился ему своим прохладным климатом. Даже женщины, казалось, были здесь как-то ярче, эффектнее. Особенно его очаровала одна из них — тридцатитрехлетняя Ингтит Гарнасих, жена Сануси, пожилого хозяина дома, у которого Сукарно поселился по рекомендации Чокроаминото.

Началась подготовка к экзаменам. Потянулись дни, полные волнений и зубрежки. В Технологический институт было принято всего одиннадцать индонезийцев, и в их числе Сукарно. Он рьяно взялся за учебу, тратил много времени на овладение математикой, физикой и механикой.

В августе 1921 года голландские власти арестовали Чокроаминото. Его семья осталась без средств к существованию. Сукарно считал своим долгом взять на себя заботы о семье своего учителя. Он понимал, что теряет надежды на получение диплома, но сразу же подал заявление об уходе. Ректор долго убеждал его остаться. Сукарно был непреклонен. В Сурабае Сукарно нанялся клерком на железнодорожную станцию. Работа была нудной, утомительной и не оставляла времени для самостоятельной учебы.

В апреле 1922 года, после восьми месяцев заключения, Чокроаминото был освобожден из тюрьмы. В июле Сукарно вернулся в Бандунг, где его ожидали учеба и Инггит. Но Инггит оставалась женой господина Сануси, а он — мужем Утари. Мусульманский развод — операция очень простая для мужчины. Женщина же, согласно исламу, не может ни возбудить дело о разводе, ни отказаться от него. Сукарно отвез Утари к Чокроаминото, и его бракоразводный процесс был на этом закончен.

В 1923 году Сукарно и Инггит, получившая развод от Сануси, поженились. Сукарно был счастлив. Инггит очень любила его и окружила теплотой и заботой. Она была гостеприимной хозяйкой. Инггит ходила с ним на митинги, присутствовала на дискуссиях и во время бесед Сукарно со студентами и политическими лидерами Бандунга.

Бандунг в начале 20-х годов стал важным центром национального движения. Сукарно в то время увлекается идеями Сунь Ятсена и сближается с Чипто Мангункусумо, ставшим его политическим наставником.

Чипто Мангункусумо (1886—1943) родился на Центральной Яве в семье учителя. После окончания медицинского училища он работал врачом на Калимантане, а затем на Яве. За критику правительства и аристократии ему пришлось уйти с государственной

Сукарно — студент Технологического института в Бандунге

службы. Он принимал активное участие в работе «Буди Утомо». Это был на редкость прямой и смелый человек. Ни награда от правительства за проявленную им отвагу в борьбе с эпидемией чумы на Восточной Яве в 1911 году, которую он демонстративно вернул в знак протеста против политики колониальных властей, ни обещания присвоить его отцу дворянский

титул не могли примирить его с колонизаторами. В секретных циркулярах колониального правительства его называли «самым опасным элементом в народном движении на Яве»³⁵.

Развод с Утари, очевидно, стал определенным рубежом в отношениях Сукарно с Чокроаминото. В «Сарекат исламе» назревали противоречия между революционно-демократическим и буржуазно-либеральным течениями. Созданная в мае 1920 года Коммунистическая партия Индонезии, первая компартия в Юго-Восточной Азии и одна из первых на всем колониальном Востоке, повела за собой революционно-демократическое крыло «Сарекат ислама».

В 1921 году в «Сарекат исламе» произошел раскол. Правые буржуазные лидеры союза добились выхода из него левого крыла, руководимого компартией, которая, даже по признанию правого индонезийского историка Ситоруса, осталась «единственной организацией, имевшей огромное влияние на простой народ»³⁶. Что же касается «Сарекат ислама», то после ухода коммунистов и их сторонников он превратился в буржуазную организацию, лишенную прежней массовой базы*, а Чокроаминото перестал быть центральной политической фигурой в стране. Безусловно, это ослабило связи Сукарно с ним. Сукарно выпал из сферы политического влияния своего учителя. К этому времени он уже преодолел философию Чокроаминото с ее политическим кредо «Терпение — гарантия победы»³⁷. Сукарно не хотел ни терпеть, ни ждать.

В 1923 году произошло первое столкновение Сукарно с властями. Случилось это на массовом митинге, на одной из площадей города, до отказа заполненной народом. Многие ораторы выступали с речами, для которых было характерно одно — просьбы. Сукарно поднялся на трибуну. «Пора обращаться не с просьбами, а с требованиями к господам империалистам»³⁸, — заявил он. Голландские полицейские прервали и Сукарно, и митинг. В один вечер Сукарно стал знаменитостью города и был занесен в черный список голландской полиции. Политический дебют

---

* К середине 20-х годов «Сарекат ислам» оказался расколотым еще и на «реформистское» и «консервативное» крыло. В 1925 году «Сарекат ислам» был преобразован в «Партию Сарекат ислам».

Сукарно не остался незамеченным и в институте. Ректор, профессор Клоппер, потребовал, чтобы он прекратил заниматься политикой и больше времени уделял учебе. Сукарно ограничился обещанием до конца учебы не выступать на митингах и не нарушал его.

Но политика все больше увлекала его. Времени на учебу не хватало. Выручала прекрасная память, да и то не всегда. На выпускных экзаменах ему поставили тройку по математике, но он не унывал. В мае 1926 года Сукарно получил диплом инженера-строителя. Теперь он с полным правом мог подписываться: «Инженер Сукарно», что и делал с гордостью.

Индонезия обвиняет

Мы боремся...
потому что хотим
улучшения нашей судьбы.

Сукарно

2

По окончании учебы Сукарно получил несколько предложений, в том числе место ассистента в институте, сотрудника отдела строительства муниципалитета. Перед молодым специалистом открывалась перспектива стать обеспеченным колониальным чиновником. Но Сукарно, осуждавший всякое сотрудничество с колонизаторами, ответил отказом. Он исходил из того, что, поступая на службу к голландским властям, человек теряет свободу действий и мысли, становится колониальным чиновником, молчаливым партнером правительства.

Сукарно остался без постоянного заработка и средств к существованию. Поэтому, когда он узнал о вакансии преподавателя двух дисциплин — истории и математики в национальной индонезийской школе, открытой Ки Хаджар Деван-торо, сразу же предложил свои услуги, несмотря на то что, как он признавал сам, ему так и не удалось усвоить математику со всеми ее формулами и таблицами.

Однако Сукарно пришлось расстаться с преподавательской работой вовсе не из-за нелюбимой математики. Сукарно увлекался историей, прекрасно знал ее и старался не только привить интерес к этой науке своим ученикам, но и разбудить их эмоции. Его уроки часто походили на спектакли, разыгранные на историческую тему.

Во время одного из занятий в класс Сукарно вошел инспектор департамента

просвещения. Темой урока был империализм, пороки которого Сукарно с жаром обличал, не забыв упомянуть и родину инспектора. Звонок прервал пламенную тираду Сукарно и его карьеру учителя.

Нуждаясь в деньгах, Сукарно открыл инженерно-архитектурное бюро на паях со своим бывшим сокурсником инженером Анвари. Но бюро вскоре пришлось закрыть, так как Сукарно в сущности им не занимался. Политика всецело поглотила его. Он бесповоротно встал на путь борьбы с колониализмом, выйдя на политическую арену Индонезии в качестве страстного пропагандиста национальной независимости. «Я созрел в Бандунге»¹, — писал Сукарно в «Автобиографии».

В 1926 году, незадолго до окончания учебы, Сукарно вместе с пятью единомышленниками создает в Бандунге Исследовательский клуб. Председателем клуба был избран выпускник Лейденского университета юрист Исхак Чокрохадисурьо, первым секретарем — Сукарно. Целью организации было достижение независимости силами индонезийского народа, а путем к этому — несотрудничество с правительством. Эта тактика не была изобретением Сукарно. Ее проводил действовавший в Голландии студенческий союз «Перхимпуна Индонесиа»*. Тем не менее именно Сукарно стал среди мелкобуржуазных лидеров национально-освободительного движения самым последовательным проводником этого курса. Советский историк А. А. Губер писал, что несотрудничество было единственной в те годы возможностью — и то до поры до времени — легальной политической борьбы³. Лишь революционная организация, не сотрудничавшая с правительством, могла повести массы. На создание такой организации и были направлены усилия Сукарно.

---

* Еще в 1922—1923 годах объединявший индонезийских студентов в Голландии «Индийский союз» сменил название на «Индонезийский союз» — «Перхимпуна Индонесиа». Союз провозгласил в качестве своей доктрины «радикальный» национализм. В программе содержалось требование немедленной независимости, а тактикой союза провозглашались несотрудничество с правительством и массовая политическая агитация². Печатный орган союза носил название «Индонесиа Мердека» («Независимая Индонезия»).

Главную цель своей жизни Сукарно видел в величии Индонезии, в ее национальном возрождении, путь к которому лежал через завоевание страной независимости. Достижение национального суверенитета, с точки зрения Сукарно, было возможно только при условии объединения основных сил индонезийского общества.

В 1926 году он опубликовал статью под названием «Национализм, исламизм, марксизм». В ней Сукарно впервые сформулировал идею, которая впоследствии стала стержнем всей его политической деятельности. «Мы должны исходить из того, что только единство приведет нас к достижению нашей цели, нашей мечты — независимой Индонезии»⁴, — писал он. Эта статья содержала программу единого фронта трех основных течений национально-освободительного движения — националистического, религиозного и коммунистического.

Сукарно руководствовался тем, что все три основных политических течения Индонезии можно объединить во имя борьбы против голландцев — иноверцев, чужеземцев и эксплуататоров. Он заявлял: «Корабль, который приведет нас к свободной Индонезии, — это корабль единства»⁵. Обосновывая свою идею, призывая националистов и мусульман к сотрудничеству с коммунистами, Сукарно писал, что нельзя не принимать во внимание рост влияния социализма и коммунизма во всем мире, так как «эхо Интернационала из Европы донеслось в Азию»⁶.

Как позднее отмечал Сукарно, «огромное влияние на угнетенные народы оказал антиколониальный характер ленинской политики Советского государства, принципы самоопределения наций»⁷. «После победы Октябрьской революции в России борьба народов Азии за национальную независимость, против гнета захватчиков разгорелась с новой силой. Эта борьба стала более организованной, ее цель стала ясной и непримиримой, а именно: независимость и немедленно»⁸, — подчеркивал он.

Делая вывод, что мусульмане, марксисты и националисты должны работать вместе, Сукарно применял при этом оригинальные аргументы. «Если мусульмане откажутся сотрудничать с другими течениями, что ответят они на суде божьем?»⁹ — вопрошал он. Обращаясь к членам Компартии Индонезии, Сукарно

подчеркивал, что в других странах Азии коммунисты сотрудничают с антиколониальными движениями¹⁰. Призывая националистов к совместным действиям с другими политическими течениями, Сукарно аргументировал это тем, что все они носят национальный характер¹¹.

Выступая за союз всех антиколониальных сил, Сукарно в то же время смазывал демаркационные линии между различными идеологиями. Стремление Сукарно синтезировать эти противоположные идейные концепции в им самим созданной форме единства проявлялось на протяжении всей его политической деятельности.

Он считал, что философия, религия или политические доктрины не могут и не должны разделять людей, имеющих общую цель — борьбу за независимость. Сукарно постоянно подчеркивал бесполезность теоретических и идеологических споров между партиями, утверждая, что конфликтующие стороны на самом деле добиваются одной цели. Сукарно полагал, что именно он может объединить все течения, поскольку считал себя марксистом, националистом и мусульманином одновременно¹². На деле же основой его идеологии был национализм. Стремясь совместить три несовместимые идеологии в своем учении, Сукарно добивался гегемонии в национально-освободительном движении радикального национализма.

К моменту выхода Сукарно на политическую арену Коммунистическая партия была признанным авангардом в антиколониальной, антиимпериалистической борьбе. Ее организации функционировали по всему архипелагу. Первая половина 20-х годов характеризовалась подъемом забастовочной борьбы и крестьянскими волнениями. Руководство Компартии в этих условиях приняло решение одним махом добиться выполнения целей как буржуазно-демократического, так и социалистического этапа революции. Программа партии включала такие левачьи лозунги, как: «Социализм сейчас же», «Советская Индонезия» и «Диктатура пролетариата»¹³. В ноябре 1926 года на Яве началось антиколониальное вооруженное восстание, руководимое коммунистами, которое в 1927 году перекинулось на Суматру. Однако эти выступления были быстро подавлены. Компартия была поставлена вне

закона, все революционные союзы разогнаны, сотни коммунистов сосланы в концлагерь на Западном Ириане — Бовен Дигул¹⁴.

После разгрома Компартии главная роль в анти-колониальном движении перешла к мелкобуржуазной демократии и ее лидеру Сукарно, который выступил ведущим идеологом радикального мелкобуржуазного национализма. В. И. Ленин отмечал, что в колониях и полуколониях «есть еще *объективно общенациональные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чужденационального гнета*»¹⁵. На том этапе освободительной борьбы в Индонезии в качестве политико-идеологической платформы выступал национализм угнетенной нации, для которого было характерно преобладание демократических тенденций. Это объяснялось слабостью индонезийской буржуазии, отсутствием крупной национальной буржуазии, огромным влиянием в стране мелкобуржуазных элементов, позиция которых в отношении империализма была более радикальной и последовательной.

К этому времени Сукарно отчетливо осознал, что для завоевания независимости нужна собственная партия, которая, как показал пример КПИ, является действенным орудием политической борьбы и мобилизации масс. Сукарно сам подчеркивал, что идея «массовых действий» взята им у «марксистского рабочего движения»¹⁶.

4 июля 1927 года Сукарно и его сторонники создали Национальную партию Индонезии — НПИ, которая начала быстро обрывать отделениями на местах. Председателем партии стал Сукарно, поставивший своей целью объединить под ее руководством все силы национально-освободительного движения.

Обстоятельства сложились так, что с 1927 года, т. е. почти с самого начала бурной политической деятельности Сукарно, и до конца второй мировой войны Коммунистическая партия Индонезии была запрещена. Сукарно видел свою задачу в том, чтобы объединить мусульман и националистов, привлечь скрытых сторонников КПИ, повести за собой массы, которые ранее шли за коммунистами*.

---

* Сукарно и его сторонники располагали реальными возможностями для того, чтобы сделать это. В то время как мусульманские и либеральные круги национально-освободительного движе-

В сентябре 1927 года, выступая на конгрессе «Партии Сарекат ислам», Сукарно предложил создать федерацию национальных организаций. Его идея была поддержана, и Сукарно было поручено выработать план объединения. В декабре 1927 года представители шести основных политических партий и организаций провозгласили образование федерации «Соглашение политических националистических союзов Индонезии» (ПППКИ). Создание федерации явилось крупным шагом к сплочению национальных сил.

Основной доклад о структуре и методах работы федерации сделал Сукарно. Он начал свое выступление призывом: «Не будем касаться того, что нас разъединяет. Не будем обсуждать вопросы сотрудничества или несотрудничества с правительством. Обратимся к тому, что нас объединяет»¹⁷. Такое начало было не случайным, так как среди членов и руководителей федерации было немало сторонников сотрудничества, веривших обещаниям правительства и заседавших в созданных колонизаторами муниципальных органах и бесправном совещательном «Народном совете» (фольксрааде), которые бойкотировались сторонниками несотрудничества.

Концепция объединения на основе общего стремления к независимости устраивала как сторонников, так и противников сотрудничества. Но Сукарно не смог выполнить свою основную задачу — превратить федерацию в боевую организацию, которая выступила бы с требованием немедленного предоставления независимости. Такой силой по-прежнему была Национальная партия Индонезии, которой он и отдавал всю свою энергию.

Сукарно одним из первых вслед за лидерами КПИ понял, что именно массы и массовое движение — ключ к независимости. Это был период роста партии вширь. Сукарно без усталости колесил по Яве, выступая с речами. Он напоминал своим слушателям о славном прошлом страны, говорил о ее мрачном настоящем и светлом будущем. Он будил национальное самосознание народа. Сукарно призывал его не надеяться на милость колонизаторов, доказывал, что создан-

---

ния осудили руководимое Компартией восстание 1926—1927 годов, Бандунгский клуб критиковал репрессии, отметив, что причина восстания — в тяжелом положении народа.

ные ими псевдопредставительные органы бесполезны и всегда останутся таковыми, даже если индонезийцы и составят в них большинство*. Сукарно призывал требовать немедленного предоставления независимости. Когда оппоненты Сукарно, возражая ему, утверждали, что «народ еще не готов», он отвечал: «Независимость сейчас же — вот наш лозунг. После получения независимости мы обучим народ. А сейчас давайте подниматься на борьбу»¹⁹.

НПИ становилась массовой партией, она активно действовала среди рабочих, крестьян и мелкобуржуазных слоев города. I съезд НПИ в Сурабае в мае 1928 года принял программу партии, которая состояла из программы-максимум и рабочей программы. Программа-максимум формулировала основную цель партии — создание нового, более прогрессивного общественного строя, способного улучшить жизнь всех слоев индонезийского народа путем достижения политической независимости.

Политическая часть рабочей программы включала требование «крепить национальное самосознание и чувство единства Индонезии», что отражало общендонезийский характер НПИ. В рабочей программе содержалось требование «работать для создания самостоятельной национальной экономики». И что особенно важно, в программе намечалось создание профсоюзов и крестьянских союзов с целью стимулирования политической активности масс.

Как отмечает В. А. Цыганов, «программа-максимум НПИ предусматривала завоевание Индонезией независимости и объективно была нацелена на антиколониальную революцию, а программа-минимум должна была обеспечить максимум демократии и буржуазных свобод и сплочение национальных сил, необходимых для подготовки такой революции»²⁰. НПИ объявляла, что она представляет интересы основной массы населения, простого люда — мархаэнов**.

---

* «Все права фольксраада сводятся к тому, что он «может воскликнуть «аминь» после окончания речи генерал-губернатора»¹⁸, — иронизировал деятель национального движения Индонезии Хатта.

** Мархаэн — распространенное на Западной Яве имя крестьянина, простого человека, поэтому Сукарно называл трудящихся Индонезии мархаэнами.

Отсюда и название выработанной Сукарно идеологии — мархаэнизм.

Главным в мархаэнизме был его антиколониальный аспект, а основным условием, необходимым для достижения независимости, — единство всех слоев общества.

Сукарно стремился сочетать в мархаэнизме три идеологии, которые, с его точки зрения, являлись наиболее ценными для национально-освободительной борьбы. Это национализм угнетенной нации; исламизм, под которым он понимал не столько сам ислам, как таковой, сколько антиколониальные религиозно-политические учения; марксизм, а точнее говоря, лишь его некоторые аспекты. «Марксизм — это то, что отличает мой национализм от национализма других индонезийских националистов»²¹, — писал он. В мархаэнизм Сукарно включил также некоторые положения мелкобуржуазного социализма, «мусульманского социализма», традиционные общинные идеи, взяв из них лишь то, что было созвучно его собственным взглядам на демократию и антиимпериалистическую борьбу. В результате создавалось эклектическое учение, в целом носившее субъективный идеалистический характер.

Идеологи мархаэнизма заявили об отсутствии в Индонезии в отличие от стран Запада резкого классового неравенства и классовой борьбы. Они делали основной упор на национальную общность, подчеркивая, что все должны стремиться к одной цели — независимости. Хотя Сукарно признавал в теории классовую борьбу, он постоянно подчеркивал, что стремятся укреплять дух нации *«не как классовое сознание, что обычно имеет место в рабочем движении, но как сознание нации, национальное сознание, как национализм... В колониальной стране эти (классовые. — Авт.) противоречия совпадают с национальными противоречиями»*²², — утверждал он.

Сукарно выдвигал мархаэнизм как идеологическую основу не для временного союза в борьбе за независимость страны, а для некоего прочного, непреходящего единства, необходимого для построения в Индонезии «нового, справедливого общества». Правда, ни о каких конкретных путях создания этого «нового общества» не говорилось, все внимание концентриро-

валось на образовании широкого общенационального фронта во имя достижения независимости. Несмотря на эклектизм и непоследовательность, мархаэнизм сыграл положительную роль в сплочении широких слоев индонезийского народа в борьбе за завоевание национальной независимости и освобождение от колониального ига.

Сукарно считал важным орудием в борьбе против колонизаторов несотрудничество и бойкот всякого рода «представительных органов», созданных колонизаторами, отмечая, что НПИ не хочет политики сотрудничества, так как убеждена в том, что у нее и у правительства «различие интересов», «антитеза интересов»²³. И эту мысль он не уставал пропагандировать.

Сукарно много ездил по стране. Днем он выступал на заполненных народом площадях, вечером — в небольших помещениях, а утром — в кинотеатрах. Эффект его речей был поразительным. Люди внимали каждому его слову, он ни на секунду не терял контакта с аудиторией, черпая вдохновение в ее реакции, понимании, поддержке. Успех Сукарно объяснялся не столько глубиной анализа, сколько живым воображением, энергией и красноречием. В этом ему не было равных среди политических лидеров страны. Вероятно, один из секретов его популярности заключался и в том, что он был блестящим психологом, способным быстро схватывать настроение своих соотечественников. Массам импонировали его привлекательный внешний облик, звучный голос, доходчивые аргументы. Даже голландцы называли его «львом трибуны». Подобно Ки Хаджар Деванторо, Сукарно отказался от своего аристократического титула во имя равенства всех участников национально-освободительного движения. Для соратников по борьбе, для простого народа он был Бунгом Карно — «братом Карно»*.

Среди слушателей Сукарно было немало государственных чиновников и полицейских, которые следили за всеми его действиями. Разумеется, у Сукарно были свои приемы, с помощью которых он обманывал колониальные власти. Он употреблял идиоматические

---

* Обращение «бунг» (брат) было введено в оборот деятелями национально-освободительного движения.

выражения и местные словечки, непонятные иностранцам, дополнял свои слова выразительными жестами, старался выбирать необычные места для проведения встреч с лидерами движения. Пропаганда и агитация лидеров НПИ давали результаты: ряды партии росли, активизировалось и молодежное движение.

Созданный еще в феврале 1927 года по инициативе Бандунгского клуба союз «Молодежь Индонезии» в октябре 1928 года провел II конгресс, на котором был провозглашен лозунг: «Одна нация, одна родина, один язык» *. Во время работы конгресса впервые был исполнен только что написанный 25-летним композитором и поэтом Супратманом патриотический гимн «Индонезия райя» («Великая Индонезия») **, ставший гимном национально-освободительного движения, а затем и независимой республики. В тот период Сукарно писал: «Мы всегда должны думать о самом главном — о независимости. Именно о независимости и как можно скорее...» ²⁴ «Это первейшая и главнейшая наша задача» ²⁵.

После II съезда НПИ, состоявшегося в Джокьякарте в мае 1929 года, в деятельности партии начался новый период — «фаза работы, фаза действия». НПИ стала уделять больше внимания пропаганде в деревне, созданию профсоюзов. Это укрепляло уверенность полиции, что она имеет дело с «замаскированной коммунистической организацией». Кроме того, в НПИ, в условиях запрета Компартии, стали работать многие коммунисты.

Процесс консолидации национально-освободительного движения, рост активности и радикализма НПИ внушали колониальным властям серьезные опасения. Правительство готовилось к разгрому партии. В конце

---

* Еще с появлением первых национальных организаций малайский язык становится как бы их «рабочим языком». Лидеры национального движения все чаще заявляли, что он должен стать «языком единства индонезийской нации». А в 20-х годах за малайским языком закрепляется новое название — «бахаса Индонезия», т. е. индонезийский язык.

** Термин «Индонезия» означающий «Островная Индия» (от греческого «несос» — остров), впервые стал употребляться в западной этнографической литературе во второй половине XIX века. В лексикон национально-освободительного движения он вошел в период первой мировой войны и объективно имел антиколониальное звучание, обозначая название будущего независимого государства.

1929 года в стране стали распространяться слухи о том, что в 1930 году придет «Рату адил», народ будет освобожден, налоги отменены и наступит всеобщее благоденствие. Но эта убежденность в «великих свершениях, которые произойдут в 1930 году», зиждилась скорее на мифологической мессианской основе, чем на пропаганде партии. Страна была взбудоражена и наполнена слухами.

Обстановка накалялась. Глава колониальной администрации призвал еще в 1928 году провести разграничительную линию в политике в отношении эволюционных националистов и «экстремистов». Правые круги подталкивали генерал-губернатора к принятию против последних самых решительных мер. Голландские газеты писали о необходимости «покончить с провокационной демагогией».

На митингах, проводимых НПИ, стали провоцироваться различные инциденты, что коснулось и Сукарно. Это произошло в Мадииуне в 1929 году. Свое выступление Сукарно начал неожиданно для многих сразу боевито: «Самым опасным оружием империализма является политика «разделяй и властвуй». Голландия хочет разделить нас на группы, враждебные друг другу. Давайте объединимся в одно братство, связанное единой целью — свергнуть колониальное правление. Бороться против него... подняться всем, как один...»²⁶ Инспектор полиции стукнул тростью и закричал: «Стоп! Стоп!» Сукарно отвезли в участок, где ему посоветовали не испытывать судьбу, и отпустили, предупредив, что в следующий раз он так легко не отделается.

Следующего раза не пришлось долго ждать. Через несколько дней Сукарно отправился в Соло. Митинг закончился поздно вечером. А на рассвете резкий стук в дверь разбудил Сукарно: «Именем королевы вы арестованы». Он и Гатот Мангкупраджа — второй секретарь руководства НПИ — были арестованы и отправлены поездом в тюрьму в Бандунг. Одновременно полиция произвела аресты и обыски в отделениях НПИ в ряде городов.

В тюрьме Сукарно коротко постригли, одели в синюю арестантскую одежду с номером на спине и поместили в камеру-одиночку. Сукарно больше всего страдал от одиночества. Первое свидание с Ингтит

разрешили лишь через сорок дней. Встреча проходила в комнате для посетителей в присутствии надзирателей. Разделенные решеткой, Сукарно и Инггит обменивались ничего не значащими словами, и только их взгляды говорили о любви и верности, о несправедливости и жестокости жизни.

16 июня 1930 года в газетах появилось сообщение о скором суде над Сукарно и его товарищами — секретарем Бандунгского отделения Маскуном, членом руководства НПИ Гатотом Мангкупраджей и пропагандистом Суприадиното. Адвокатами их стали члены руководства НПИ Сартоно и Састромульоно и двое их коллег. Они взяли на себя все расходы и юридическую сторону защиты. Политическую сторону защиты Сукарно считал своим долгом подготовить сам. Но в камере не было стола, и ему пришлось писать на перевернутой вычищенной «параше», сидя на кровати. Так была написана речь «Индонезия обвиняет», ставшая впоследствии яркой страницей политической истории страны.

В середине августа 1930 года начался судебный процесс, который продолжался около четырех месяцев. Арестованных обвиняли в принадлежности к организации, имевшей целью насильственное «свержение правительства Нидерландской Индии» и являвшейся якобы «тайной преемницей» КПИ²⁷. Однако ни на основании документов, найденных во время обысков, ни на основании показаний свидетелей суд практически не смог этого доказать.

Лишь в декабре слово было предоставлено Сукарно. В своей яркой речи, цитируя многочисленные заявления западных ученых и политических деятелей на языках оригинала, он доказывал, что нищета, голод и страдания народа — результат колониального гнета. Разоблачая истинный характер голландской колониальной системы в Индонезии, раскрывая «секрет» отказа колонизаторов предоставить независимость, Сукарно заявил, что «этот «секрет» в звоне монет», этот ««секрет» пахнет сахаром, каучуком, нефтью, чаем, табаком и прочим!»²⁸. Он приводил цитаты, где сами колонизаторы признавали, что «потеря Нидерландской Индии будет для Голландии тяжчайшим национальным бедствием», что Индонезия — это спасательный круг, на котором плывет Голла-

Сукарно и его соратники перед зданием суда в Бандунге

дия»²⁹. Сукарно подчеркивал, что вопрос о том, быть или не быть революции, зависит от империалистов, а не от НПИ, которая стремится лишь оказать «моральное давление», чтобы заставить Голландию предоставить колонии независимость.

«Суд обвиняет нас в совершении преступления... Но ведь единственный динамит, которым мы располагаем,— это взрывная сила наших страданий. Наше поле битвы — митинги и пресса... Мы никогда не создавали тайных вооруженных отрядов. Наша задача —

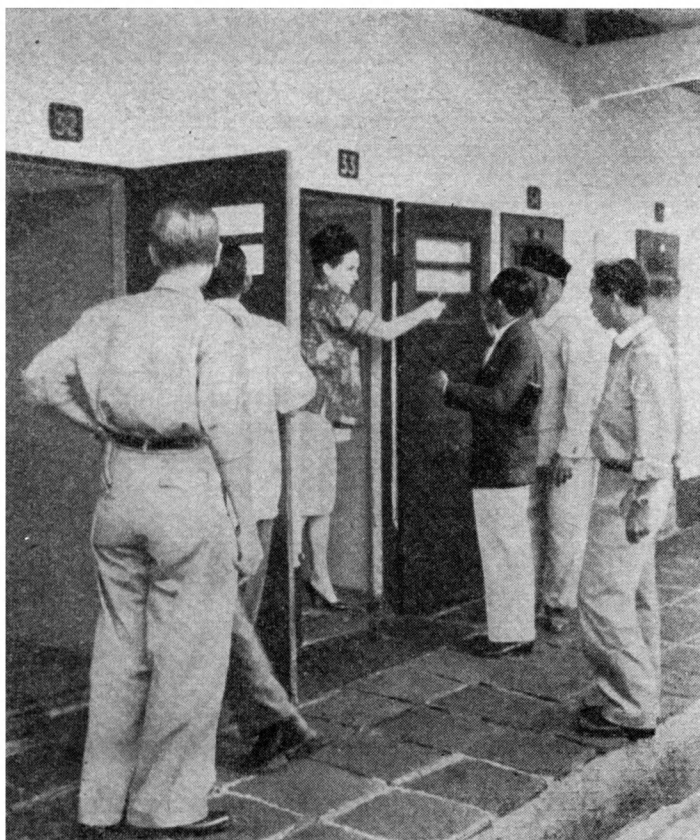
организовать и привести в движение наши силы легальными и законными средствами, доступными для нас... Да, мы революционеры. Но в нашем понимании «революционер», радикал — это борец за справедливость, это тот, кто хочет добиться перемен»³⁰.

«...Не существует независимости без национализма — поэтому мы пробуждаем национализм... не существует независимости без силы — поэтому мы организуем силы... Мы лишь знаем, что для достижения независимости необходимо наличие определенных условий, поэтому НПИ стремится создать эти условия»³¹.

С горящими глазами, обращаясь к переполненному залу, Сукарно продолжал свою речь: «Народ Индонезии, который слышит мой голос, чувствует, что это его *собственный* голос»³².

Эмоциональная речь Сукарно стала документом огромной обличительной силы. Но исход процесса был предreshен. Приговор гласил, что НПИ добивается завоевания независимости посредством свержения и ликвидации правительства Нидерландской Индии. Сукарно и трое его соратников были приговорены к тюремному заключению. В глазах индонезийцев Сукарно превратился в мученика за всеобщий идеал независимости. Его судьба волновала всех. Он стал самой популярной личностью в стране, как бы персонифицированным воплощением единства Индонезии и символом вызова колониализму. А сам процесс и речь Сукарно, по свидетельству видного политического деятеля Али Састроамиджойо, имели историческое значение для развития национально-освободительного движения в Индонезии³³.

После суда Сукарно поместили в одиночную камеру бандунгской тюрьмы Сукамискин. Первые восемь месяцев он видел только своих тюремщиков. На прогулку его выводили дважды в день по полчаса — рано утром и поздно вечером. Когда другие заключенные были в камерах, он одиноко шагал по тюремному двору. Даже работал Сукарно в изолированной комнате рядом с конторой директора. В его обязанность входило линовать листы бумаги для блокнотов — на редкость монотонная работа, особенно для такого темпераментного человека, каким был Сукарно.

Тюремная камера № 33, в которой Сукарно провел несколько лет

В тюрьме надзиратели и полицейские были голландцами, а обслуживающий персонал чином пониже состоял из индонезийцев. Некоторые голландцы и все без исключения индонезийцы тайно сочувствовали Сукарно и делали ему поблажки: приносили сигары, книги, сообщали новости об его коллегах из НПИ. Через некоторое время Сукарно стали передавать и газеты, которыми он больше всего интересовался и передача которых заключенным была категорически запрещена. Сукарно читал также книги о театре теней

и пьесы. Он перечитал «Рамаяну», преисполнившись верой в то, что добро восторжествует над злом.

После восьми месяцев строгого режима Сукарно получил разрешение на свидания и передачи. Родители никогда не навещали Сукарно: им было мучительно больно видеть своего любимого сына запертым в каменную клетку. Пребывание в тюрьме не прошло для него бесследно, и некоторые привычки, выработавшиеся там, сохранились на всю жизнь. Сукарно, уже будучи президентом, по-прежнему любил спать на жестком и ел значительно быстрее своих гостей.

В тюрьме Сукарно было запрещено читать книги политического содержания, и он начал штудировать литературу по исламу. В сущности, Сукарно не получил в семье систематического религиозного воспитания. Лишь в тюрьме он стал, по его словам, «истинным приверженцем ислама».

В то время, когда Сукарно находился в тюрьме, НПИ переживала трудные времена. После того как высший судебный орган страны отклонил апелляцию адвокатов Сукарно, руководство НПИ, занимавшее ранее выжидательную позицию, созвало чрезвычайный съезд, который констатировал, что приговор относится не только к осужденным, но по существу и ко всей НПИ, и 25 апреля 1931 года постановил распустить партию. Но уже 29 апреля группа лидеров бывшей НПИ основала новую партию, получившую название Партия Индонезии — Партиндо. Председателем партии был избран Сартоно.

В опубликованном манифесте ставились те же цели, за которые боролась НПИ. В основе его лежала прежняя программа-максимум НПИ, слегка перефразированная и измененная, но не утратившая ни одного из своих принципов. Путем переименования партии была спасена.

Тем не менее по вопросу о роспуске НПИ существовали разногласия. Часть ее членов полагала, что следовало сохранить партию, не считаясь с возможными репрессиями. Особенно резко против роспуска НПИ выступал Хатта*, который в 1926—1929 годах

---

* М. Хатта родился в 1902 году в городе Букиттинги на западном побережье Суматры. Он происходил из народности минанг-

был председателем «Перхимпуна Индонесия». В июле 1931 года он опубликовал в индонезийских газетах письмо, содержащее резкую критику в адрес лидеров бывшей НПИ, обвинив их в капитуляции. Хатта сформулировал в этом письме свои фактические разногласия с Сукарно, заключавшиеся не в целях борьбы, которые были идентичны, а в путях и методах их достижения. Спор шел о том, как развивать самосознание народа — методом массовой агитации, проведением митингов или путем разъяснительной пропагандистской работы в узком кругу интеллигентов³⁴.

На деле Хатта выступал против курса Сукарно на мобилизацию масс и активные антиколониальные выступления. Письмо Хатты послужило сигналом к расколу в рядах индонезийского национально-освободительного движения. Не вошедшие в Партиндо создали так называемую Независимую группу, а затем преобразовали ее в организацию «Пендидикан насионал Индонесия» («Индонезийское национальное воспитание»).

Первой реакцией Сукарно, когда он узнал о расколе, было глубокое огорчение. «Даст бог, и я объединю их снова»³⁵, — утешал он себя.

Тем временем речь Сукарно «Индонезия обвиняет», изданная в Европе, получила большой резонанс. Многие видные юристы выступили с требованием смягчения приговора. Давление на правительство как внутри страны, так и из-за рубежа росло. Генерал-губернатор был вынужден сократить срок заключения Сукарно с четырех до двух лет, учитывая время нахождения под следствием. Его освободили 31 декабря 1931 года. Когда у ворот тюрьмы Сукарно спросили,

---

кабау. Его отец был известным мусульманским богословом, а мать — дочерью самого богатого в городе купца. После окончания голландской начальной школы он учился в гимназии европейского типа в городе Паданге, а в 1919—1921 годах — в коммерческом училище в Батавии, где принимал активное участие в молодежном движении. Большое влияние на него в тот период оказал видный буржуазный лидер «Сарекат ислама» Агус Салим. С 1921 по 1932 год Хатта жил в Голландии, где в 1932 году окончил Высшее коммерческое училище в Роттердаме. Хатта был одним из немногих индонезийских лидеров с западным образованием, которые с юности отличались религиозностью и приверженностью исламу.

собирается ли он начать новую жизнь, он ответил, что попал в тюрьму как политический лидер и им останется.

В 7 часов утра, когда Сукарно наконец вышел за ворота тюрьмы, его встречали не только Инггит, но и несколько сот последователей и друзей. Дома был устроен небольшой праздник. Люди шли нескончаемым потоком, чтобы повидать своего вождя. А на следующий день Сукарно уже выехал в Сурабаю на созданный национальными организациями конгресс Великой Индонезии, который был специально отложен на январь 1932 года, с тем чтобы Сукарно мог на нем присутствовать.

Поездка Сукарно из Бандунга в Сурабаю превратилась в триумфальное шествие. На станциях, где останавливался поезд, всем желающим приветствовать Сукарно не хватало места. Крестьяне из окрестных деревень несли ему овощи, фрукты. Купе, в котором ехал Сукарно, было завалено подарками. В Сурабае около 9 тыс. энтузиастов восторженно приветствовали его прямо на станции. Газеты посвящали Сукарно специальные выпуски.

Здесь, на конгрессе, Сукарно произнес, как он считал, одну из своих лучших речей. Он обратился к участникам с призывом к единству, подчеркнул, что он, Сукарно, снова свободен и готов бороться вместе с ними и для них. Сукарно говорил с огромным вдохновением: «Прием, который вы мне оказали,— это не прием Сукарно-человека, но Сукарно-лидера, чьи идеалы служат народу и Отечеству. Будьте уверены, что, пока я жив, я отдам все силы для объединения движения»³⁶. Он закончил свою речь словами: «Моя любовь к Родине не угасла. Но я не могу себе позволить тратить силы на конкурентную борьбу с кем бы то ни было. Этого не будет. Нет, волею аллаха мы снова будем едины»³⁷.

Сукарно не считал разногласия между Партиндо и Пендидикан принципиальными и рассматривал их лишь как тактические расхождения. Поэтому он сразу же обратился с призывом к объединению «враждующих братьев». Казалось, что Сукарно был самой подходящей фигурой для выполнения этой задачи. Разброд в рядах борцов за независимость после ареста Сукарно лишь укрепил его авторитет, подчеркнул

его особую роль в судьбе движения. Люди были убеждены, что при Сукарно этого бы не случилось.

Даже для своих оппонентов, тех, кто придерживался политики сотрудничества с правительством, он был человеком, который, несмотря ни на что, прогонит черные тучи с политического горизонта, восстановит единство и заставит лидеров движения рассматривать друг друга как братьев, делающих одно дело, а не как врагов или соперников.

Видный деятель национально-освободительного движения Сутомо писал: «Сукарно — мотор, движущая сила всего левого движения. Он насаждал дух национализма во всех слоях общества и частях страны. Он разрушил стену, которая отделяла различные народы Индонезии друг от друга. Простые и знатные люди — все считали его своим лидером. Для них он был Бунг Карно — брат Карно. Они видели в нем пророка независимости. Он был объединяющей точкой, в которой сходились все чувства и помыслы, биение сердец»³⁸.

Одна из индонезийских газет писала: «Тот, на кого пало благословение бога, создаст чудо»³⁹. Но чуда не случилось. Все попытки Сукарно объединить Партиндо с Пендидикан не увенчались успехом.

Хатта направил в Индонезию своего ближайшего сподвижника Сутана Шарира*, который должен был объединить всех, кто был не согласен с роспуском НПИ. Прибыв в Индонезию в начале 1932 года, Сутан Шарир заявил о «различиях в характере и целях» между двумя частями движения. По существу шла борьба за руководство движением. Происходила дифференциация внутри левого крыла национально-освободительного движения, которая, однако, не меняла его общего антиимпериалистического характера. При значительном сходстве принципов и целей Партиндо и Пендидикан тактика у них была разная, по-разному решали они и организационные вопросы. Если Партиндо провозглашала своей целью скорейшее завоевание независимости Индонезии, то Пендидикан — постепенное развитие национального самосознания,

---

* Сутан Шарир — выходец из семьи чиновника с Западной Суматры. Начальное и среднее образование получил в Индонезии, а высшее — в Голландии, где учился на юридическом факультете Лейденского университета.

с тем чтобы подготовить массы к требованию свободной Индонезии, рассматривая фактически достижение независимости как длительный, многоступенчатый процесс. Лидеры Пендидикан считали главным не работу в массах, а воспитание будущих руководителей движения.

Почти все, что делал Сукарно, вызывало возражения Шарира, который смотрел на Индонезию как бы из другого мира. Он долго прожил в Голландии, где чувствовал себя, по его собственным словам, «как дома». Он сам признавал, что был слишком западным, для того чтобы его понимал народ, что в душе он был «голландцем» и никогда не считал их «чужаками и врагами»⁴⁰. Шарир писал: «Мы были связаны с Западом не только образованием, но и культурой. Запад и США нам ближе, чем Боробудур* или «Махабхарата»». Собственный же народ был для Шарира, по его словам, «слишком глуп», а сам он был выше его понимания»⁴¹.

Совсем иным был Сукарно: он никогда не покидал своей страны, не порывал с ней кровных связей, чувствовал биение ее пульса. Сукарно был истинным сыном Индонезии, и в своей деятельности он всегда опирался на поддержку простого народа.

Причины неудач НПИ Сукарно объяснял не своими ошибками или ошибками партии, а политикой колониальных властей, прибегавших к репрессиям. «Еще до того, как партия стала организовываться, она уже была за решеткой»⁴², — говорил он. Шарир же считал, что причины неудачи НПИ в бесперспективности ее деятельности, в невозможности прогресса движения, пока его возглавляют такие люди, как Сукарно.

Шарир и Хатта, обладавшие достаточно глубокими знаниями в области общественных наук и установившие за годы учебы в Голландии связи с европейской социал-демократией, выступали против Сукарно как человека, с их точки зрения недостаточно теоретически подготовленного и в то же время стремящегося утвердить свое лидерство в движении.

Хотя некоторые деятели национально-освободительного движения превосходили Сукарно организа-

---

* Древний буддийский храм на Центральной Яве.

торскими способностями и умением решать повседневные вопросы, никто не мог соперничать с ним в искусстве воздействия на массы.

Сила Сукарно заключалась не только в смелом и революционном характере его речей, не только в его ораторском таланте, но и в том, что он был тонким знатоком психологии народа, умел разговаривать с массами на понятном им языке.

Сам Сукарно неоднократно с гордостью подчеркивал свое превосходство над лидерами типа Шарира и Хатты в умении выражать свои идеалы в «соответствии с индонезийским складом ума»⁴³, что делало его признанным вождем народного движения.

После конгресса в Сурабае Сукарно неустанно призывал к восстановлению единства, считая, что тем самым выполняет волю масс. Сам он, оставаясь вне политических союзов, в мае 1932 года выступал на I съезде Партиндо, а в июне участвовал в работе I съезда Пендидикан. Однако ни это, ни многочисленные консультации с партийными лидерами не приблизили его к цели. Сукарно был слишком деятельным человеком, чтобы ограничиться только теоретическими изысканиями. Он считал, что идеи и принципы следует реализовать путем организации мощного массового движения, так как колонизаторов можно заставить пойти на реальные уступки только объединением сил, приведенных в движение под влиянием этих идей. Летом 1932 года Сукарно решил показать народу, на чьей он стороне, о чем он и заявил в опубликованном им «Обращении к мархаэнам». В конце июля Сукарно вступил в Партиндо и возглавил ее Бандунгское отделение.

В августе в Индонезию прибыл Хатта. Хатта был человеком хладнокровным, педантичным, уравновешенным. Сразу же после приезда Хатты в Индонезию Сукарно встретился с ним. Разговор между этими двумя столь непохожими друг на друга, даже противоположными по характеру и темпераменту людьми сразу же вылился в дискуссию. Хатта начал с заявления о том, что при существующих методах руководства Партиндо никогда не будет стабильной, что его идея состоит в том, чтобы создать ядро организации, которое занималось бы подготовкой кадров⁴⁴.

Он заявил, что, если «свобода не придет в течение жизни нынешнего поколения», ее завоеует следующее, которое поэтому надо воспитывать, учить, чтобы оно могло избежать ошибок предшественников⁴⁵. «Наша задача воспитывать народ, а не собирать большие массы людей, которые только и умеют, что шуметь на митингах...»⁴⁶ «Моя концепция заключается в том, чтобы нести образование в массы, что гораздо полезнее, чем магнетизм одного человека...»⁴⁷ Хатта призывал «создать тысячи Сукарно, а не аплодировать одному»⁴⁸.

Сукарно парировал: «Просвещение народа — процесс длительный, как и подготовка кадров. На мой взгляд, это — дорога длиною в жизнь. Всем этим следует заниматься после получения независимости. Агитация — это вовсе «не болтовня». Это наиболее короткий путь к мобилизации народа. Голландцы не боятся слов. Они боятся лишь реальной силы объединенных масс, и наша задача — сплотить миллионы людей в борьбе за независимость страны. И здесь лидер необходим. Он ведет массы»⁴⁹.

Сукарно рассматривал эту встречу как последнюю возможность объединить партии. Но и эта попытка оказалась тщетной. В результате деятельность Сукарно по объединению ни к чему не привела. Противоречия между Сукарно и Хаттой сохранились на всю жизнь. Они были и остались политическими оппонентами, вступая время от времени в компромисс и сотрудничая друг с другом.

В мае 1933 года на II съезде Партиндо Сукарно был избран председателем Президиума партии. Сартано стал его первым заместителем, вторым заместителем был избран Амир Шарифуддин*. Сукарно, как и прежде, взял на себя теоретическую и агитационно-пропагандистскую работу, а Сартано — организационные вопросы.

Материальное положение лидера Партиндо по-прежнему оставляло желать лучшего. Кое-что Сукарно получал за статьи, ему также помогали деятели национально-освободительного движения Али Састро-

---

* Амир Шарифуддин (1907—1948) — видный деятель национально-освободительного движения Индонезии, член Компартии с 1935 года.

амиджойо и Сартоно, занимавшиеся юридической практикой. Но эта помощь поступала не регулярно. Сукарно вновь открыл на паях с товарищем архитектурное бюро. В своих проектах зданий он стремился прежде всего к гармонии, красоте, но отнюдь не к экономичной затрате средств. Несколько домов, построенных по этим проектам, были красивы, эффективны, но слишком дороги, что лишало бюро массового заказчика. Люди же посolidнее предпочитали иметь дело с голландцами, китайцами или более лояльными правительству, политически благонадежными архитекторами. Бюро едва окупало себя. Правда, отсутствие денег не особенно беспокоило Сукарно. Он считал, что материальные трудности могут всерьез заботить кого угодно, только не человека, «горящего огнем национализма, для которого пища — свобода, а цель — объединение народа для достижения независимости».

После выхода Сукарно из тюрьмы начался новый этап в развитии мархаэнизма. Сам термин «мархаэнизм» стал общепринятым, а теория — ведущим идейным течением в национально-освободительном движении. В «9-ти тезисах мархаэнизма», одобренных на конференции Партиндо в августе 1933 года, и в брошюре «За свободную Индонезию», написанной Сукарно в том же году, были сформулированы основные положения мархаэнизма, претерпевшие к этому времени некоторые изменения.

Сторонники мархаэнизма под влиянием идей Октября, марксизма-ленинизма, опыта международного коммунистического движения и деятельности индонезийских коммунистов стали выдвигать требования не только национальной независимости, но и демократизации политической жизни страны, проведения социальных и экономических преобразований в интересах трудящихся. Индонезийские коммунисты придали своим лозунгам такое общественное звучание, что ни один национально-революционный лидер, ни одна левая партия не могли пройти при разработке своих программ мимо идей социализма. В 1933 году по случаю 50-летия со дня смерти Маркса Сукарно писал, что национализм на Востоке «обручился с марксизмом» и стал «новым национализмом»⁵⁰. В мархаэнизме появились такие понятия, как «соционационализм» и «социodemократия».

Основной целью «соционационализма» объявлялись борьба за независимость, ликвидация колониальных порядков и установление «социodemократии», отличающейся от буржуазной демократии тем, что она призвана дать народу не только формальное политическое равноправие, но и подлинное экономическое и социальное равенство. Предполагалось, что эта демократия могла быть достигнута только с помощью «соционационализма» и никаким другим путем. Независимость и ведущий к ней «соционационализм» Сукарно называл «золотым мостом» к «социodemократии», к справедливому, процветающему обществу.

По-новому были поставлены вопросы о врагах мархаэнизма и целях революции. Сукарно признавал существование индонезийского капитализма как силы, отягчающей участь мархаэнов, и призывал отвергнуть буржуазные институты, бороться с капитализмом, потому что «истинная демократия... может возникнуть только из национализма Мархаэна...»⁵¹. Сукарно в этой работе поднял вопрос о классовом характере государственной власти, подчеркнув, что «в упорной борьбе за достижение Независимой Индонезии Мархаэн должен побеспокоиться о том, чтобы плод, очищенный им, не был съеден буржуазией»⁵². «Поэтому будь бдителен, Мархаэн! Направляя Колесницу Победы, следи за тем, чтобы вожжи всегда были в твоих руках, следи за тем, чтобы политическая власть попала в твои железные руки, в твои сильные руки!»⁵³

В своих планах построения независимой Индонезии создатель мархаэнизма сумел подняться до критики, а затем и отрицания буржуазной демократии. Но, поскольку национальная буржуазия тоже выступала за независимость, единый фронт борьбы за освобождение не ликвидировался. «Я не выдвигаю борьбу классов на первое место внутри индонезийской нации...»⁵⁴ — писал Сукарно в 1933 году. Несомненно, что за этим стояло не только вполне оправданное стремление сосредоточить усилия всей индонезийской нации на национально-освободительной борьбе, но и страх перед обострением классовых противоречий, свойственный многим лидерам национального движения колониальных стран. Тем не менее заслуга Сукарно заключается в том, что он первым из мелкобуржуазных деятелей антиколониальной борьбы в

Индонезии выдвинул программу, которая не только отвечала политическим устремлениям подавляющего большинства его соотечественников, но и отражала экономические и социальные интересы трудящегося населения страны.

Сукарно выступал против тех деятелей национально-освободительного движения, которые хотели добиться независимости путем сотрудничества с колонизаторами, рассчитывали только на реформы.

Сукарно подчеркивал, что «между сторонами существуют противоречия, как между огнем и водой, как между оленем и волком, между добром и злом»⁵⁵. Он писал: «Несотрудничество — это принцип борьбы за независимую Индонезию. Он означает отказ от сотрудничества с колонизаторами во всех областях политической жизни, решимость вести с ними непримиримую борьбу»⁵⁶. Сукарно делал упор на необходимость антиколониальных выступлений масс: взоры масс «устремлены к вершине Независимой Индонезии, к ней они стремятся, а эти небольшие преобразования являются для них лишь цветами, которые они срывают по пути»⁵⁷. Антиколониальные выступления масс, подчеркивал Сукарно, можно превратить в сознательное и радикальное движение только с помощью партии, которая воспитала бы в народе и сознательность, и радикализм. Роль дисциплинированного и организованного авангарда национально-освободительного движения Сукарно предназначал своей партии, которую он, учитывая опыт международного коммунистического движения, стремился построить на основах демократического централизма. Этим во многом объяснялось то, что общий уровень организованности и дисциплины в Партиндо был весьма высоким.

Включение в мархаэнизм и программу Партиндо ряда социальных требований, вступление в эту партию самого популярного в те годы национального лидера — Сукарно привели к заметному увеличению численности Партиндо. Она перешагнула границы Явы, ее отделения создавались на Суматре, Сулавеси и других островах, она стала подлинно общендонезийской партией. С августа 1932 по август 1933 года в Партиндо вступило около 10 тыс. новых членов, тогда как численность партии Хатты—Шарира сократилась в два раза. Партиндо насчитывала 20 тыс. членов и бы-

ла одной из крупнейших национальных организаций Индонезии. В отличие от Пендидикан в Партиндо кроме крестьян и городской мелкой буржуазии состояло немало рабочих, а ее программа защищала интересы не только крестьянства, но и пролетариата.

Сукарно был убежден, что голландцы никогда добровольно не согласятся предоставить Индонезии независимость. Голландцы правили колонией 300 лет, и потребуется еще столько же, прежде чем она созреет хотя бы для самоуправления⁵⁸, — заявлял генерал-губернатор де Йонге. Памятуя эти слова, Сукарно подчеркивал, что только «разбуженный национализм» заставит их сделать это. «Оставьте свои дома, активнее вступайте в борьбу!»⁵⁹ — призывал он.

Сукарно и его соратники в феврале — марте 1933 года организовали 17 массовых митингов, в которых участвовало около 90 тыс. человек, но только немногие из них прошли без вмешательства полиции. Причинами гонений были стремление Партиндо и ее сторонников активизировать борьбу за независимость страны, численный рост партии и повышение ее организованности. В условиях мирового экономического кризиса положение колонизаторов было довольно шатким. Их пугала радикализация национально-освободительного движения, в которое втягивались все более широкие слои народа. Правые круги в Голландии выступали за более решительные действия в колонии в случае любых политических осложнений. А эти политические осложнения явно назревали.

В связи со снижением жалованья военным морякам в январе 1933 года начались волнения в расположенном в индонезийских водах голландском флоте, а в феврале вспыхнуло восстание на броненосце «Зевен Провинсиен». Индонезийские и голландские матросы захватили корабль и взяли курс на главную военноморскую базу Сурабаю. Лишь через неделю властям удалось подавить восстание. Начались аресты и репрессии.

Колониальное правительство расценило восстание на броненосце как результат «разлагающего воздействия» радикальных националистов, в связи с чем стало проводить политику «закручивания гаек». Был издан специальный декрет, запрещавший государственным служащим под угрозой увольнения вступать в

Партиндо и Пендидикан. Власти опубликовали постановление, давшее право на арест каждого, кто читает «крамольные» издания. Над головой Сукарно сгущались тучи. Весь тираж его брошюры «За свободную Индонезию» был конфискован. 1 августа 1933 года ночью в дом Сукарно пришли полицейские. Все было, как и в первый раз: «Именем голландской королевы вы арестованы».

После того как Сукарно снова провел несколько месяцев в одиночке тюрьмы Сукамин, произошло неожиданное событие. Он написал в Исполком Партиндо письмо, в котором заявил о своем выходе из партии в связи с несогласием с ее принципами, целями и тактикой. Аналогичное заявление он сделал и голландским властям. Колониальная и правая индонезийская пресса захлебывалась от восторга. Сторонникам Сукарно казалось, что их жестоко обманули. Портреты Сукарно были сняты со стен всех отделений Партиндо.

Руководство Партиндо расценило шаг Сукарно как попытку облегчить свою участь. Очевидно, в этом была доля истины: Сукарно знал, что повторное наказание будет более суровым.

Биограф Сукарно западногерманский историк Дам считает этот отказ сознательной, заранее обдуманной акцией. Он пишет, что еще до второго ареста у Сукарно зародились сомнения в правильности политики несотрудничества, которая становилась все более бесперспективной, автоматически лишая партию в условиях возросших репрессий возможности широкой легальной работы⁶⁰. «Возможно... — пишет голландский историк Я. Плювье, — путем ухода с политической арены он желал уберечь движение от дальнейших трудностей»⁶¹.

Сделать окончательный вывод о том, какие именно причины побудили Сукарно выйти из Партиндо — сознательная ли переоценка своих позиций или душевный надлом, трудно. Сам Сукарно в «Автобиографии» умалчивает об этом. «Как бы то ни было, — справедливо пишет Я. Плювье, — отречение Сукарно явилось ударом для народного движения»⁶².

Следует иметь в виду, что выход из Партиндо не означал отказ Сукарно от идеалов борьбы за независимость. И это прекрасно понимали колониальные

власти. Голландские газеты писали, что «Сукарно не стал другом Голландии, он не изменился, а только лишь отошел от своих прежних принципов»⁶³. Колониальное правительство не стало устраивать судебный процесс и, воспользовавшись «чрезвычайными правами», решило сослать Сукарно на остров Флорес.

Такое решение побудило руководство Партиндо пересмотреть свое отношение к бывшему лидеру. Ссылка рассматривалась как еще одна жертва, принесенная Сукарно на алтарь борьбы за независимость. После ареста Сукарно Партиндо продолжала борьбу, но репрессии все нарастали, и в ноябре 1936 года партии пришлось пойти на самороспуск. Лидеры партии Пендидикан Хатта и Шарир тоже были арестованы в 1934 году и сосланы. Что же касается Пендидикан, то партия продолжала существовать вплоть до японской оккупации Индонезии в 1942 году, однако в качестве маленькой группки, которая фактически никак не проявляла себя на политической арене.

В рыбацкой деревне Эндех на острове Флорес Сукарно по плану генерал-губернатора предстояло провести остаток своей жизни. Голландские власти поселили Сукарно, Инггит, ее мать и племянницу Ратну Джуами (которую Сукарно удочерил) в маленьком домике, назначили ему небольшое денежное пособие и посоветовали отказаться от политической деятельности. В деревне насчитывалось 5 тысяч жителей — рыбаков, крестьян, сборщиков кокосовых орехов. До ближайшего города — не менее восьми часов езды. Не было ни библиотеки, ни кинотеатра. Для Сукарно наступили трудные времена. Эндех стал для него тюремной камерой радиусом в 5 километров. Нарушение этой границы приравнивалось к побегу.

Сукарно в основном говорил о волнующих его проблемах только с женой; местные чиновники, слишком опасавшиеся за свою карьеру, не вступали в контакты с политическим ссыльным, а простые деревенские люди, по его словам, не интересовались политикой. Флорес был районом влияния католической церкви, что не могли не учитывать голландские власти, отправляя Сукарно в ссылку.

Круг близких сужался. На руках Сукарно в 1935 году умерла мать Инггит. В ссылке Сукарно узнал, что его первый учитель и политический настав-

ник Чокроамина то тяжело болен. Сукарно сразу же написал ему: «Вы — великий патриот, Вы сумели объединить народ в борьбе за свободу, и имя Ваше никогда не будет забыто. Я молю бога, чтобы Вы скорее выздоровели»⁶⁴. Смертельно больной Чокроамина то читал и перечитывал это письмо каждому, кто навещал его.

Сукарно тяготился вынужденным бездельем и, стремясь как-то преодолеть это состояние, начал писать пьесы. С 1934 по 1938 год он написал двенадцать пьес, поставленных самодеятельным кружком, организатором которого был Сукарно. Участники кружка — люди простые, неграмотные — учили свои роли на слух, сидя долгими вечерами под деревьями, освещенными лишь тусклым светом луны. Кружок состоял из одних мужчин, так как женщины боялись обвинений в «нескромности» в случае появления на сцене. Сукарно старался писать пьесы без женских ролей, в крайнем же случае их также исполняли мужчины. Репетиции длились около двух недель, а каждое представление — три дня. Сукарно сам оформлял декорации, костюмы. Все это создавало у него иллюзию деятельности, заполняло долгие однообразные вечера.

В ссылке Сукарно снова обратился к исламу. Он установил переписку с реформатором ислама из Бандунга А. Хасаном, который впоследствии опубликовал его письма.

В этих письмах Сукарно расценивал ислам как единственно верную, простую и рациональную религию. Вместе с тем, признавая, что «ислам отстал от жизни»⁶⁵, он призывал «широко открыть его двери для свежего ветра перемен»⁶⁶. Сукарно выступал против жестких мусульманских законов и многочисленных ограничений, которые, по его словам, «превалировали над самой верой». Он стремился как можно шире использовать ислам в интересах национально-освободительного движения.

Сколь бы тягостной ни была жизнь в ссылке, мысли о побеге не занимали его. Подпольная деятельность, на которую он был бы обречен в этом случае, не соответствовала ни его характеру прирожденного оратора-трибуна, ни его темпераменту, ни признаваемым им методам борьбы, ни ореолу мученика за народное дело.

Сукарно значительную часть своего времени уделял чтению книг, которые он получал из столицы Нидерландской Индии Батавии. Он внимательно обдумывал прочитанное, многое запоминал. Впоследствии Сукарно с легкостью приводил в своих речах целые абзацы из них, что поражало не только его соотечественников, но и иностранцев. Но в ссылке он был лишен главного — общения с аудиторией. С течением времени живой, подвижный, общительный Сукарно все больше уходил в себя. Часами сидел он в одиночестве под огромным деревом на берегу океана. Сидел неподвижно, вслушиваясь в шелест листьев, глядя на волны, погруженный в свои раздумья. Сукарно приходил туда почти каждый день. Но однажды он нарушил это правило: острый приступ малярии надолго приковал его к постели.

Когда о болезни Сукарно стало известно в столице, общественность страны выступила с требованием о переводе его в какой-нибудь город, где он мог бы получить медицинскую помощь. Колониальные власти были вынуждены уступить. Оставалось только подобрать место, которое отвечало бы этим условиям и было «безопасным» с политической точки зрения. Таким местом стал город Бенгкулен на Южной Суматре.

В феврале 1938 года после нескольких лет пребывания на острове Флорес Сукарно с семьей перевезли в Бенгкулен — небольшой городок мелких торговцев и плантаторов.

Некоторое время Сукарно жил как бы в изоляции. Одним из немногих его друзей стал учитель местной школы, который приходил к Сукарно со своей маленькой дочкой. Эти визиты доставляли Сукарно искреннюю радость. Он играл с девочкой, качал ее на коленях. А много лет спустя, уже будучи президентом, нашел ей жениха и выдал замуж. Амплуа свата, как видно, нравилось Сукарно: позднее он писал, что выступил в такой роли не менее трехсот раз.

В Бенгкулене он получил возможность работать в должности учителя в мусульманской школе, которой руководил Хасан Дин. Непременным условием работы был отказ от обсуждения политических проблем.

Обстоятельства сложились так, что ученицей Сукарно стала дочь Хасана Дина — Фатмавати. Постепенно Сукарно все больше привязывался к девушке,

Сукарно во время ссылки в Бенгкулене

проводил с ней свободное время, гулял по вечерам, играл в бадминтон, обсуждал проблемы ислама и мусульманского брака.

Конечно, Фатмавати понимала, что Сукарно годится ей в отцы. Она и называла его «бапаком» — отцом. Вместе с тем она видела в Сукарно героя, преклонялась перед ним. Да и с самим Сукарно дело обстояло не просто, хотя он и утверждал, что его любовь к Фатмавати чисто отцовская. Ведь Инггит было уже за пятьдесят, он же был полон сил и бодр, хотел иметь детей. Когда Фатмавати повзрослела и

родственники начали подыскивать ей жениха, Сукарно понял, что может потерять девушку в любой момент, и поторопился с объяснением. Во время прогулки Фатмавати спросила Сукарно, какие женщины ему нравятся: «Мой идеал — старомодные женщины, которые заботятся о муже, о доме и чувствуют себя счастливыми среди детей, потому что я, Сукарно, очень люблю детей»⁶⁷. На это своеобразно выраженное предложение о браке Фатмавати ответила согласием.

Фатмавати, очевидно, была готова войти в дом Сукарно в качестве второй жены. Но все оказалось гораздо сложнее. Инггит настаивала на разводе. Сукарно часами уговаривал ее, обещая, что, оставшись первой женой, согласно законам и обычаям страны, Инггит будет окружена почетом и уважением, а вторая жена продолжит род. Инггит оставалась непреклонной.

Приемная дочь Сукарно Ратна Джуами уехала на Яву продолжать образование, Сукарно и Инггит остались в доме одни. Отношения были натянутыми, и Сукарно целиком ушел в работу. Он делал проекты жилых домов для горожан, выступал с лекциями, организовал воскресный дискуссионный клуб, где, по его словам, обсуждались и такие проблемы, как влияние луны на поведение женщины или сравнительные достоинства риса и маиса, писал статьи под псевдонимом. Сукарно снова занялся религией, но уже с позиций активного реформаторства. В сущности, он выступал с идеей отделения религии от государства, полагая, что это предотвратит постоянное вмешательство ортодоксальных мусульманских богословов в государственные дела.

В то время как Сукарно метался в поисках дела, чтобы применить свою неумную энергию, национально-патриотические силы стали отказываться от принципа несотрудничества и консолидировать свои ряды, но уже не столько под антиголландскими, сколько под антифашистскими лозунгами.

На позицию левых сил в Индонезии, снявших лозунг несотрудничества в условиях угрозы фашизма, несомненное влияние оказал VII конгресс Коминтерна (1935 год), который положил в основу тактики международного коммунистического движения борь-

бу за единство всех антифашистских сил. С этими решениями коммунистов ознакомил нелегально находившийся в стране в 1935—1936 годах Муссо.

В 1937 году была создана левая национальная партия — Гериндо («Движение индонезийского народа»), в которую вошло большинство членов распущенной Партиндо. Партию возглавили А. Шарифуддин, А. К. Гани, Сартоно и другие лидеры бывшей Партиндо. В качестве первостепенного требования Гериндо выдвинула не независимость, а немедленное создание национального парламента. В политической части программы содержался призыв к борьбе против фашизма как «течения или умонастроения, способного уничтожить демократию». Лидеры Гериндо, заявившие о сотрудничестве с голландскими трудящимися и голландскими властями против угрозы фашизма и японской агрессии, надеялись, что солидарность с метрополией в борьбе против фашистской опасности заставит Голландию изменить свою позицию по вопросу о независимости Индонезии.

21 мая 1939 года образовалась новая федерация национальных партий — ГАПИ (Индонезийский политический союз*), в манифесте которой, принятом вскоре после начала второй мировой войны, подчеркивалась опасность фашистской угрозы для всего мира и усиление опасности для Индонезии со стороны Японии. ГАПИ предложила голландскому правительству сотрудничество в обмен на расширение прав народа Индонезии в области управления страной — создание избранного народом парламента и ответственного перед ним правительства. Созванный ГАПИ Народный конгресс Индонезии принял решение утвердить в качестве символов будущей независимой Индонезии красно-белый флаг и национальный гимн «Великая Индонезия», а языком единства — «бахаса Индонезия». Голландия никак не отреагировала на предложение ГАПИ. Более того, когда в декабре 1939 года по всей стране прошла массовая кампания борьбы за парламентскую Индонезию, несколько лидеров ГАПИ, в том числе Амир Шарифуддин, были арестованы.

---

* «Соглашение политических националистических союзов Индонезии» (ПППКИ) в 1935—1936 годах прекратило свое существование.

В мае 1940 года гитлеровская Германия оккупировала Голландию. Королевская семья и правительство эмигрировали в Лондон. После оккупации Голландии на Индонезию свалилась вся тяжесть огромных расходов по содержанию королевского двора, министерств, посольств, голландского флота. Национальные организации надеялись, что в этих условиях голландские власти будут вынуждены прислушаться к их требованиям. Однако тщетно: голландское правительство отвергло даже самые скромные пожелания, откладывая их рассмотрение до окончания войны.

Прогнозы Сукарно оправдывались. Независимость нельзя было получить из рук голландцев. Анализ сложившейся политической обстановки приводил Сукарно к выводу, что Япония рано или поздно вступит в борьбу против Англии и США на Тихом океане. Разразится война, в которую будет вовлечена и Индонезия, в результате чего возникнет возможность завоевания независимости.

Позиция Сукарно не означала его перехода на сторону Японии. Еще в 30-х годах, критикуя тех индонезийских националистов, которые приветствовали японское экономическое проникновение в Юго-Восточную Азию и в Индонезию, он писал: «Пользуйтесь японскими товарами, но не прославляйте Японию». Сукарно подчеркивал, что ее «милосердие пропитано ядом для пролетариата и мархаэнов»⁶⁸. Для него был неприемлем как западный, так и азиатский фашизм. Он не делал различия между «белым» и «желтым» империализмом.

Сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР Сукарно опубликовал статью, в которой выразил уверенность в победе Советского Союза и призвал всех, независимо от политических убеждений, к солидарности со Страной Советов: «Весь мир, сознающий мерзость фашизма, должен молиться за то и по мере возможности помогать тому, чтобы Россия, именно Россия вышла, подобно птице Феникс, из огня и свинцовой бури русско-германской войны — Россия, а не Гитлер»⁶⁹.

В декабре 1941 года Япония напала на Пирл-Харбор, и правительство Нидерландов, тесно связанное с США и Англией, объявило ей войну.

Хатта и Шарир, заявившие о сотрудничестве с голландскими властями, были возвращены на Яву. Сукарно же, так и не отказавшийся официально от несотрудничества, оставался в ссылке в Бенгкулене.

Но теперь он получил возможность открыто, под своим именем выступать в печати против фашизма, так как «его взгляды поставили его и Голландию на некоторое время по одну сторону баррикады»⁷⁰. Определенная сдержанность Сукарно в отношении Японии объяснялась тактическими соображениями: необходимостью считаться с прояпонскими настроениями в различных кругах индонезийского общества, наличием у них определенных иллюзий в отношении Японии и ее политики в Азии. С. Шарир отмечал, что популярность Японии росла пропорционально росту антиголландских настроений. На Яве распространялись прокламации о предстоящей высадке японской армии, о том, что сбудется предсказание Джойобойо*.

Сдержанность Сукарно объяснялась и тем, что он надеялся использовать возможную японскую оккупацию Индонезии как фактор, могущий способствовать скорейшему достижению независимости.

В феврале 1942 года японцы высадились в Палембанге на восточном побережье Суматры и довольно быстро начали продвигаться вглубь, не встречая серьезного сопротивления со стороны голландцев. Японские части приближались к Бенгкулену. Колониальные власти, опасавшиеся, что Сукарно может вступить в контакты с японцами, приняли решение эвакуировать Сукарно на Западную Суматру.

Сукарно выкроил минутку, чтобы проститься с Фатмавати. Он не знал, что готовит ему судьба, и лишь повторил девушке слова любви и надежды на встречу. Ночью полицейские вывезли Сукарно и Ингит из Бенгкулена. Где в повозке, а где пешком через джунгли группа направилась в город Паданг. Когда они прибыли туда, город был охвачен паникой, начались беспорядки, грабежи. Полицейские, эскортиро-

---

* Джойобойо — правителю одного из средневековых яванских государств — приписывали предсказание о том, что на Яву придет белый человек и будет править там длительное время; его прогонит желтый человек с севера, который останется на Яве лишь на период вызревания кукурузы. После этого хозяином Явы станет народ⁷¹.

вавшие Сукарно, больше заботились о собственной безопасности, чем о своем «подопечном». Сукарно воспользовался предоставленной ему свободой и вместе с Инггит перебрался из гостиницы в дом своего знакомого.

Сукарно не собирался бездействовать. Он сразу же провел митинг на базарной площади. В этой первой после почти девятилетнего перерыва речи Сукарно призвал не поддаваться панике, когда придут японцы, и верить в скорое освобождение⁷². Митинг закончился общей молитвой. Сукарно вернулся домой и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Доносившиеся с востока грохот танков и шум моторов приближались. Японцы вступили в город.

Японская оккупация

Япония стремилась
использовать нас, индонезийцев,
в своих интересах.
Но мы переиграли ее.

Сукарно

3

Приход японцев положил конец голландскому господству в Индонезии. 5 марта 1942 года они без сопротивления заняли столицу колонии — Батавию, а 9 марта голландские части окончательно капитулировали. Если Сукарно в своих прогнозах о развитии событий основывался на анализе политической обстановки, то народ в массе своей верил в предсказание о приходе с севера освободителей и надеялся на помощь «старших азиатских братьев». Японцы поддерживали эту веру умелой пропагандой. Чтобы подогреть антиголландские настроения населения, с японских самолетов сбрасывались красно-белые индонезийские флажки.

Народ видел на первых порах в японской армии освободителей, обративших в бегство ненавистных европейских угнетателей, и оказал ей радушную встречу. Японские власти не только сохранили за индонезийцами посты, но и передали им некоторые должности, ранее занимаемые голландскими чиновниками, которых отправляли в концлагеря. Оккупационные власти заменили все голландские названия индонезийскими, переименовали столицу Батавию в Джакарту и т. п., чем поначалу ввели в заблуждение многих индонезийцев.

Но вскоре новые хозяева запретили митинги, стали закрывать местные индонезийские газеты, издали декрет о снятии индонезийских национальных флагов. Оккупанты оскорбляли националь-

ные и религиозные чувства народа. Так, в часы утренней молитвы следовало отвешивать поклоны не в сторону Мекки, а на север, в сторону резиденции японского императора. Японские праздники — день рождения императора и день основания государства — были объявлены официальными праздниками Индонезии. Повсеместное внедрение всего японского задевало национальные чувства индонезийцев. Японцы проявляли жестокость по отношению к населению. Тех, кто говорил по-голландски, били. Женщин собирали под предлогом отправки в «центры обучения», однако позднее они оказывались в публичных домах. Тот, кто, проходя по улице, не поклонился солдату, стоящему на посту, получал затрещину.

Вначале оккупанты полагали, что они могут добиться своих целей в Индонезии без помощи лидеров национального движения. Они организовали пропагандистскую кампанию, получившую краткое название «Три А». Во главе этой кампании был поставлен малоизвестный местный аристократ. Целью ее было объявлено содействие созданию «сферы процветания Великой Восточной Азии», а ее лозунгами — «Япония — лидер Азии, Япония — защитник Азии, Япония — светоч Азии». Цель оккупантов сводилась к тому, чтобы под прикрытием этих трескучих лозунгов получить как можно больше сырья, продовольствия и рабочей силы для Японии, не давая ничего взамен.

Однако японское командование вскоре почувствовало, что индонезийское национальное движение является настолько важным фактором, что с ним нельзя не считаться, и что без учета этого «арийцы Востока» не смогут поставить людские и сырьевые ресурсы страны на службу Японии и ее захватническим планам. Японские власти решили прибегнуть к помощи лидеров, за которыми шел народ.

Сукарно был уверен, что рано или поздно японское командование обратится к нему. Так и случилось.

Командир дивизии в Букиттинги полковник Фудзияма пригласил его для беседы, во время которой заявил, что Япония ведет войну «за освобождение Азии от западных колонизаторов с целью создания новой, Свободной Азии». Сукарно предлагали сотрудничество на весь период оккупации и обещали, что

после победы Японии в войне Индонезия получит независимость. Сукарно был нужен японской администрации как признанный лидер, вождь народа, за которым шли массы. Целью Сукарно была независимость Индонезии, и он дал согласие на сотрудничество, считая, что цель оправдывает средства. Принимая такое решение, Сукарно рассчитывал добиться от Японии политических уступок, возможности широкого военного обучения индонезийцев и привлечения их к административной деятельности.

Сукарно хотел получить от оккупационных властей подтверждение, что ему разрешат заниматься организационной и пропагандистской работой среди индонезийского населения. «Японское правительство не будет чинить Вам никаких препятствий»¹, — заверил полковник. Фудзияма проявил по отношению к Сукарно особую любезность, отправив бывшего ссыльного домой на шикарном черном «бьюике». Сукарно выдали документ, согласно которому все представители военной администрации должны были оказывать ему содействие и поддержку во время поездок по стране. Собственно, в иной помощи Сукарно и не нуждался. Обязанности водителя его машины добровольно выполнял журналист Суска, будущий посол Республики Индонезии в Индии, а один из активистов Партиндо вызвался быть его секретарем. Сукарно ездил по всей Суматре, налаживая контакты с населением, вселяя в него веру в будущее и надежду на независимость.

По указанию японских властей Сукарно приходилось выполнять работу, от которой у него «сердце разрывалось на части». Японской армии было необходимо продовольствие, и Сукарно организовывал его поставки. Понимая, что оккупанты не остановятся ни перед чем, и опасаясь репрессий в отношении населения, Сукарно «выбивал» рис, овощи и пр. Он писал позже в «Автобиографии», что был вынужден делать эту и подобную ей работу, так как в противном случае японское командование не разрешило бы ему заниматься подготовкой народа к независимости.

Командующий оккупационной армией, штаб которой располагался в Джакарте, генерал Исамура предложил индонезийским лидерам сформировать орган, в задачу которого входила бы организация насе-

ления с целью оказания помощи японским властям. Но они отказались работать в нем без Сукарно. Тогда генерал Имамура направил полковнику Фудзияма приказ о переводе Сукарно на Яву. Сукарно был счастлив, узнав о предстоящем возвращении в родные места, где он снова встретит своих друзей и единомышленников.

Эта встреча произошла в июле 1942 года. Первым его приветствовал сын Чокроаминото — Анвар, потом пришли Сартони и Хатта, числившийся советником при японском командовании. Японцы предоставили Сукарно дом в центре города. Там Сукарно уже ожидали члены комитета по организации встречи. Много времени прошло с тех пор, как Сукарно покинул остров. Ссылка, война, безрадостные воспоминания. И вот он снова в окружении друзей и соратников. Люди становились на колени и целовали ему руки. Все были чрезвычайно растроганы, хотя многим трудно было поверить, что этот худой, усталый человек в поношенной одежде — Сукарно.

Местная пресса сообщила о возвращении Сукарно на Яву, о том, что он готов посвятить все силы тому, чтобы выковать единство индонезийского народа и повести его по пути создания «великой Азии».

Сукарно прежде всего стремился добиться единства в национальном движении. Он предложил Хатте и Шариру работать вместе, пока Индонезия не будет полностью свободной. «Мы прошли через долгий период разногласий. Но сейчас прежние расхождения больше не должны быть для нас преградой. Сегодня мы едины в общей борьбе»², — сказал он.

Был выработан специальный план. Сукарно и Хатта должны были делать все возможное для национального движения в легальных условиях, а организация подпольной работы поручалась Шариру.

В стране еще в конце 1940 года при активном участии коммунистов были заложены основы антияпонского движения. На секретном совещании коммунистов — членов Гериндо и представителей профсоюзов было решено создать нелегальную организацию — «Антифашистское народное движение» («Гераф») во главе с Амиром Шарифуддином, которая затем и стала одним из центров антияпонского подполья. В 1942 году в подполье уже действовало несколько

групп. Однако Сукарно и Хатта делали основной упор не на подпольное антияпонское движение, а на «сотрудничество» с оккупационными властями. При этом они, видя в японцах настоящих фашистов, как писал позднее Шарир, предполагали вести себя так, чтобы «только создавать видимость сотрудничества»³. «Япония дает нам шанс,— убеждал Сукарно,— и мы должны использовать его»⁴.

Сукарно рассматривал новую власть как инструмент для выполнения тех планов, которые нельзя было реализовать при голландском господстве. «Лучшей тактикой будет, если мы заставим Японию бороться за наши интересы»⁵,—повторял Сукарно. «Мы посадили семена национализма», а «теперь пусть японцы их выращивают»⁶. Он исходил из того, что оккупационные власти волей-неволей вынуждены будут готовить администраторов-индонезийцев, так как все голландцы находились в концлагерях, а собственными силами японцы не могли обеспечить контроль над архипелагом. Сукарно подчеркивал, что наконец-то появилась возможность обучить индонезийцев искусству управления, подготовить кадры руководителей, необходимых стране после достижения независимости. Хатта соглашался с тактикой Сукарно, так как обучение народа и подготовка кадров руководителей были его давнишней мечтой.

Вскоре после приезда в Джакарту Сукарно встретился с генералом Имамурой в его дворце, прежде принадлежавшем голландскому генерал-губернатору. Встреча состоялась в кабинете, который впоследствии стал рабочим кабинетом президента Сукарно. На вопрос Сукарно о дальнейшей судьбе Индонезии Имамуре ответил, что он всего лишь командующий экспедиционной армией, а предоставление Индонезии независимости входит в компетенцию императора.

Сукарно произвел на генерала сильное впечатление. «Он был человеком железной решимости. Все его мысли были сконцентрированы на независимости, он только об этом и думал»⁷—так позднее отзывался Имамуре о Сукарно.

Сукарно возобновил контакты с национальными деятелями, с которыми был связан раньше. Он снова оказался в центре политической жизни Индонезии. Имя его было у всех на устах. Для него в то время

была очень важна эта популярность лидера индонезийского народа. «Пусть видят японцы, кто есть Сукарно. И это даст мне возможность требовать больше и тверже»⁸, — говорил он. «Сотрудничество» с японцами Сукарно надеялся использовать прежде всего для организационного воссоздания национального фронта*. Он начал с того, что попытался сделать это в рамках «Трех А», но потерпел неудачу, так как движение, не имевшее ни поддержки, ни доверия индонезийского народа, медленно деградировало. В ноябре 1942 года «Три А» распустили. Однако японские власти нуждались во «всемирной» организации.

В конце 1942 года Сукарно, Хатта, Ки Хаджар Деванторо и Кьяи Мансур предложили создать новую массовую организацию, которая призвана была мобилизовать индонезийский народ будто бы «для помощи Японии». При наличии такой организации возникала реальная возможность создания национального фронта и ведения массовой агитации, которая всегда была козырной картой Сукарно.

Для новой организации Сукарно выбрал название Путера, которому придавал двойной смысл. Для японцев это было только сокращение от слов «пусат те-нага ракьят», что означало «центр народных сил», а для индонезийцев это звучало и как «сын Отечества». Такое название по замыслу Сукарно должно было напомнить каждому о его долге перед родиной.

Но в Токио не торопились идти на уступки. Официальное разрешение на создание Путера задерживалось. Однако Сукарно, зная, что гитлеровской Германии под Сталинградом нанесено поражение, а США начали отвоевывать захваченные ранее японцами острова в Тихом океане, стал занимать все более твердую позицию. Наконец 9 марта 1943 года, в день годовщины «освобождения Явы», было объявлено о создании Путера.

Путера была своего рода общественной организацией, действовавшей под японским контролем и зачастую выступавшей в качестве посредника между оккупантами и населением. Во главе Путера стояли

---

* В связи с японской оккупацией все организации национального единства распались.

Сукарно и три его заместителя — Хатта, Мансур, Деванторо.

В качестве основных задач движения провозглашались ликвидация влияния США, Англии и Голландии, создание «великой Азии», обучение народа стойкости в борьбе с трудностями военного времени, углубление взаимопонимания между японцами и индонезийцами, распространение языков обеих стран, развитие и пропаганда физической культуры. 10 апреля 1943 года был официально открыт главный штаб Путера. Поблагодарив «старших братьев» — японцев и отметив их большой опыт в том, как «сделать человека сильным», Сукарно просил их помочь и индонезийцам стать сильной нацией. Он заявил, что «верит великой Японии», и призвал аллаха благословить Путера, Японию, Индонезию и сотрудничество между Индонезией и Японией⁹.

Сукарно меньше занимался административными делами и экономическими вопросами, чем Хатта. Он в основном пропагандировал идеи национализма и стремился к созданию единого фронта, правда под лозунгами, которые были приемлемы для Японии. Сукарно заканчивал свои речи словами: «Да здравствует Япония!», «Да здравствует Индонезия и ее народ!»

Япония из пропагандистских соображений на словах поддерживала движение, на деле же мешала созданию его секций в районах и деревнях¹⁰. Оккупационные власти не разрешали называть организацию Путера, понимая, что индонезийцы вкладывают в это свой собственный смысл, запретили исполнение гимна «Великая Индонезия».

Положение Сукарно было довольно сложным. В то время как Япония превозносила его как лидера движения за «новую Азию», а пресса называла центральной фигурой, его политические достижения выглядели весьма скромно. Более того, Сукарно было приказано улаживать конфликты между населением и оккупантами, возникавшие в связи с тем, что японская армия почти полностью конфисковывала рис. Сукарно не оставалось ничего иного, как призывать народ питаться кукурузой, рассказывать о голоде в Индии, ограничениях норм хлеба в странах антифашистской коалиции. Японцев такие выступления впол-

не устраивали, и они повсюду установили репродукторы, чтобы народ мог слушать Сукарно.

Ему было также поручено выступать с нападками на противников Японии, что он и делал с немалым энтузиазмом в отношении колониальных держав Запада, негативное отношение к которым сформировалось у него давным-давно. Но Сукарно старался, критикуя Запад, в завуалированной форме критиковать и Японию. Это не ускользнуло от внимания властей, и вскоре была введена более строгая цензура. Тексты речей Сукарно просматривались и согласовывались заранее, чем он был очень недоволен. Сукарно волей-неволей приходилось вести себя осторожно.

В Индонезии, где еще только предстояло разрешить проблему грамотности, форма устного выступления была наиболее эффективной. Сукарно, будучи великолепным оратором, преподносил массам свои идеи в доступной и понятной форме. Он пользовался в своих речах образами, с детства понятными каждому индонезийцу. В них зачастую присутствовали классические герои ваянга, с которыми так сжилось сознание простого человека. Это делало его выступления красочными и впечатляющими, легко воспринимаемыми народом, но не всегда понятными оккупантам.

Позиция Сукарно, который стремился получить от оккупантов как можно больше, «сотрудничая» с ними до поры до времени, вызывала неодобрение некоторых его соотечественников, боровшихся в подполье против японского милитаризма. Сукарно убеждал своих оппонентов, что оккупация продлится недолго, что Япония проиграет войну и ее войска уйдут из Индонезии. «Мы безоружны. Вот почему мы не должны открыто выступать против них»¹¹.

Сукарно не делал ставку на борьбу самого индонезийского народа против японских оккупантов, а рассчитывал использовать благоприятную международную обстановку, складывавшуюся в результате военных успехов антифашистской коалиции и военных неудач Японии, для давления на ее правительство с целью получения все новых и новых уступок. Правящие круги Японии, военное положение которой продолжало ухудшаться, понимали, что сохранить «сотрудничество», а тем более эффективно использовать

его в своих интересах можно, только идя навстречу требованиям индонезийцев.

16 июня 1943 года премьер-министр Японии Тодзио, выступая в парламенте, намекнул на самоуправление Явы. Это заявление породило новые надежды у Сукарно. В выступлении по радио он попытался истолковать это заявление шире: для всех азиатских братьев, подчеркнул он, речь Тодзио означает, что Индонезия, ранее захваченная небольшой европейской страной, снова возвращается в ряды полноправных азиатских народов. В своих последующих выступлениях Сукарно, не забывая благодарить Японию, хотя и в мягкой форме, но настойчиво требовал не ограничивать его деятельность. Он постоянно внушал японским властям, что лишь через него можно руководить индонезийцами. «Только я, Сукарно, в состоянии влиять на массы, заставить их делать то, что вы хотите, поэтому не пытайтесь вмешиваться в мои действия»¹², — говорил он. Эти заявления, однако, вовсе не означали, что Сукарно отождествлял свои цели с целями Японии.

В июле 1943 года Тодзио прибыл с визитом на Яву. Во время торжественной встречи Сукарно выступил с речью, в которой отметил лояльность индонезийцев в отношении Японии и снова выразил надежду, что она предоставит Индонезии независимость.

Тодзио пропустил мимо ушей просьбу Сукарно «вернуть Индонезию индонезийцам». Он призывал население приложить максимум усилий в поддержку японской армии, пообещав в обмен за это увеличить представительство индонезийцев в административном аппарате.

21 августа 1943 года было объявлено о создании Генерального совещательного совета из индонезийцев в Джакарте и таких же советов в провинциях. В их задачу входило отвечать на запросы военных властей и давать рекомендации по вопросам, интересующим японские оккупационные власти. Эти меры не вызвали у Сукарно энтузиазма. Он понимал, что японское военное командование искусственно сдерживает стремление Индонезии к независимости. Если Путера создавала видимость национальной политической организации, то консультативная система — видимость представительных органов с совещательными функ-

циями при японском командовании. Из 43 членов Генерального совещательного совета 23 были назначены японскими властями, а остальные избраны самими индонезийцами.

Последние надежды относительно статуса Совета исчезли в день его открытия, ибо среди вопросов, подлежащих обсуждению, основным был запрос японского командования о мерах по оказанию индонезийским населением еще большей помощи японской армии. Такие запросы японское командование систематически направляло в Совет, и его председатель Сукарно был вынужден ставить их на рассмотрение.

Японское командование провело через Совет решение об обязательной трудовой повинности. Японцы, остро нуждавшиеся в рабочей силе, начали организовывать трудовые отряды из индонезийской молодежи и направлять их в другие оккупированные Японией страны. Вначале молодежь, особенно безработная, охотно соглашалась. Людей привлекали посулами богатства и титулами «героев труда». На самом же деле рабочие трудовых подразделений оказались в положении рабов. Тысячи людей, посланных японцами за пределы Индонезии, так и не вернулись на родину; их родственники получили извещение о том, что они погибли на Тихоокеанском фронте как «гордость нации».

Создавались также отряды для отбытия трудовой повинности в самой Индонезии. Япония проводила курс на принудительную мобилизацию населения под видом добровольности. Делалось это так: в деревнях заранее проинструктированные люди выступали с заявлениями, что «все население горит желанием внести вклад в общую борьбу против «белого империализма» совместно со «старшими братьями». После этого «добровольцы» под охраной и в сопровождении оркестра отправлялись в специальные лагеря. Сукарно был уполномочен формировать эти трудовые отряды, ему приходилось агитировать население вступать в них. Сохранилась фотография, где Сукарно с мотыгой в руках демонстрирует, как легко и приятно работать. Вместе с репортерами и представителями командования он посетил один из таких лагерей, где истощенные люди добывали руду.

Сукарно пытался связать вопрос о трудовой повинности с проблемой военного обучения индонезийцев, заявив, что они готовы «поддержать» оккупационные власти не только трудом, но и прямой «военной помощью». Положение Японии к этому времени было крайне неустойчивым. У нее не хватало регулярных частей для контроля над захваченными территориями. Поэтому осенью 1943 года, когда Гатот Мангкупраджа, один из ближайших сподвижников Сукарно, обратился к японским властям с просьбой разрешить создание добровольческого индонезийского корпуса, японцы ответили согласием.

Осенью японское командование приняло решение о создании индонезийской добровольческой армии — ПЕТА. Батальоны ее были размещены по всей Индонезии и включены в систему обороны архипелага. Всего ПЕТА насчитывала 81 батальон по 600—800 человек. В первое время добровольцы получали оружие лишь иногда на учениях, но и то, как правило, непригодное для стрельбы. Несмотря на это, создание ПЕТА отвечало планам индонезийских лидеров, так как впервые представилась возможность военного обучения народа. Сукарно справедливо считал, что индонезийцы должны уметь обращаться с оружием, усвоить армейскую дисциплину и тогда они смогут бороться с любым врагом.

Сукарно убедил японское командование, что только истинные патриоты могут по-настоящему защищать страну от западных держав, и оно поручило ему подобрать кандидатов в офицеры. Сукарно немедленно воспользовался этим, отобрав людей, преданных ему и делу борьбы за независимость Индонезии. Многие из них впоследствии стали офицерами и генералами индонезийской армии.

Некоторые подпольщики не одобряли создания ПЕТА и осуждали позицию Сукарно. Он получал анонимные письма с обвинениями в коллаборационизме, его даже называли «японским лакеем». Сукарно считал такие обвинения несправедливыми, порожденными непониманием того факта, что он хочет добиться независимости с минимальными жертвами.

«Конечно, японцы — захватчики, — отвечал Сукарно, — но такие, которых мы используем. Я помогаю им создать ПЕТА, но не для них, а для нас, для

нашей страны. И мы будем бороться против Голландии, или против Японии, или против всех, кто будет препятствовать нашей независимости. ПЕТА создана не для борьбы на стороне Японии. Она создана для борьбы за Индонезию»¹³, — убеждал он своих оппонентов.

Хатта энергично поддерживал Сукарно в те дни. Он одобрял его тактику и помогал пропагандировать планы создания ПЕТА. Они оба надели военную форму, маршировали и учились стрелять. Сукарно и Хатта хорошо дополняли друг друга; у них была общая цель — достижение независимости, и они действовали согласованно.

1943 год для Сукарно складывался не очень удачно. Здоровье его оставляло желать лучшего. Хроническая малярия систематически укладывала его в постель, обострилась болезнь почек, сопровождавшаяся острыми приступами. И дома не все обстояло благополучно. Отношения с Инггит были крайне натянутыми. Хотя все это время Сукарно и не встречался с Фатмавати, но она как бы незримо отделяла его от Инггит. По своему настоянию Инггит получила развод, после чего она уехала в Бандунг.

Сукарно хотел немедленно жениться на Фатмавати, не дожидаясь ее приезда в Джакарту. В соответствии с возможностями, которые открывали законы ислама, он оформил брак с ней заочно, попросив одного из своих друзей на Суматре выступить в качестве представителя жениха на церемонии бракосочетания. Через несколько недель осенью 1943 года Фатмавати приехала в Джакарту. А в ноябре Сукарно, Хатту и представителя мусульманской общины Ки Багус Хадикусумо пригласили в Токио, чтобы «выразить императору благодарность» индонезийского народа за то, что ему «предоставили возможность принять участие в управлении своей страной».

Визит продолжался две недели и включал поездку по стране. Сукарно и его коллег сопровождали высокопоставленные японские чиновники, министр заморских территорий показывал им Киото, премьер-министр Тодзио устроил пышный прием в честь индонезийской делегации.

Центральным событием визита стала встреча с императором. Индонезийские делегаты в течение трех

дней старательно репетировали перед зеркалами в гостинице «Империял» церемонию встречи. Несколько шагов вперед, низкий поклон, еще несколько шагов, и снова поклон делали делегаты, одетые в полосатые брюки и черные фраки, сшитые специально для аудиенции у императора. Во время этой аудиенции Сукарно не успел продемонстрировать свое знание японского протокола и отвесить все предусмотренные поклоны. Неожиданно для присутствующих сам император нарушил его: протянул Сукарно руку для пожатия. Сукарно был также удостоен высшего для иностранца ордена. Хатта и Хадикусумо тоже получили награды, хотя и менее значительные. На этом и закончились «благодения» японцев. Несмотря на то что Сукарно четыре раза встречался с Тодзио, ему так и не удалось добиться предоставления Индонезии независимости, права исполнять гимн и вывешивать национальный флаг. Более того, в начале 1944 года японские власти объявили о роспуске Путера.

На смену ей 1 марта 1944 года пришел «Джава Хококай» («Союз верности народу»), находившийся под более строгим японским контролем. Номинальным главой его назначили Сукарно, но свобода его действий была значительно ограничена. От организации требовали еще более тесного сотрудничества с оккупационными властями, участия населения в строительстве оборонительных сооружений, создания новых рабочих бригад, отправляемых на различные участки фронта. Но эту жесткую политику оккупантам вскоре пришлось пересмотреть.

Изгнание Красной Армией гитлеровских захватчиков с территории Советского Союза, открытие второго фронта в Европе приближали крах фашистской Германии. Япония также терпела на фронтах одно поражение за другим. С июля 1944 года американцы начали захватывать острова, лежащие на пути в Индонезию. Японии стало все труднее получать в больших количествах сырье и материалы из этой «величайшей кладовой Азии». Становилось очевидным, что оккупационная армия не сможет удержать Индонезию в своих руках без внушительной помощи из Японии. В Индонезии росли антияпонские настроения среди рабочих, недовольных низкой зарплатой, среди крестьян, выступавших против принудитель-

ных продовольственных поставок и реквизиций скота, и т. п. Сложившаяся ситуация полностью исключала для Японии возможность борьбы на два фронта — с противником и местным индонезийским населением, если его лидеры откажутся от сотрудничества и встанут на путь борьбы против оккупантов*. Японское правительство вынуждено было пойти на дальнейшие уступки индонезийцам.

В сентябре 1944 года на сессии японского парламента новый премьер-министр Койсо, преемник Тодзио, заявил о том, что «Японская империя дарует в будущем независимость всему индонезийскому народу»¹⁴. Вскоре после этого военная администрация ослабила контроль над деятельностью «Джава Хококай». Было разрешено вывешивать национальные флаги, исполнять национальный гимн. Было также объявлено о создании специального органа по изучению вопроса о подготовке страны к независимости. Но конкретные сроки не были указаны, все ставилось в зависимость от хода военных действий.

Сообщение японского правительства о предстоящем предоставлении независимости Индонезии было обставлено с большой помпой. Глава японской военной администрации Ямамото вызвал Сукарно в штаб командования и в присутствии репортеров торжественно зачитал заявление Койсо. Для Сукарно это было абсолютной неожиданностью. Он побледнел, затем разрыдался. Казалось, его мечта сбывается. Больше всего Сукарно поразило то, что Япония ставила вопрос о независимости для всей Индонезии, хотя раньше отказывалась вести переговоры даже о независимости Явы. Эти уступки усилили позиции Сукарно и других сторонников «сотрудничества». Но он понимал, что дальнейшие шаги по подготовке независимости не последуют автоматически, что необходимо собирать силы, чтобы в будущем устранить все препятствия на пути к ней.

---

* Японские оккупационные власти жестоко подавляли даже малейшие попытки к открытому сопротивлению. К 1943 году они арестовали одного из лидеров антияпонского подполья, Амира Шарифуддина. Он был подвергнут пыткам и приговорен к смертной казни. Только его популярность в народе и вмешательство Сукарно, который пригрозил японским властям отказом от сотрудничества, спасли Шарифуддина. Смертная казнь была заменена пожизненным заключением.

Вместе с тем некоторые его соратники, считая, что все возможное от Японии уже получено, предлагали «свертывать сотрудничество» и даже переориентироваться на западные страны.

Сукарно же был убежден, что Индонезия может получить независимость ценой минимальных жертв, лишь продолжая «сотрудничество» с Японией. Преждевременный отказ от «сотрудничества» с ней мог привести к открытому расколу движения. Сукарно решил связать руки своим оппонентам. На ноябрьской сессии Совета по его указанию Сартано внес предложение о принятии «Панча Дарма» — своего рода клятвы в верности Японии, состоявшей из пяти пунктов. В «Панча Дарма» говорилось:

1) В этой борьбе не на жизнь, а на смерть совместно с другими народами великой Азии мы стоим вместе с великой Японией и готовы к жертвам, так как эта борьба в защиту правды и справедливости.

2) Мы закладываем основы индонезийского государства, которое будет независимым, единым, суверенным, справедливым и процветающим, которое будет верить в великую Японию и будет надежным членом великой азиатской семьи.

Предусматривалось также обязательство развивать азиатскую культуру, служить народу и государству, бороться за прочный мир во всем мире, за мир, основанный на братстве всех людей, что объявлялось «идеалом императора»¹⁵.

Совет принял «Панча Дарма».

В феврале 1945 года американские и английские войска заняли Филиппины. Каждое поражение Японии вызывало новый подъем среди индонезийцев. Народ чувствовал, что господству оккупантов приходит конец.

14 февраля 1945 года солдаты батальона ПЕТА, который нес охрану в городе Блитаре, подняли восстание. Причинами выступления послужили слухи об отправке на фронт, конфликт между японскими и индонезийскими офицерами и инструкторами. Восставшие надеялись, что их выступление станет сигналом для всеобщего развертывания антияпонской борьбы. Но выступление было жестоко подавлено. 8 организаторов его были приговорены к смертной казни, 28 — осуждены.

Сукарно считал ПЕТА важнейшим орудием будущей национальной революции. Поэтому в своем официальном заявлении он выразил сожаление по поводу восстания, назвав эту акцию «неразумной и вредящей интересам индонезийского народа»¹⁶. В то же время он призвал японские власти не проявлять жестокости в отношении его участников.

Сукарно видел только два пути борьбы: восстание, к которому, как показало выступление ПЕТА, народ еще не готов, или продолжение «сотрудничества» с целью организации и накопления сил в ожидании поражения Японии в войне. Сукарно выбрал второй путь. И хотя формально Сукарно выполнял указания японской военной администрации, его деятельность, поездки по стране и многочисленные выступления будили национальное самосознание, укрепляли веру в скорую независимость. Даже в самых отдаленных деревнях крестьяне собирались под «поющими деревьями» (на них были установлены репродукторы) и часами слушали пламенные речи Сукарно. Он вновь и вновь повторял предсказание Джойобойо о том, что «не успеет созреть кукуруза, как желтые люди уйдут с острова». Сукарно внушал народу, что японцы — это «гости, дни пребывания которых ограничены».

В марте 1945 года японское военное командование на Яве создало во главе с ветераном национально-освободительного движения доктором Раджиманом* Исследовательский комитет по подготовке независимости Индонезии.

После денонсации СССР 5 апреля 1945 года советско-японского пакта о нейтралитете и капитуляции Германии 8 мая 1945 года японское правительство понимало, что в сложившейся ситуации есть лишь один путь для завоевания поддержки со стороны индонезийцев — предоставление независимости. 11 мая министерство по делам Восточной Азии заявило, что к январю 1946 года Индонезия станет независимым федеральным государством, выступающим в войне на стороне Японии.

---

* Раджиман Веднодининграт (1879—1951) — выходец из аристократической семьи, получил образование в Европе. По своим взглядам примыкал к либерально-буржуазным националистам.

С 29 мая по 1 июня 1945 года состоялось первое заседание Исследовательского комитета, которое проходило в обстановке споров и дискуссий. Некоторые мусульманские лидеры требовали создания исламского государства. Другие заявляли, что страна еще не готова к независимости, так как народ в основном неграмотный, страдает от болезней, влачит жалкое существование. Создавалось впечатление, что достичь компромисса невозможно.

Сукарно внимательно слушал всех ораторов, стараясь понять каждого. Сам он решил выступить в последний день заседания. К этому выступлению он готовился давно. Еще в тюрьме и ссылке он размышлял о принципах, которые должны стать основой независимой Республики Индонезии. Ночь перед выступлением Сукарно провел в большом волнении, прося, по его словам, помощи и вдохновения у аллаха.

1 июня в 9 часов утра, сразу же после того, как было открыто заседание, Сукарно взял слово. Он начал с традиционного лозунга: «Независимость — Индонезии!» Сукарно далее подчеркнул, что если выполнить все предварительные условия, которыми обставляют срок предоставления независимости, то Индонезия никогда не будет свободной. «Разве каждый русский человек уже умел читать и писать, когда Ленин создавал независимую Советскую Россию? Нет, уважаемые господа! Только по другую сторону моста, воздвигнутого Лениным, были построены радиостанции, созданы школы, организованы детские ясли, построен Днепрогэс!

...Если наша нация, вся Индонезия, индонезийский народ в целом, готова погибнуть, защищая свою родину — Индонезию, пусть даже только с бамбуковыми копьями в руках, значит, индонезийская нация уже готова, уже созрела для независимости»¹⁷.

Сукарно назвал пять принципов — Панча Сила — в качестве идеологической основы будущего независимого государства: индонезийский национализм; интернационализм, или гуманизм; дискуссия, или демократия; социальное благосостояние; вера в бога¹⁸, — и пояснил значение каждого из них.

Индонезийский национализм, подчеркивал Сукарно, необходим, ибо человек не может и не должен быть отделен от земли, на которой живет. Этот принцип

должен быть воплощен в форму независимого единого национального государства.

Касаясь второго принципа, Сукарно сказал: «Мы должны не только создать независимую Индонезию, но должны также стремиться к содружеству наций».

Относительно третьего принципа Сукарно заявил, что индонезийский народ веками решал все вопросы путем достижения соглашения посредством консультаций и компромиссов («мушавараха» и «муфаката»). Этот принцип отражал и традиционную общинную идеологию крестьянства, и стремление прогрессивных сил к демократизации страны.

Четвертым принципом была названа социальная справедливость. Сукарно напомнил, что народ давно мечтал о «царстве справедливости», и хочет не только политической демократии, но и социальной, экономической демократии, создания нового мира, где будет всеобщее благосостояние¹⁹. Этот принцип был развитием старой идеи Сукарно о «социодемократии», в нем в общих чертах содержалась мысль о необходимости борьбы за повышение жизненного уровня народа и за экономический подъем страны.

Последним пунктом была вера в бога: «Не только индонезийская нация должна быть религиозной, но желательно, чтобы каждый индонезиец был религиозным, имел своего бога»²⁰. Сукарно призвал сочетать веру в своего бога с уважением других вероисповеданий. Под этим принципом имелась в виду веротерпимость, отказ от одной официально господствующей религии.

Сукарно закончил речь символическим сравнением: «У ислама пять главных заповедей, у нас на руке пять пальцев, у нас пять органов чувств, в «Махабхарате» пять героев... и принципов, на которых мы построим наше государство, также пять». Но их можно свести к одному принципу — «готонг-рой-онг», к принципу взаимопомощи: вместе работать, вместе проливать пот, вместе бороться, делать все в общих интересах. Этот принцип должен действовать в отношениях между богатыми и бедными, между мусульманами и христианами, между индонезийцами и неиндонезийцами. «Индонезийское государство, создаваемое нами, должно быть государством «взаимной помощи!» Как это просто! *Государство* «взаимной по-

мощи!»²¹ Зал взорвался аплодисментами, делегаты стоя приветствовали Сукарно, выражая согласие с ним.

Принципы Панча Сила отражали стремление Сукарно выработать такую идеологическую основу, которая могла бы сплотить в момент провозглашения независимости различные социальные слои и политические течения и до известной степени сгладить противоречия между ними.

В целом принципы Панча Сила можно рассматривать как прогрессивную антиколониальную и антиимпериалистическую программу, положенную в основу борьбы за создание независимой республики. Она выражала основные требования народных масс — предоставление стране независимости, освобождение от колониального гнета, суверенитет и равенство с другими государствами. В этом ее важное историческое значение для национально-освободительной борьбы индонезийского народа.

Японская администрация надеялась, что Комитет погрязнет в бесконечных дебатах и это позволит ей выиграть время. Эти надежды не сбылись. Индонезийские патриоты сумели использовать этот орган для пропаганды идеи освобождения индонезийского народа от иностранного ига.

На очередном заседании Комитета Сутомо, юрист по образованию, зачитал текст проекта конституции будущей независимой Индонезии, в котором идеи Сукарно о государстве были облечены в юридические термины. Индонезия объявлялась единой республикой, охватывающей территорию бывшей Нидерландской Индии. Высшим государственным органом становился Народный консультативный конгресс, созываемый раз в пять лет, избирающий президента, наделенного всей полнотой власти и подотчетного лишь ему. Предполагалось также создание парламента, рекомендации которого не были обязательны для президента; министры назначались президентом и несли ответственность только перед ним.

Итак, конституционные основы будущего независимого государства были созданы, и Сукарно ждал благоприятного момента. Но радикальная молодежь не хотела ждать, она требовала немедленного провозглашения независимости и призывала к борьбе против

оккупантов, ибо только независимость, завоеванная народом, а не «подаренная Японией», может иметь подлинную цену.

Разделяя идею о том, что получение независимости должно быть итогом усилий самого индонезийского народа, Сукарно тем не менее сдерживал порывы к немедленному выступлению против японских оккупантов, призывал молодежь к терпению, убеждал, что ждать осталось недолго.

Разгром фашистской Германии коренным образом изменил военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. Тем не менее японская военщина надеялась, что сможет успешно сопротивляться англо-американским войскам как на территории самой Японии, так и в оккупированных ею странах.

17 июня 1945 года Япония официально объявила, что к концу сентября Индонезии будет предоставлена независимость, чтобы «она присоединилась к битве за общую оборону Восточной Азии»²².

26 июля 1945 года США, Англия и Китай опубликовали Потсдамскую декларацию, в которой призвали Японию капитулировать. Но японские милитаристы продолжали курс на затяжную войну, планируя втянуть в нее и Индонезию. Вопрос же о сроке предоставления ей независимости японские правящие круги теперь поставили в прямую зависимость от позиции СССР. Японский главнокомандующий в Юго-Восточной Азии маршал Тераучи получил 29 июля 1945 года из Токио секретную телеграмму, в которой говорилось: «...в принципе император дарует индонезийцам независимость, однако она может быть провозглашена лишь тогда, когда участие России в войне станет неизбежным».

6 августа Тераучи пригласил Сукарно, Хатту и Раджимана срочно прибыть в свою штаб-квартиру, не сообщив о цели визита. Маршал принял их в Далате, около Сайгона, и заявил: «Японское правительство передает дело независимости вашего народа полностью в ваши руки»²³.

Сукарно и Хатта не ожидали этого. Они смогли лишь сказать: «Благодарим вас, очень благодарим». Председателем экстренно созданной индонезийской комиссии по подготовке независимости был назначен Сукарно, его заместителем — Хатта. Сукарно и Хатта

присутствовали на нескольких банкетах, где японские военные делали вид, что война для Японии продолжается успешно. Лишь через день после вылета из Далата Сукарно, Хатта и Раджиман узнали, почему японское правительство, всемерно затягивавшее предоставление Индонезии независимости, так поспешно объявило об этом.

Конец войны на Дальнем Востоке был близок. 9 августа Красная Армия развернула мощное наступление против Квантунской армии, а 14 августа Япония заявила о своей согласии на капитуляцию. В тот же день еще не зная об этом делегация вернулась в Джакарту. В городе создалась напряженная обстановка. Заявление Токио о капитуляции деморализовало японские оккупационные силы. Хотя японское командование стремилось скрыть от индонезийцев решение правительства, в городе об этом много говорили. Радикально настроенная молодежь решительно выступала против принятия независимости из рук японских оккупантов и, считая момент благоприятным, требовала ее немедленного провозглашения.

Ни Сукарно, ни Хатта не верили, что Япония капитулировала. Они думали, что война будет продолжаться еще несколько месяцев. Поэтому Сукарно и Хатта не согласились с предложением провозгласить независимость на другой день — 15 августа, боясь излишнего кровопролития. Сукарно и Хатта стремились получить официальное подтверждение о капитуляции от тех японских военных, которые, как они считали, сочувствуют индонезийцам. Таким прежде всего был адмирал Маэда. Но на прямо поставленный Хаттой вопрос адмирал дал уклончивый ответ.

Сукарно и Хатта, догадываясь, что от них скрывают решение Токио, назначили заседание Комиссии на 10 часов утра 16 августа. Но 15 августа вечером группа лидеров различных молодежных антияпонских организаций под председательством представителя Объединения учащихся Х. Салеха провела собрание, на котором было принято решение просить Сукарно и Хатту немедленно провозгласить независимость, чтобы это выглядело актом народа, а не «даром» Японии. Вечером они пришли в дом Сукарно с предложением «начать всеобщую революцию», дать сигнал, по которому «тысячи вооруженных людей заставят

сдаться японскую армию». Молодежь была готова умереть за свободу, но ее пламенные слова не подействовали на Сукарно. Он заявил, что Индонезия — это не только Джакарта, помощи ждать неоткуда, и отказался принять участие в «ночном перевороте». Его поддержал и прибывший в разгар беседы Хатта. Хатта, назвав визитеров «горячими головами», заявил, что нельзя провозгласить независимость, прежде чем станет официально известно о капитуляции Японии и о намерениях оккупационных властей. Он и Сукарно считали, что этот акт следует осуществить от имени и по решению Комиссии по подготовке независимости.

Делегация молодежи ушла, приняв решение похитить Сукарно и Хатту, чтобы вдали от японцев, в кругу единомышленников у них появилась возможность взглянуть на вещи более независимо и смело и присоединиться к восстанию. 16 августа в 4 часа утра, когда Сукарно, взволнованный вечерним визитом, еще не спал, группа молодежи во главе с Салехом вошла в комнату и предложила ему следовать за ней. Сукарно, Фатмавати и сына вместе с другим «пленником» — Хаттой отправили в Ренгасденклок, находившийся под контролем частей ПЕТА, которые арестовали японских инструкторов и подняли красно-белый индонезийский флаг. В Ренгасденклоке Сукарно и Хатте была устроена торжественная встреча. После переговоров с Субарджо, Сукарни и другими лидерами антияпонских групп Сукарно и Хатта согласились по возвращении в Джакарту провозгласить независимость Индонезии.

Таким образом, давление представителей антияпонских сил заставило Сукарно и Хатту преодолеть колебания, вызванные угрозой вооруженного конфликта с японцами в условиях отсутствия регулярных индонезийских войск, и ускорило провозглашение независимости. Характерно, что молодежные лидеры просили именно Сукарно провозгласить независимость, понимая, что в стране нет другого деятеля, обладающего столь большим авторитетом в широких народных массах. Вечером Сукарно и Хатта вернулись в столицу. До начала 17 августа 1945 года, Дня провозглашения независимости, оставались считанные часы.

Независимость

Событие, к которому
я готовился всю жизнь,
свершилось.

Сукарно

4

В ночь на 17 августа Сукарно, Хатта, Раджиман и другие члены Комиссии вместе с представителями антияпонских групп выработали Декларацию независимости. Сукарно написал текст этого документа, который гласил: «Мы, индонезийская нация, настоящим провозглашаем независимость Индонезии. Вопросы, связанные с передачей власти, и другие вопросы будут решены самым тщательным образом в кратчайший срок. От имени индонезийской нации: Сукарно, Хатта»¹.

Весть о предстоящем провозглашении независимости молниеносно распространилась по городу. Утром 17 августа сотни людей собрались около дома № 56 на улице Пегангсаан Тимур, где жил Сукарно. Гарнизон ПЕТА, расположенный неподалеку, находился в боевой готовности. Оттуда были направлены наряды, патрулировавшие вокруг дома Сукарно. Перед микрофоном, снятым с японской радиостанции, Сукарно произнес краткую речь и зачитал Декларацию независимости. Затем капитан Латиф поднял флаг, сшитый накануне женой Сукарно из двух кусков красной и белой материи. Флагштоком стал наспех срезанный ствол бамбука. После подъема флага все запели гимн «Великая Индонезия». Провозглашение независимости стало важнейшим событием в жизни Сукарно.

Адам Малик*, видный деятель национально-освободительного движения,

---

* С весны 1978 года вице-президент.

Сукарно оглашает текст Декларации независимости

работавший в конторе японской информационной службы «Домей», организовал передачу по радио сообщения об образовании независимого государства — Республики Индонезии. Провозглашение независимости означало конец господства не только японских захватчиков, но и голландских колонизаторов.

Провозглашение независимости произошло в благоприятных для Индонезии условиях. Еще летом 1945 года между американским и английским командованием было достигнуто соглашение о том, что территория Индонезии будет сферой действия английских войск. Это решение было вызвано прежде всего особой заинтересованностью Англии в Юго-Восточной Азии, где она имела колониальные владения и базы. США согласились на такое разделение «сфер влияния», поскольку это давало им возможность установить свой контроль над Китаем и Японией.

Англия стремилась восстановить в Индонезии голландское господство. Поэтому главнокомандующий союзных войск в Юго-Восточной Азии адмирал Маунтбеттен отдал японской администрации распоряжение охранять статус-кво в Индонезии до прихода английских войск, что фактически препятствовало провозгла-

шению независимости. Но японское командование не хотело таскать каштаны из огня ни для Англии, ни для Голландии. Поскольку английские войска не могли немедленно высадиться в Индонезии, молодая Республика получила около полутора месяцев передышки.

Уже на следующий день после провозглашения независимости Комиссия, в которую были включены шесть новых членов из числа представителей молодежи, в том числе Сукарни и Хайрул Салех, утвердила конституцию Индонезийской Республики, избрала президентом Сукарно и вице-президентом Хатту. Было принято решение создать в ближайшее время в качестве совещательного органа при президенте Центральный национальный индонезийский комитет — «Комите Насионал Индонесиа Пусат» (КНИП).

Конституция оформляла создание на территории бывшей Нидерландской Индии нового независимого унитарного государства, имеющего республиканскую форму правления. Конституция была в целом направлена на эффективное упрочение его независимости перед лицом серьезной угрозы со стороны империалистических держав. Она имела антиколониальный и антиимпериалистический характер. В ее преамбуле содержался призыв к ликвидации колониального угнетения во всем мире, провозглашалось право каждой нации на независимое существование. Конституция юридически закрепила завоевание независимости Индонезией и утвердила Панча Сила в качестве ее государственной основы.

Прогрессивное значение имели статьи конституции о демократических правах и свободах, которых индонезийцы были лишены при голландском господстве и в годы японской оккупации. Конституция наделяла президента Республики всей полнотой законодательной и исполнительной власти. Президент был главой правительства, верховным главнокомандующим вооруженных сил, имел право объявлять военное положение и войну, подписывать мир, заключать договоры с другими странами и т. д. В будущем предусматривалось создание высшего законодательного органа — Народного консультативного конгресса (НКК).

Текст конституции был утвержден в течение нескольких часов без детального обсуждения. Сукарно и Хатта всячески торопили членов Комиссии,

указывая на сложность момента и убеждая их в том, что некоторые слишком общие положения можно детализировать и доработать позднее, в более спокойной обстановке.

19 августа был создан первый кабинет Республики во главе с президентом. Министром иностранных дел был назначен Субарджо, а министром информации — коммунист Амир Шарифуддин, который потом стал ведать вопросами обороны. Состав правительства был очень разнородным. В него входили представители феодально-клерикальных слоев, антияпонского движения, сторонники и руководители «сотрудничества». 23 августа Сукарно выступил по радио и подчеркнул необходимость международного признания Республики. Он обратился к населению страны, к жителям Суматры, Явы и других островов, призвав их твердо защищать независимость.

29 августа 1945 года начал функционировать КНИП. В его состав вошли назначенные президентом и вице-президентом бывшие члены комиссии по подготовке независимости, а также представители различных политических групп и организаций — от коммунистов до крайне правых представителей мусульманского духовенства.

На местах стали создаваться правительственные органы. 10 сентября президент издал указ, по которому все чиновники и государственные служащие должны были игнорировать постановления японской администрации и выполнять распоряжения лишь республиканских властей. Отряды патриотов совершали нападения на склады оружия, разоружали японские части, выгоняли военных чиновников из правительственных зданий и учреждений, захватывали ключевые пункты и наиболее важные коммуникации.

Сукарно всячески старался популяризировать идею независимости. Так, зная пристрастие простых людей к символам, он приказал изготовить 10 млн. красно-белых флажков и разослать их в самые отдаленные концы страны, чтобы каждый индонезиец чувствовал себя борцом за независимость. Сукарно издал декрет, по которому граждане должны были приветствовать друг друга словом «мердека» (свобода) и поднятием руки, пять пальцев которой символизируют пять принципов.

На 19 сентября было запланировано первое публичное выступление Сукарно как главы государства. Японские власти запретили проведение митинга. С утра они повсюду расставили посты, но остановить жителей города им не удалось. Десятки тысяч индонезийцев собрались на площади. Появились Сукарно и Хатта в черном лимузине. Вооруженная охрана сидела на крыше и капоте машины. Когда президент и вице-президент вышли и направились к трибуне, охрана окружила их, образовав заслон.

Японские власти не рискнули помешать Сукарно произнести речь. Но Сукарно учитывал напряженность момента. Поэтому его выступление было кратким.

«Братья! — сказал он. — Мы будем защищать провозглашенную нами независимость. Мы не дадим выкинуть ни одного слова из текста Декларации»². В заключение он обратился к народу со словами: «Я знаю, вы пришли сюда, чтобы увидеть своего президента и услышать его приказы. Если вы верите своему президенту, вот вам мой первый приказ. Спокойно идите по домам и ждите указаний от ваших местных руководителей»³. Участники митинга последовали его призыву.

Декларация независимости была воспринята индонезийским народом как призыв к восстанию против японских оккупантов. Вслед за Джакартой в борьбу включились и другие крупные города страны. В августе — сентябре создалось своего рода двоевластие: наряду с японской существовали органы республиканской администрации. Во главе движения стала та часть национальной буржуазии и мелкой буржуазии, которая занимала левые националистические позиции, в целом на том этапе отвечавшие интересам широких слоев населения. Активное участие в антияпонских выступлениях принял рабочий класс Индонезии.

С первых же дней независимости Сукарно видел свою задачу во всемерном укреплении национального единства, которое он попытался организационно оформить через введение однопартийной системы. В августе 1945 года президент опубликовал указ о создании единой Национальной партии Индонезии, которая, однако, просуществовав девять дней, распалась. Неудача с созданием однопартийной системы свидетель-

ствовала о росте противоречий в индонезийском обществе. После провозглашения независимости в стране начался процесс классового размежевания. Однако классовые противоречия снова отошли на задний план, так как перед всеми слоями общества встала задача отстоять завоеванную независимость, дать отпор попыткам голландских колонизаторов возродить с помощью английских войск старые порядки.

29 сентября 1945 года английские части под командованием генерал-лейтенанта Кристисона начали высадку в Джакарте. Прибывшие смогли сразу же убедиться в том, что существование Индонезийской Республики — совершившийся факт. Город был украшен национальными флагами, улицы патрулировались народной милицией, вооруженной японским оружием.

В этих условиях генерал Кристисон признал де-факто правительство Республики. Последовало официальное заявление, что английские войска прибыли с единственной целью — разоружить японцев. Сукарно со своей стороны заявил, что если союзники преследуют только такие цели, то индонезийцы не будут препятствовать им⁴. 2 октября 1945 года он обратился к народу с призывом сохранять спокойствие и порядок.

Вместе с англичанами прибыли иностранные журналисты. С ними Сукарно провел свою первую «международную» пресс-конференцию. Представители западной прессы были настроены агрессивно, обвиняли Сукарно в сотрудничестве с японцами. Президент спокойно объяснил свою позицию: «Каждый индонезиец понимал, почему я сотрудничал с японцами... Мы подготовились к провозглашению независимости... и ни одна страна теперь не сможет нас ее лишить»⁵.

Вопреки заявлению Кристисона о признании Республики де-факто, заместитель Маунтбеттена контр-адмирал Патерсон объявил, что английские войска будут осуществлять «поддержание порядка» до тех пор, пока не начнет функционировать законное правительство Нидерландской Ост-Индии, и что Англия не намерена признать правительство Сукарно⁶. Правящие круги Англии открыто поощряли голландцев на восстановление колониального господства.

4 октября в Джакарту из Австралии прилетел сам глава голландской колониальной администрации ван Моок. Над дворцом бывшего генерал-губернатора, ставшим его резиденцией, был поднят голландский флаг. В тот же день на кораблях вместе с новыми английскими частями прибыли и голландские войска. С молчаливого попустительства английского командования, формально ответственного за восстановление «закона и порядка на островах», в городе начались беспорядки, спровоцированные голландскими солдатами. Приказ Сукарно не выходить из дому после восьми часов вечера не дал результатов. Солдаты врываются в дома, устраивали обыски, производили аресты. США хотя и не вмешивались в индонезийские дела, но проводили в отношении молодой Республики двойную игру, фактически оказывая поддержку колониальным державам — Нидерландам и Англии.

Поскольку голландские военные силы на территории Индонезии были незначительны, главным врагом Республики в тот период стала Англия. Английские войска захватывали индонезийские города и затем передавали их голландцам. Республиканское правительство было вынуждено мобилизовать все силы для отпора новым и старым колонизаторам. 5 октября декретом президента была образована Народная армия Индонезии. Ее ядро составили военнослужащие ПЕТА и бывшей голландской колониальной армии. Армия Республики была раздета, почти безоружна, она не получала жалованья. Первое время одна винтовка приходилась на пять человек. Воинские звания присваивались весьма своеобразно. Доброволец, приводивший с собой 10 человек, становился капралом; тот, кто приводил 20 человек, — сержантом; а те, кто приносили винтовки и несколько похищенных у японцев гранат, назначались офицерами.

Так или иначе, это была армия, и она доказала это на деле, сражаясь за Республику. Свое боевое крещение она получила в Сурабае. 25 октября здесь высадились английские войска. Государственные флаги Республики стали заменять английскими; было введено военное положение; по требованию английского командования индонезийцы должны были сдать оружие. Это требование было отклонено. В городе

начались кровопролитные столкновения. Англичане обратились к Сукарно за посредничеством. Утром 30 октября он и Хатта на английском военном самолете прибыли в Сурабаю.

Сукарно и Хатта в течение двух часов вели переговоры с английским командованием и договорились о прекращении огня. Президент лично отправился на позиции патриотов и уговаривал их прекратить военные действия. Он надеялся продолжить борьбу с англичанами за столом переговоров. Однако через несколько дней в перестрелке прямым попаданием снаряда в легковую машину был убит английский генерал Малаби. Правительство Республики официально выразило сожаление, заявив, что индонезийцы не причастны к этому инциденту. Тем не менее командующий английскими войсками на Восточной Яве генерал Мэнсерг ультимативно потребовал от индонезийцев «явиться для сдачи оружия построенными в колонну по одному с белыми флагами в руках». Срок ультиматума истекал в 6 часов утра 10 ноября. Интервенты, подтянув новые силы, торопились. Но не теряли времени и рабочие, солдаты, моряки, все население города. Они не подчинились ультиматуму и готовились к бою.

10 ноября 1945 года группа молодых патриотов сорвала флаг со здания английского военного штаба и подняла красно-белое знамя Индонезийской республики. Военные действия возобновились. Английские корабли открыли по городу огонь, а самолеты стали засыпать его бомбами. Республиканцы продолжали борьбу до 25 ноября, несмотря на отсутствие вооружения. Город сопротивлялся, презирая смерть. Вслед за Сурабаей произошли столкновения в других местах. Между союзными войсками и силами национального освобождения началась упорная и непримиримая борьба. «Что такое Республика Индонезия 1945 года? Национальное знамя, гимн «Великая Индонезия» да огонь борьбы за независимость, который горел в наших сердцах...»⁷ — писал Сукарно о том периоде.

Тем временем обстановка в Джакарте стала напряженной и неблагоприятной для Республики и ее правительства. Голландцы не вступали с ним ни в какие официальные контакты. Их пропаганда твердила, что Сукарно — фашист, а его правительство нахо-

дится под влиянием японцев. Голландцы не представляли себе истинного размаха национально-освободительного движения в Индонезии, популярности Сукарно и Хатты и прочности их связей с народом. Они считали, что, арестовав этих «коллорабационистов», смогут восстановить свой контроль над Индонезией. Поэтому 16 октября правительство Нидерландов заявило, что Сукарно и Хатта «совершенно неприемлемы для ведения переговоров»⁸. Голландцы требовали ареста Сукарно, как «ставленника японцев». Над Сукарно нависла угроза физической расправы. Избегая похищения или покушения, Сукарно стал ночевать в разных местах.

Внешнеполитическая деятельность его кабинета, столь важная на том этапе, была парализована. Чтобы сдвинуть ее с мертвой точки, Сукарно был вынужден согласиться на введение явочным порядком (без пересмотра конституции) парламентской системы управления и передачу поста премьер-министра С. Шару.

Еще 16 октября на сессии КНИП, где Сукарно не присутствовал, по предложению Амира Шарифуддина и Шарира был принят декрет о наделении этого органа законодательной властью. Под председательством Шарира учреждался Рабочий комитет из членов КНИП, действовавший между его сессиями. Это означало отход от Конституции 1945 года и резкое ограничение власти президента. 30 октября Рабочий комитет издал официальное постановление об отмене однопартийной системы, а 3 ноября был опубликован подписанный Хаттой правительственный указ, разрешавший создание политических партий.

В ноябре 1945 года образовались буржуазная мусульманская партия Машуми, Социалистическая партия Индонезии — ПСИ и Народная социалистическая партия. В декабре 1945 года Социалистическая партия объединилась с Народной социалистической партией в Социалистическую партию, которую возглавил С. Шарир.

В ноябре 1945 года была воссоздана легальная КПИ. Влияние Коммунистической партии быстро росло. Первой вставшая на путь борьбы против японских захватчиков, она понесла немалые жертвы. Ее авторитет среди народа был высок. Достаточно сказать, что

четверть мест в первом парламенте страны имели коммунисты или их сторонники.

В январе 1946 года мелкобуржуазными элементами была создана Национальная партия Индонезии. Она имела теперь более узкую социальную базу, чем в 1927—1931 годах, объединив в своих рядах большинство государственных служащих, левое крыло буржуазии и немногочисленных выходцев из крестьян и рабочих. В основу программы партии, принятой в октябре 1947 года, был положен мархаэнизм. В первые годы независимости мархаэнизм развивался как течение политическое, в то время как разработка экономических и социальных проблем была оттеснена на второй план.

В ноябре Шарир, критиковавший президентский кабинет, обвинив большую часть его членов в сотрудничестве с японцами, отрыве от масс и неспособности на решительные действия по укреплению государственной власти, внес предложение о том, чтобы министры были ответственны перед КНИП и его Рабочим комитетом, а не президентом. При этом Шарир также учел и тот факт, что многие политические группы в стране не одобряли усиления авторитарных черт режима.

Сукарно в то время не было в столице. Хатта поддержал предложение Шарира. Но члены кабинета не смогли прийти к единому мнению по этому вопросу. Все ждали, что скажет Сукарно, которого отозвали из поездки по стране. Сукарно видел основную задачу в спасении Республики. Он понимал, что Шарир, известный своими прозападными симпатиями и ориентацией и не сотрудничавший с японцами,— наиболее подходящая кандидатура для переговоров с Голландией, и поручил ему формирование кабинета.

Программа Шарира была сформулирована в его брошюре «Наша борьба», которая вышла в октябре 1945 года. Для программы Шарира были характерны переоценка зависимости Индонезии от англо-американского империализма, стремление избежать всего, что могло бы вызвать конфликт с западными державами, отсутствие даже упоминания о необходимости сотрудничества с Советским Союзом. Выступая против восстановления голландского господства, он надеялся

добиться признания независимости Индонезии путем переговоров, экономических и других уступок и компромиссов. При этом он делал особый упор на использование межимпериалистических противоречий, на поддержку Республики со стороны США, Англии и Австралии в обмен на предоставление им благоприятных условий для вложения капиталов.

Соглашаясь передать руководство правительством Шариру, Сукарно, очевидно, стремился уменьшить и число своих противников, среди которых наиболее непримиримые позиции занимал Тан Малака.

Тан Малака, в прошлом один из лидеров КПИ, в конце 20-х годов отошел от Компартии. Длительное время он находился в эмиграции. Возвратившись в Индонезию в 1944 году, Тан Малака участвовал в антияпонском подполье, но не играл сколько-нибудь заметной роли в августовских событиях 1945 года. После образования Республики он создал довольно влиятельную группу своих последователей, в которую входили многие видные участники провозглашения независимости — Сукарни, Х. Салех, М. Ямин. Сторонники Тан Малаки требовали даже назначить его президентом, выдвигали ультралево-ые лозунги отказа от всяких переговоров и компромиссов с Нидерландами, от использования межимпериалистических противоречий. Деятельность этой группы, включавшей часть радикальной мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, в значительной степени носила авантюристический характер⁹.

В то время как Шарир поддерживал Сукарно как лидера Республики, стремясь только ограничить его участие в управлении страной и укрепить свои собственные позиции, группировка Тан Малаки и его сторонники заявляли, что Сукарно — «пленник» англичан в Джакарте и поэтому не может руководить страной и должен быть смещен с поста президента. Сблокировавшись с Шариром, Сукарно усилил свои позиции против Тан Малаки и его сторонников.

В состав своего кабинета Шарир, по существу, не включил людей, которые как-нибудь «скомпрометировали себя» сотрудничеством с японцами. И хотя его кабинет голландское правительство уже не могло отвергать как «прояпонский», оно не спешило вступать с ним в переговоры.

Беспорядки и бесчинства голландских солдат в Джакарте продолжались. В январе 1946 года Сукарно заявил, что правительство должно переехать в район, свободный от англичан и голландцев, где можно было бы создать опору Республики, ее крепость. Джокьякарта, расположенная на Центральной Яве, отвечала всем требованиям момента. Вечером члены кабинета тайно собрались в специально приготовленном пассажирском вагоне, стоявшем на запасном пути. Его прицепили к паровозу, взявшему курс на восток. Сукарно и большинство членов правительства выехали в Джокьякарту. Шарир остался в Джакарте.

В Джокьякарте Сукарно поселился в доме, ранее принадлежавшем голландскому резиденту; рядом в домах поменьше — Хатта и министры. Они использовали комнаты и веранды как помещения министерств, вывесив перед домами национальные флаги на бамбуковых шестах. В распоряжении правительства не было ни средств связи, ни денег, ни даже пишущих машинок. Были выпущены республиканские денежные знаки, но они не пользовались спросом, и единственным путем получения средств в условиях жестокой блокады со стороны Голландии стала контрабанда. Через Сингапур, Гонконг, Бангкок, Манилу правительству иногда удавалось получать немного оружия и обмундирования. Сам Сукарно некоторое время носил перешитую форму бойца австралийского женского батальона.

Тем временем события, происходившие в Индонезии, все больше привлекали внимание за рубежом. Советский Союз протянул молодой Республике руку помощи. 21 января 1946 года делегация УССР направила в Совет Безопасности ООН специальное письмо, в котором указывалось, что англо-голландские военные действия против населения Индонезии создали угрозу миру и безопасности в этом районе. УССР призвала провести расследование положения дел в стране.

В номере журнала «Индонезия», вышедшем 23 февраля 1946 года в Голландии, отмечалось, что «голос свободной Индонезии» нашел отклик в ООН: «Первым откликнулся Советский Союз, представитель которого защищал дело индонезийского народа так настойчиво,

как это мог сделать лишь сам индонезийский народ»¹⁰.

Под давлением мировой общественности и в результате принципиальной позиции СССР английский империализм был вынужден изменить тактику и отказаться от прямой военной поддержки голландских колонизаторов. Индонезии мир был необходим. Правительство Шарира выступило за переговоры.

13 марта 1946 года правительство Республики в своем заявлении потребовало немедленного признания суверенитета Индонезии и вывода голландских войск, обещав в то же время уплатить долги Нидерландской Индии и открыть доступ в страну иностранному капиталу.

Готовность кабинета Шарира пойти на переговоры на этих условиях вызвала резкие нападки со стороны оппозиции во главе с Тан Малакой, которая выступала за безоговорочное признание независимости Индонезии. Тан Малака потребовал замены правительства Шарира «народным правительством» и чистки государственного аппарата от «колеблющихся элементов», Шарир отдал распоряжение об аресте Тан Малаки, Хайрула Салеха, Мухаммеда Ямина и др.

27 марта на переговорах с ван Мооком Шарир отошел от первоначального требования и согласился на признание Республики де-факто в составе Явы, Мадуры и Суматры. Но ван Мооку не удалось убедить правительство своей страны пойти на компромисс. Самое большее, на что оно соглашалось, — это постепенное предоставление Индонезии внутренней автономии при сохранении власти метрополии. Вместе с тем Гаага стремилась максимально использовать время для переброски солдат в Индонезию, а английское командование заявило, что не будет выводить войска из Индонезии, пока их не заменят голландские части.

В этих условиях оппозиция снова перешла в наступление. Ее целью было заставить правительство отказаться от переговоров и вести войну за полную независимость. 27 июня командующий гарнизоном города Соло генерал Сударсоно освободил из тюрьмы Тан Малаку и его сторонников. Вечером того же дня по его приказу были арестованы находившиеся в пути проездом из Восточной Явы в Джакарту премьер-министр Шарир и два члена его кабинета.

Президент решительно выступил против действий Сударсоно. В стране было введено чрезвычайное положение. 30 июня Сукарно выступил по радио. «Республике нужен Шарир. Он нужен Сукарно» ¹¹, — заявил он. Действия оппозиции Сукарно охарактеризовал как попытку захватить власть, играющую на руку врагу. На следующий день верные правительству войска освободили премьер-министра. Вслед за этим Сукарно издал приказ об аресте генерала Сударсоно и выпущенных им из тюрьмы лидеров оппозиции.

Тогда Сударсоно, Тан Малака и его сторонники решили предпринять попытку переворота. 2 июля 1946 года по их приказу перед президентским дворцом в Джокьякарте должны были собраться верные им воинские части. Однако приказ этот запоздал. А на следующий день, как и было запланировано, в 7 часов утра Сударсоно, М. Ямин и другие прибыли во дворец и в ультимативной форме потребовали от Сукарно подписать указы об изменении системы государственного управления и передаче власти Тан Малаке. Однако Сукарно, заранее предупрежденный об их визите, не подписал эти указы и приказал арестовать Сударсоно и Ямина ¹².

В июле 1946 года новое правительство Голландии, возглавляемое Л. Бейлом, приняло решение направить в Индонезию комиссию для переговоров. В то же время ван Моок планировал создание на территории Индонезии федерации марионеточных государств в целях расчленения страны. Летом 1946 года в небольшом курортном местечке на Южном Сулавеси — Малино он созвал совещание представителей районов, оккупированных голландскими войсками. На всех этих территориях проживало менее четверти населения страны. 22 июля было решено создать на территории бывшей Нидерландской Индии государство в форме федерации — Соединенные Штаты Индонезии. Одновременно голландцы продолжали наращивать вооруженные силы, которым английское командование постепенно передавало контроль над захваченными районами.

Индонезийцы не могли этому воспрепятствовать: армия Республики формально насчитывала 10 дивизий, однако эти войска были плохо подготовлены и слабо вооружены. Республика не имела своей военной

промышленности, а голландская блокада лишила ее возможности закупать и ввозить оружие и снаряжение из-за границы. Дисциплина в республиканских войсках была чрезвычайно низкой¹³. Попытки образования единого централизованного командования в тот период не дали эффективных результатов. В Республике существовало много разрозненных отрядов, действовавших под контролем как различных политических партий, так и отдельных группировок. Это были отряды (лашкары) Машуми, социалистической организации молодежи Песиндо, сторонников Тан Малаки и др. Создание боеспособных вооруженных сил стало насущной задачей Республики. В то время ее авиация состояла из нескольких устаревших японских самолетов и одного пилота. Под громким названием «военно-морские силы» подразумевалось несколько утлых деревянных суденышек. В первую годовщину создания вооруженных сил состоялся военный парад. Дабы придать максимальную торжественность церемонии, Сукарно сам принимал парад. Он очень волновался, и это было вызвано не только особенностью момента, но и страхом перед молодой норовистой лошадью, ибо президент впервые в жизни оказался в седле. К счастью, все обошлось благополучно.

Несмотря на то что в августе Голландия и Индонезия возобновили переговоры, угроза военных действий со стороны голландских колонизаторов, располагавших в Индонезии современной механизированной армией, оснащенной при активной помощи Англии и США¹⁴, по-прежнему существовала. К октябрю 1946 года численность голландских войск в Индонезии достигла 55 тыс. Но, как отмечал ван Моок, необходима была по меньшей мере 75-тысячная армия, чтобы начать военные действия против Республики. А пока Голландии приходилось вести переговоры, новый тур которых начался 7 октября при посредничестве англичан в Джакарте. К началу ноября переговоры были перенесены из оккупированной Джакарты в горный район Лингаджати, в 12 километрах от которого расположились специально приехавшие из Джокьякарты Сукарно и Хатта. На переговорах рядом с одетыми в черные смокинги голландскими дипломатами и «нейтралами» из Англии сидели индонезийские представители, которым, чтобы «не подвести стра-

Сукарно принимает парад по случаю первого года независимости

ну», пришлось одалживать у более богатых соотечественников ботинки, галстуки, костюмы.

15 ноября 1946 года состоялось парафирование соглашения, получившего название Лингаджатского. Нидерланды признавали де-факто власть Индонезийской республики на Яве, Мадуре и Суматре, где про-

живало 80 процентов населения страны. Республика вместе с созданными на других островах под голландским контролем автономными «государствами» должна была не позднее января 1949 года образовать суверенное федеративное государство Соединенные Штаты Индонезии (СШИ), входящее в Голландско-Индонезийский союз. Позже, оценивая это соглашение, Сукарно сравнивал его с холодным душем для революции. Тем не менее он считал это соглашение единственным выходом из положения в тот момент.

Парафирование соглашения привело к резкому обострению обстановки в стране. Всюду шли жаркие дебаты. Противников соглашения оказалось в КНИП больше, чем его сторонников. Тогда Сукарно 29 декабря издал декрет об увеличении числа членов КНИП с 200 до 514 человек¹⁵. Оппозиция расценила этот шаг как маневр, имеющий целью обеспечить сторонникам соглашения большинство при его одобрении. Рабочий комитет отверг этот декрет. Тогда Сукарно и Хатта на сессии пригрозили уйти в отставку. Декрет был утвержден, а соглашение официально подписано 25 марта 1947 года¹⁶.

После заключения Лингаджатского соглашения Англия 31 марта, а США 17 апреля признали Республику Индонезию де-факто. К августу 1947 года Республика была признана де-юре Египтом, Ливаном, Сирией, Ираком, причем Египет и Сирия заключили с Индонезией договоры о дружбе. Хотя еще в декабре 1947 года главе индонезийской миссии в Чехословакии Сурипно был выдан мандат на установление связей с СССР и другими социалистическими странами, политическое давление со стороны Нидерландов и США, а также сопротивление внутренней реакции в лице правых социалистов и машумистов помешали в тот период налаживанию индонезийско-советских отношений. К 1948 году Республика имела официальные и неофициальные представительства в Лондоне, Канберре, Нью-Йорке, Праге, Дели, Каире, Коломбо, Маниле, Рангуне.

Первые официальные представители Индонезии буквально нищенствовали. Так, жалование эмиссара на Филиппинах составляло шесть долларов в неделю. Его резиденцией была парикмахерская, где он снимал комнату. На церемониях в президентском дворце он

появлялся в пиджаке своего друга — парикмахера. Не лучше обстояли дела и внутри страны. С прибытием иностранных консулов встал вопрос о необходимости приемов, соблюдения дипломатического протокола. Приемы устраивались с помощью китайцев — хозяев ресторанов. Все вопросы протокола решал начальник протокольного отдела бывший моряк Мутахар. Возникало немало курьезов. Так, Сукарно назначил своим адъютантом одного из гражданских лиц, присвоив ему звание лейтенанта. Это вызвало недовольство советников, считавших, что у президента 70-миллионной страны адъютант не должен быть в столь низком чине. Тогда Сукарно, заявив, что Индонезия — страна молодая, в которой все быстро растут, произвел новоиспеченного лейтенанта в майоры. Сам Сукарно чувствовал себя в Джокьякарте абсолютно свободно: ходил по городу без охраны, постоянно общался с людьми, которые называли его «президент Бунг Карно».

Не успели высохнуть подписи под Лингаджатским соглашением, как Нидерланды уже выступили с собственной интерпретацией его, не приемлемой для Республики Индонезии. В конце мая 1947 года голландская сторона передала индонезийскому правительству меморандум, который ван Моок назвал окончательным вариантом своих предложений и который на самом деле был равносителен ультиматуму. Голландцы на период до образования СШИ требовали формирования временного федерального правительства для всей Индонезии под руководством представителя голландской короны, создания совместной голландско-индонезийской жандармерии для поддержания порядка на всей территории страны, в том числе на территории республики. Ответ должен был быть дан в двухнедельный срок.

Шарир понимал, что отказ неизбежно привел бы к войне с Нидерландами, перебросившими в Индонезию значительные вооруженные силы. Поэтому в своем выступлении по радио 19 июня он выразил согласие с основными положениями меморандума, кроме пункта о создании совместной жандармерии.

Большинство политических партий обвинило Шарира в капитулянстве. 26 июня он был вынужден подать в отставку. Сукарно сразу же ввел в стране воен-

ное положение и временно сам возглавил кабинет. В направленной им голландской стороне ноте было заявлено, что правительство Республики не может согласиться на создание совместной жандармерии¹⁷.

Сформированный вскоре коалиционный кабинет возглавил Амир Шарифуддин. Так как требование о создании совместной жандармерии было отклонено, 19 июля голландцы заявили, что не считают себя более связанными Лингаджатским соглашением и резервируют за собой свободу действий. На деле Гаага лишь искала повод для начала военных действий против Республики, вопрос о которых был уже предпрешен.

Хотя контроль Республики не был полным над всеми районами, он постоянно укреплялся, а этот процесс как раз и хотела задержать голландская реакция, которая свое стремление прикрывала «гуманными» рассуждениями¹⁸. Так, ван Моок сравнивал Индонезию с больным человеком, а Голландию с лечащим врачом, который, увидав, что клинический метод не дает результатов, решил прибегнуть к хирургической операции, чтобы спасти «пациента» от «раковой опухоли» — хаоса и беспорядков¹⁹.

21 июля 1947 года 120-тысячная механизированная голландская армия со своих баз на Яве и Суматре при поддержке авиации двинулась на Республику. Одновременно были арестованы индонезийская делегация на переговорах и 200 видных деятелей Республики в Джакарте. Хотя республиканская армия насчитывала 200 тыс. бойцов, она была плохо вооружена и совершенно не обстреляна. Уже через две недели танковые колонны голландцев вторглись в глубь Явы и Суматры. Были захвачены многие крупные города, порты, коммуникации. Бои шли рядом с Джокьякартой. Сукарно с женой и двумя детьми переправился в горы. От Джокьякарты его отделяло всего несколько часов пути, поэтому он в случае острой необходимости ездил туда.

Голландцы называли свое вторжение «полицейской акцией», однако каждому было ясно, что это самая настоящая колониальная война. Нападение Голландии вызвало возмущение прогрессивной мировой общественности. В защиту индонезийского народа выступили международный рабочий класс, Советский

Союз и другие социалистические страны. Большую поддержку оказали Индонезии народы стран Азии и Африки.

31 июля 1947 года по требованию Индии и Австралии Совет Безопасности приступил к обсуждению индонезийского вопроса. Советская делегация настаивала на немедленном прекращении военных действий и отводе войск обеих сторон на позиции, которые они занимали до военного конфликта. Но проголландская позиция представителей США и Англии помешала принятию предложения СССР, твердо стоявшего на защите национальных интересов молодой Индонезийской республики. 1 августа Совет Безопасности принял рекомендацию о прекращении военных действий и решении вопроса мирным путем. Хотя Голландия обязалась выполнять рекомендацию, ее войска продолжали военные действия. «Еще три или четыре недели, и от Республики ничего не останется»²⁰, — заявлял ван Моок.

7 августа 1947 года на заседание Совета Безопасности по требованию СССР и Польши был допущен представитель Республики Индонезии С. Шарир. Он настаивал на отводе голландских войск на исходные позиции и создании комиссии, которая на месте, в Индонезии, могла бы ознакомиться с положением дел. Совет Безопасности отверг голландскую трактовку событий в Индонезии как «внутреннего дела» Нидерландов и 25 августа принял решение о создании «комитета добрых услуг» в составе представителей США, Бельгии и Австралии. Когда члены «комитета» прибыли в октябре 1947 года в Индонезию, голландские войска уже захватили две трети Явы, половину Мадур и часть Суматры. Но триумфального марша не получилось. Голландцы не могли победить, потому что они боролись со всей страной, ставшей единым партизанским отрядом.

В декабре «комитет добрых услуг» организовал встречу представителей Голландии и Индонезийской республики для мирного решения вопросов. Переговоры проходили на американском транспортном судне «Ренвиль», стоявшем на якоре в порту Джакарты. Индонезийскую делегацию возглавлял премьер-министр Амир Шарифуддин. В связи с отсутствием оружия у индонезийской армии, понесенными ею тяже-

лыми потерями нужно было любой ценой прекратить военные действия. В таких условиях 17 января 1948 года правительство А. Шарифуддина подписало соглашение, получившее название Ренвильского. Оно предусматривало прекращение огня и принятие «линии ван Моока», которая соединяла пункты максимального продвижения голландских войск на территории Республики в качестве временной границы. Это вынужденное соглашение, несмотря на его тяжелые условия, было в данной обстановке необходимым для Индонезии компромиссом. Фактически обе стороны рассматривали его как временное. «У нас было лишь время для того, чтобы перевести дыхание»²¹, — говорил Сукарно.

Подписание соглашения вызвало бурную реакцию в стране и ускорило процесс размежевания политических сил. Партия Машуми, стремившаяся любой ценой «свалить» кабинет А. Шарифуддина, обвинила его в чрезмерной «уступчивости» и отозвала из кабинета своих министров. НПИ приняла решение «отвергнуть соглашение». 23 января А. Шарифуддин подал в отставку. Сукарно заявил о создании так называемого президентского кабинета, носившего как бы надпартийный и общенациональный характер. Его возглавил М. Хатта, стоявший как вице-президент вне политических партий.

29 января М. Хатта опубликовал программу кабинета, в задачи которого входило продолжение переговоров на основе Ренвильских соглашений, ускорение создания Соединенных Штатов Индонезии, восстановление хозяйства, реорганизация госаппарата и армии. Хотя, как было заявлено, реорганизация имела своей целью создание небольшой, но боеспособной армии и эффективной администрации, на деле же она все более выливалась в попытку освободиться от сторонников левых сил и Компартии в госаппарате и вооруженных силах.

Дабы воспрепятствовать этому, руководство Компартии, понимая, что для укрепления национальной независимости необходимо сильное и сплоченное государство, летом 1948 года выступило с инициативой создания союза всех демократических сил страны. Один из руководителей КПИ в 20-х годах, М. Муссо, вернувшийся в августе 1948 года из эмиграции, на стра-

ницах газеты «Революционер» призвал создать единый национальный фронт борьбы, дать возможность рабочему классу принять участие в руководстве государством. 25—27 августа 1948 года в Джокьякарте собралась чрезвычайная конференция КПИ, которая приняла резолюцию «Новый путь для Республики Индонезии». В резолюции давалась правильная характеристика революции как национальной или буржуазно-демократической, был выдвинут лозунг создания в Индонезии единого национального антиимпериалистического фронта и союза с антиимпериалистическими силами всего мира. Однако в резолюции содержались ошибки сектантского характера, а также левацкое требование полного отказа от Лингаджатского и Ренвильского соглашений.

Чрезвычайная конференция КПИ одобрила рекомендацию о слиянии трех партий — КПИ, Социалистической и Рабочей* — в единую партию рабочего класса — Коммунистическую партию Индонезии. Конференция избрала новое руководство КПИ во главе с Муссо. На октябрь 1948 года был намечен съезд единой партии. Правительство Хатты и поддерживавшие его буржуазные партии стремились помешать консолидации левых сил и вызвать КПИ на бой до того, как она успеет укрепиться. Поэтому в августе — сентябре 1948 года резко усилилась антикоммунистическая деятельность властей, приобретающая все более провокационный характер. Рассчитывая как можно шире использовать против КПИ сторонников Тан Малаки, правительство 17 августа амнистировало участников попытки переворота летом 1946 года, которые активно выступали против КПИ и созданного А. Шарифуддином после отставки Народно-демократического фронта, изображая их как антинациональную силу. Одновременно Хатта, занимавший и пост министра обороны, ускорил демобилизацию находившихся под контролем Коммунистической партии частей и снятие симпатизировавших ей офицеров с руководящих постов. Он выступил с угрозами в адрес коммунистов, заявив, что любые их «действия будут подавлены железной рукой».

---

* Рабочая партия была создана в 1945 году. Работала под руководством КПИ.

Демобилизация этих частей и военизированных отрядов, а также провокации в отношении 4-й дивизии в Соло со стороны приверженцев Тан Малаки и военнослужащих дивизии «Силиванги» (убийства и похищения офицеров-коммунистов) привели к тому, что 13 сентября в городе вспыхнули военные действия между 4-й дивизией, с одной стороны, и военнослужащими дивизии «Силиванги» и сторонниками Тан Малаки — с другой. После введения президентом Сукарно военного положения в Соло и прибытия туда подкреплений к 17 сентября 4-я дивизия потерпела поражение. Узнав об этом, военизированные отряды организации социалистической молодежи Индонезии — Песиндо, штаб которых находился в Мадииуне (Центральная Ява), при поддержке некоторых офицеров регулярной армии приняли решение выступить против правительства, пока оно не ликвидировало все контролируемые Коммунистической партией соединения и отряды. Почти без сопротивления установив свой контроль над Мадииуном 18 сентября, они объявили о «начале революции». Таким образом, руководство КПИ оказалось перед фактом начавшегося восстания, поскольку организаторы Мадииунского выступления действовали по собственной инициативе, без его согласия или уведомления²². В ночь на 19 сентября Хатта в своем заявлении обвинил КПИ в заговоре, а Сукарно призвал население сделать выбор между «Коммунистической партией, создавшей советское правительство во главе с Муссо, и им и Хаттой»²³. Эти заявления закрыли возможности для компромисса. Вскоре по радио Мадииуна выступил Муссо, призвавший народ свергнуть предательское правительство «японских квислингов» во главе с Сукарно и Хаттой, которые продают страну американским империалистам, и взять по примеру Мадииуна власть в свои руки на всей территории Республики²⁴. Призыв к свержению правительства Сукарно — Хатты, популярных лидеров страны, оттолкнул от КПИ широкие слои народа и основную часть офицерского корпуса.

20 сентября по предложению Хатты Рабочий комитет КНИП дал чрезвычайные полномочия президенту Сукарно, который ввел в стране военное положение. Против повстанцев были двинуты отборные части дивизии «Силиванги» и полиции. 30 сентября они захва-

тили Маджун. 31 октября в бою погиб Муссо, а 7 декабря восстание было подавлено окончательно. По сообщению штаба индонезийской армии, было арестовано 35 тысяч человек²⁵. В ноябре и декабре были арестованы Шарифуддин, Сурипто и другие руководители КПИ и позже расстреляны военными. В результате Маджунских событий КПИ был нанесен тяжелый удар.

Разгромом КПИ поспешили воспользоваться Тан Малаки и его сторонники. 7 ноября 1948 года они объединились в партию «Мурба» («Трудящийся»). Ее председателем стал ближайший соратник Тан Малаки — Сукарно. Партия, выступившая с лозунгом «национального коммунизма», стремилась вовлечь в свои ряды членов распущенного Народно-демократического фронта.

Маджунские события были по сути «малой гражданской войной», которая расколола единый фронт борьбы против колонизаторов и ослабила Республику. Этим воспользовались голландские колонизаторы, предприняв против Индонезийской республики «вторую полицейскую акцию».

К этой акции они готовились давно. Утром 19 декабря 1948 года, расторгнув соглашение о перемирии и нарушив резолюцию Совета Безопасности о прекращении огня, 150-тысячная голландская армия в нескольких местах перешла «линию ван Моока». Нападение было неожиданным для Республики. Сукарно собирался в это время вылететь в Дели на встречу с Неру, выславшим за ним специальный самолет; Хатта вел переговоры с «комитетом добрых услуг», а командование вооруженных сил готовилось к маневрам. Утром командующий армией генерал Судирман разбудил Сукарно и доложил обстановку. Он предложил президенту уйти с армией в джунгли и возглавить партизанскую войну²⁶. Сукарно отказался. Поспешно одеваясь, он говорил: «Ваше место там, где ваши солдаты, а я должен остаться здесь, чтобы вести переговоры и руководить народом»²⁷.

На экстренном заседании члены правительства приняли решение создать из министров, находившихся за пределами Явы, чрезвычайный кабинет с местопребыванием на Суматре. Мандат на формирование

его выдали Шафруддину Правиранегаре*. Из короткого, всего в две строчки, обращения к зарубежным странам, переданного до того, как радиостанция была захвачена голландским десантом, мир узнал о нападении. Сукарно поручил Мутахару любой ценой сбросить национальный флаг и, «если будет на то воля аллаха», вернуть его в руки ему или тому, кто его заменит.

Голландцы успели захватить радиостанцию до того, как Сукарно и Хатта смогли выступить с обращением к народу. Тем не менее текст обращения Сукарно был размножен и ходил по рукам. В нем Сукарно выражал уверенность в сохранении независимости, для достижения которой принесено столько жертв. Он призывал народ к единству в борьбе, к вере в окончательную победу.

Днем голландские войска окружили дворец. Охрана оказала сопротивление, но силы были неравными, и Сукарно, приказав сложить оружие, выслал парламентаря. Командир десанта полковник ван Лаген докладывал: «Господин генерал, мы захватили Сукарно и держим его здесь». Президента доставили в штаб. Голландский генерал потребовал: «Сукарно, прикажите вашей армии сложить оружие, или мы уничтожим ее в течение одной недели. Я могу вас в этом заверить». Затем, гордо оглядев своих помощников, он продолжал: «История вашей страны и ваша лично закончилась»²⁸. Сукарно молчал, затем тихим, спокойным голосом сказал: «Генерал! Я пленник или президент? Если я президент, я могу вести с вами переговоры. Если же я пленник, то я не могу отдавать приказы»²⁹. На том беседа и закончилась.

22 декабря в 7 часов утра Сукарно, Шарир, Хатта, Агус Салим, Али Састроамиджойо и командующий ВВС Сурьядарма были посажены в самолет. Маршрут полета пилот узнал уже в воздухе, вскрыв спецпакет. Это был остров Банка.

События в Индонезии в результате голландской агрессии снова оказались в центре внимания ООН.

---

* Шафруддин Правиранегара (родился в 1911 году), сунданец по национальности, еще в колониальное время получил экономическое образование и работал чиновником колониальной администрации. Сторонник и идеолог «мусульманского социализма».

22 декабря 1948 года на экстренном заседании Совет Безопасности приступил к обсуждению индонезийского вопроса.

24 декабря Советский Союз внес проект резолюции, в котором наряду с требованием прекращения военных действий было предложено в качестве первого шага для урегулирования конфликта отвести голландские войска на позиции, занимаемые ими до начала военных действий, и немедленно освободить президента и других лидеров Республики. Однако по настоянию английского и американского представителей этот проект был отклонен. Совет Безопасности смог принять лишь компромиссную резолюцию, требовавшую немедленного прекращения военных действий и освобождения индонезийских руководителей³⁰.

Однако агрессия не только не была прекращена, но и продолжала расширяться. На запрос же «комитета добрых услуг» относительно судьбы лидеров Республики голландская сторона цинично ответила, что их временно поместили на жительство в горных курортах, расположенных вне Явы. В январе Шариру, который формально не являлся членом кабинета, было разрешено вернуться в Джакарту. Арестованным членам правительства голландские власти заявили, что Нидерланды больше не признают Республику и поэтому не рассматривают их как официальных лиц. Власти согласились предоставить заключенным свободу... в пределах острова Банка и даже разрешить проезд к ним их семей в обмен на подписку об их отказе от всякой политической деятельности³¹. Однако индонезийские лидеры не теряли уверенности. Они знали, что справедливая борьба Индонезии находит растущую поддержку мировой общественности, что в стране развертывается партизанская война.

Силы республиканцев консолидировались. Фактически началось восстановление антиимпериалистического фронта, распавшегося после Маджунских событий. Активное участие в борьбе приняли индонезийские коммунисты, в том числе бежавшие из тюрем. Активизировались партизаны. Движение достигло такого размаха, что весной 1949 года вся Ява, за исключением крупных городов, была очищена от оккупантов. В руках республиканских войск был также ряд районов Калимантана и Суматры.

Республиканцы время от времени предпринимали дерзкие акции, чтобы доказать всему миру, что сопротивление индонезийцев не сломлено вопреки заявлениям голландских представителей. Так, по решению подполковника Сухарто* и султана Джокьякарты Хаменгку Бувоно** было принято решение отбить Джокьякарту и удержать ее в руках республиканцев несколько часов. Эта операция была осуществлена 1 марта.

А 4 марта 1949 года командующий войсками на Яве А. Х. Насутион*** издал приказ о переходе в контрнаступление. Голландские колонизаторы были вынуждены отказаться от своих замыслов ликвидации Республики и пойти на переговоры. Они не могли недооценивать огромную популярность Сукарно среди народа, его способность повести за собой массы. Голландская сторона согласилась освободить лидеров Республики и начать с ними переговоры. Сукарно принял это предложение.

7 мая 1949 года было подписано соглашение между представителями Республики и Голландии. Стороны договорились провести конференцию «круглого стола» в Гааге для обсуждения вопроса о передаче суверенитета Соединенным Штатам Индонезии. Эти переговоры и достигнутое соглашение не были одобрены руководителями партизанского движения. Генерал Судирман в знак протеста даже хотел выйти в отставку. Он считал, что борьбу можно и следует продолжать, поскольку она оправдала себя и давала возможность добиться большего. Но Сукарно настаивал на мире, и командование отдало приказ о прекращении военных действий. 6 июля Сукарно и другие члены правительства были освобождены и доставлены на самолете «комитета добрых услуг» в Джокьякарту.

---

* С 1968 года президент Индонезии.

** С 1973 по 1978 год вице-президент Индонезии.

*** Насутион родился 3 декабря 1918 года на Северной Суматре. Образование получил в педагогическом училище Джокьякарты и голландской академии в Бандунге. В 1941 году был зачислен в армию Нидерландской Индии в чине младшего лейтенанта. В период японской оккупации служил в гражданской администрации и был инструктором одной из молодежных организаций. После провозглашения независимости был назначен начальником штаба военного соединения на Западной Яве в чине полковника. Принимал активное участие в создании Национальной армии Индонезии.

С 23 августа по 2 ноября 1949 года под председательством премьер-министра Нидерландов Дрейса в Гааге проходила конференция «круглого стола». Делегацию Нидерландов возглавлял Маарсефен, делегацию Республики — Хатта, а делегации созданных ван Мооком на территориях, захваченных голландскими войсками, пятнадцати марионеточных правительств представлял султан Понтианака Хамид II.

Во время работы конференции представители Голландии сделали все, чтобы «растворить» Республику в Соединенных Штатах Индонезии, настояв на такой конституции, согласно которой вся территория страны делилась на 16 автономных единиц, включая Республику. Было решено, что СШИ входят в так называемый Голландско-Индонезийский союз, во главе которого стояла королева Нидерландов. Кроме того, устанавливался фактический контроль Голландии над внешней торговлей Индонезии. На Индонезию возлагалась основная часть долга колониального правительства. Голландия должна была вывести свои войска из Индонезии, но до отправки они пользовались «статусом гостей». В Индонезии оставалась голландская военная миссия для обучения индонезийской армии. На конференции не удалось договориться о Западном Ириане. Голландия отказалась передать Индонезии суверенитет над этой территорией, пообещав разрешить этот вопрос через год на специальных переговорах.

18 ноября республиканское правительство одобрило соглашения конференции «круглого стола», а 14 декабря они были ратифицированы парламентом. В тот же день представители всех конституционных единиц приняли Временную Конституцию СШИ. 16 декабря Сукарно был избран президентом, а Хатта — вице-президентом федеративного государства СШИ. 20 декабря было сформировано правительство во главе с Хаттой. И наконец, 27 декабря 1949 года состоялась официальная церемония передачи суверенитета Соединенным Штатам Индонезии. Ценой огромных жертв и лишений индонезийский народ отстоял свою независимость, хотя Индонезия была вынуждена принять на себя ряд нелегких обязательств.

Борьба за то, чтобы выжить

Голландцы утверждали,
что Республика Индонезия
не протянет и года,
развалится на части
из-за внутренних конфликтов.
Но факты — вещь упрямая,
Республика Индонезия выжила.

Сукарно

5

28 декабря 1949 года Сукарно с триумфом вернулся в Джакарту. Тысячи жителей столицы встречали его. Они скандировали: «Да здравствует независимость! Да здравствует Бунг Карно!» Почетный эскорт медленно приближался к дворцу. Здесь Сукарно вышел из машины, поднял руки, и толпа смолкла. «Хвала аллаху. Мы свободны!»¹ — воскликнул он.

Позади остались годы вооруженной борьбы и тяжелых испытаний. Страна вступила в новый период развития. Экономика, административный аппарат, средства коммуникации находились в упадке. Бывший губернаторский дворец, ставший резиденцией Сукарно, был пуст. Его голые стены как бы символизировали состояние страны — повсеместную разруху. В 1949—1950 годах экономические показатели Индонезии были значительно ниже, чем предвоенные. Если до войны страна в среднем производила в год 1 170 тыс. тонн сахара, то в 1949—1950 годах она дала лишь 320 тыс. тонн. Производство чая в 1949 году было немногим больше трети довоенного уровня, а производство копры и кокосового масла достигало 85 процентов. Если доход на душу населения в соответствующих ценах в 1938 году составлял 39 рупий, то в 1951 году — 33,5 рупии. Это

был самый низкий доход в мире². Производство риса и других продуктов питания оставалось на довоенном уровне³. Наряду с федеральным флорином в обращении находилась республиканская рупия. В марте 1950 года правительство провело своеобразную денежную реформу. Было предложено разорвать денежные знаки — флорины и рупии, кроме самых мелких, пополам. Левая сторона становилась законным средством платежа в 50 процентов прежней стоимости, а правая — 3-процентной облигацией. Количество денег в обращении сократилось.

Перед руководителями Индонезии стояли сложнейшие проблемы. Их решение усугублялось общей социально-экономической отсталостью страны, упадком сельского хозяйства, острой нехваткой продовольствия и почти поголовной неграмотностью населения.

Первоочередной задачей было уничтожение федеральной системы управления — орудия колониализма. В Соединенных Штатах Индонезии, состоявших из 16 автономных единиц, Республика Индонезия оказалась в равных условиях с другими, значительно меньшими по территории и населению формированиями, созданными колонизаторами для того, чтобы нейтрализовать ее активность и по возможности ликвидировать завоевания индонезийского народа. Эти государства-марионетки держались силой голландского оружия. Фактически во всех штатах у власти находились люди, сотрудничавшие с колонизаторами, неавторитетные, продажные, не пользовавшиеся доверием народа. Бывшие колонизаторы пытались всячески воспрепятствовать образованию унитарного государства, действуя прежде всего через правительства тех штатов, где у власти находились их ставленники. «Пусть у индонезийцев будет их республика. Это будет для них хорошая игрушка на некоторое время. Но как только они преодолеют один кризис, мы создадим другой. И в конце концов они поймут всю трудность своего положения. Тогда мы вновь выйдем на сцену и одержим верх»⁴.

Подстрекаемые голландцами, сепаратисты организовали мятеж в штате Восточная Индонезия, который был подавлен войсками под командованием подполковника Сухарто. Под контролем проголландских военных было создано «независимое» военно-полицей-

ское государство — Республика Южно-Молуккских островов. В начале января 1950 года отряды бывшего капитана голландской армии Вестерлинга безуспешно попытались проникнуть в Джакарту, совершить нападение на парламент, арестовать членов кабинета.

Заговоры и мятежи против центрального правительства показали на практике всю опасность навязанной Индонезии федеральной системы. В Индонезии хорошо помнили лозунг ван Моока: «Федерируйтесь, или мы будем стрелять»⁵.

Ликвидация федеральной системы стала общенациональной задачей, спланивавшей все патриотически настроенные классы и слои индонезийского общества. Этот процесс проходил при самом активном участии Сукарно, который не устал призывать к созданию единого унитарного государства. «Огромный, поистине общенациональный размах движения за унитарную республику позволил быстро и относительно безболезненно покончить с федерализмом»⁶, — отмечает советский исследователь В. А. Жаров.

19 мая 1950 года правительства США и Республики Индонезии подписали соглашение об образовании унитарного государства, временная конституция которого была одобрена Сукарно 15 августа. Она в отличие от Конституции 1945 года резко ограничивала реальную власть президента, введя парламентскую форму правления. В статье 85 конституции говорилось, что декреты президента и его функции в качестве верховного главнокомандующего должны быть подтверждены соответствующим министром, за исключением декретов о назначении вице-президента, по рекомендации парламента и форматора кабинета*⁷. Сукарно официально стал почти номинальным президентом и действовал скорее под контролем правительства, чем самостоятельно.

На новом этапе освободительной борьбы в Индонезии произошли существенные изменения в соотношении социально-классовых сил. В то время как рабочий класс и крестьянство требовали проведения широких социально-экономических преобразований, буржуазия

---

* Форматором называлось лицо, которому президент поручал сформировать кабинет. Форматор либо сам возглавлял его, либо должен был предложить кандидатуру на пост премьер-министра.

стремилась получить реальные выгоды от власти. В парламенте преобладали представители правых сил.

В первые годы существования независимого унитарного государства правительства возглавлялись лидерами Машуми, сотрудничавшими с правыми социалистами. 6 сентября 1950 года Натсир, лидер партии Машуми, имевшей самую крупную парламентскую фракцию, возглавил новое правительство. Машуми и Социалистическая партия Индонезии (ПСИ), считая революцию законченной, взяли курс на всемерное развитие частнокапиталистического сектора и широкое сотрудничество с иностранным капиталом. Сукарно, Национальная партия Индонезии, КПИ* и все левые силы рассматривали ликвидацию федеральной системы лишь как начало борьбы за полную политическую и экономическую независимость, призывая к расторжению соглашений конференции «круглого стола» и скорейшему возвращению Западного Ириана.

Обе эти тенденции находили свое выражение как во внутренней, так и во внешней политике. Из официальных заявлений того периода следовало, что Индонезия будет проводить «активную независимую внешнюю политику». Однако на практике ориентация правительства Машуми и ПСИ на капиталистические страны предопределяла прозападный внешнеполитический курс. Пассивной была позиция страны в ООН, куда Индонезия была принята 23 сентября 1950 года. На сессиях Организации Объединенных Наций индонезийская делегация предпочитала отмалчиваться по целому ряду важнейших вопросов.

В тот период наиболее интенсивные контакты Индонезия установила с Индией. В 1950 году президент Сукарно и премьер-министр Неру обменялись государственными визитами. В августе того же года в Индонезию прибыл посол КНР. В 1950 году были установлены дипломатические отношения между СССР и Индонезией, но прозападные группировки в прави-

---

* В заявлении от 4 февраля 1950 года правительство подтвердило право на легальное существование КПИ как партии, внесшей большой вклад в борьбу за независимость Индонезии и сохранение ее целостности. В начале 1951 года пленум ЦК КПИ избрал новое руководство во главе с генеральным секретарем Д. Н. Айдитом.

Сукарно и Неру

тельстве искусственно затягивали обмен посольствами.

Пришедший к власти в марте 1951 года кабинет машумиста Сукимана проводил еще более прозападный политический курс. В этот период особенно наглядно проявилась переориентация Индонезии на США и ее отход от Голландии. Прозападная правящая верхушка все более стремилась связать внешнеполитический курс страны с Соединенными Штатами. Она выражала интересы кругов, которые надеялись использовать выгодную конъюнктуру, создавшуюся в результате повышения цен на каучук, олово и другие виды сырья в связи с войной в Корее.

Правительство Сукимана втайне от парламента в феврале 1952 года сделало попытку заключить с США соглашение «о взаимном обеспечении безопасности», предусматривавшее получение американской экономической и военной помощи, что фактически означало присоединение к американскому блоку. Когда эти факты стали достоянием гласности, НПИ и другие партии выразили резкий протест. 23 февраля кабинет министров подал в отставку.

Взаимоотношения Сукарно с правительствами партий Машуми — ПСИ Натсира и Сукимана были неровными. Конституцию 1950 года, низводившую его до положения официального оратора на торжествах, гостеприимного хозяина при приемах иностранных гостей и послов, он рассматривал как игнорирующую его заслуги перед народом. Делая вид, что он занимает позицию наблюдателя, Сукарно не упускал возможности, дабы усилить свою роль в руководстве страной. Когда кабинету Натсира не удалось решить проблему Западного Ириана на переговорах с Нидерландами осенью 1950 года, Сукарно призвал к полному отказу от соглашений конференции «круглого стола» и принятию мер против голландских компаний в Индонезии. На его призыв занимать более решительную позицию правительство Натсира не отреагировало, и Сукарно пришлось отступить. Хотя Сукарно с правительством Сукимана «уживался» лучше, чем с правительством Натсира, не могло быть и речи об идентичности целей и мер правительства и планов президента. Сукарно был против одобрения решений конференции 1951 года в Сан-Франциско*, которые подписало правительство Сукимана, и индонезийско-американского договора о «взаимном обеспечении безопасности». Сукарно не одобрял антикоммунистических акций правительства, выразившихся в аресте ряда левых элементов.

И Натсир, и Сукиман были недовольны вмешательством президента в дела кабинетов. Но лидеры Машуми и ПСИ недооценивали методов борьбы Сукарно за власть и мобилизации масс в свою поддержку. Не имея достаточного опыта парламентской деятельности, они зачастую оказывались беспомощными в своем стремлении свести роль Сукарно к положению чисто номинального главы государства. В публичных выступлениях он то и дело превышал свои конституционные полномочия, и это все более противопоставляло его правительству и парламенту. Дело дошло до того, что в 1951 году Сукарно специально указали, что он не должен вмешиваться в руководство госу-

---

* Сан-Францисская конференция проходила в начале сентября 1951 года. Ее результатом было заключение сепаратного договора с Японией на основе американско-английского проекта, выработанного без участия СССР и КНР.

дарством и что его деятельность как президента отличается от его деятельности как руководителя народного движения⁸.

На самом же деле невозможно было на практике отделить Бунга Карно от президента Сукарно. Его значимость заключалась в том, что он постоянно воздействовал на политику речами, встречами с народом, с представителями политических партий. Он был сам по себе политической силой. К его мнению прислушивались политические деятели. Для многих из них высказывания Сукарно означали инструкции, указания, которые они стремились выполнять. Другие подчинялись Сукарно, видя в нем сильного человека, чье влияние и власть будут расти.

Падение кабинета Сукимана обрадовало Сукарно. Перед ним открывались обнадеживающие перспективы. В новом правительстве могла бы доминировать Национальная партия, более тесно связанная с президентом. Ее приходу к власти Сукарно всячески старался помочь. Это позволило бы президенту играть более активную и самостоятельную роль. А такая роль ему была нужна для проведения той внутренней и внешней политики, которую он считал правильной и которая объективно отвечала стремлению широких слоев к прочному единству страны, ликвидации иностранного влияния, расширению связей с социалистическими и молодыми независимыми государствами.

1 апреля 1952 года было сформировано коалиционное правительство во главе с одним из лидеров Национальной партии, Вилопо, который был министром труда в кабинете Хатты и министром экономики в кабинете Сукимана. Укрепление позиций левых сил в стране дало возможность правительству Вилопо более решительно выступать как по внутривнутриполитическим, так и по внешнеполитическим вопросам. Правительство заявило, что оно готово получать от США экономическую и техническую помощь, но не военную. Более последовательную позицию заняла Индонезия и по вопросу об отношениях с бывшей метрополией. После того как 19 февраля 1952 года голландский парламент принял поправку к конституции, предусматривавшую включение Западного Ириана в состав Голландии, Индонезия активизировала свою деятельность по ликвидации соглашений конферен-

ции «круглого стола». В апреле 1953 года между Индонезией и Голландией был подписан протокол о прекращении деятельности голландской военной миссии.

Кабинет Вилопо являл собой пример компромисса между политическими группами в парламенте. Борьба партий в тот период сконцентрировалась вокруг вопроса о влиянии в армии, становившейся все более самостоятельной политической силой. В 1952 году министерство обороны и руководство вооруженных сил, где сильно было влияние правых социалистов, приняли решение провести реорганизацию и уволить 60 тыс. человек из нерегулярных и 30 тыс. из полицейских войск⁹. Хотя реорганизация проводилась под лозунгом создания кадровой армии, она на деле вылилась в попытки правых сил избавиться от сторонников НПИ, КПИ и других левых элементов, влияние которых было особенно ощутимо в нерегулярных частях. Недаром эту реорганизацию ее противники называли «изгнанием из армии прогрессивных элементов».

Поскольку внутри самой армии возникли трения по данному вопросу, в октябре 1952 года парламент принял резолюцию, предложенную депутатом от НПИ и предусматривавшую создание государственной комиссии для разрешения противоречий, возникших в армии в связи с реорганизацией.

Сукарно активно поддерживал эту резолюцию и даже настаивал, чтобы на заседании парламента вся фракция НПИ выступила за нее. По мнению австралийского историка Фита, в принятии парламентом данной резолюции «голос президента был решающим»¹⁰. Но ее принятие означало вмешательство «политиков» в дела армии, которая была традиционно автономна, сама считала себя в значительной степени активной политической силой. Кроме того, армейские круги были недовольны «политиками».

В парламенте, где шла острая политическая борьба, по любому поводу вспыхивали бурные дебаты, вследствие чего многие вопросы оставались нерешенными. Это порождало кризис парламентской системы. «Правительство бессильно овладеть положением»¹¹, — констатировал начальник штаба армии полковник Насутион.

Не лучше обстояло дело и с экономикой. Плана экономического развития страны не существовало. Бывший министр торговли Сумитро признавал, что для 1951 года имелся лишь грубый набросок бюджета. А на 1952 год не было даже этого¹². В такой обстановке со стороны армейской верхушки все настойчивее стали раздаваться призывы к дисциплине и порядку.

Осенью 1952 года высшее армейское командование склонилось к необходимости государственного переворота, который установил бы в стране «твердый порядок», и прежде всего ликвидировал бы «кофейный клуб», как военные называли парламент. На следующий день после принятия резолюции, внесенной НПИ, военные решили организовать демонстрацию, и 17 октября в Джакарте появились плакаты с лозунгами: «Распустить парламент! Ваши ссоры угрожают государству!»¹³ Вскоре на площади перед парламентом стали собираться демонстранты. Часть из них приехала на военных грузовиках. Вслед за демонстрантами прибыли вооруженные армейские части. Столица оказалась отрезанной от других районов страны: была прекращена телефонная и телеграфная связь, приостановлена отправка самолетов и судов. Город патрулировался танками.

Демонстрация была тщательно организована, в ее колоннах были переодетые в гражданское солдаты. Демонстранты ворвались в здание парламента и учинили там погром. Затем они направились к президентскому дворцу и вручили Сукарно резолюцию с требованием, чтобы он распустил парламент и взял власть в свои руки.

Сукарно вышел к толпе демонстрантов и со ступенек дворца произнес речь. Она напоминала скорее нравоучение отца разбаловавшимся детям. Президент фактически осудил действия демонстрантов. «Вы, конечно, не хотите, чтобы я стал диктатором,— сказал он. — Чтобы распустить парламент, надо узнать мнение индонезийского народа... Конечно, парламент еще не совершенен, так как не является выборным, но для проведения выборов требуется время»¹⁴. В заключение Сукарно обещал приложить все старания к тому, чтобы как можно быстрее провести всеобщие

выборы. Выслушав речь президента, демонстранты с возгласами «Да здравствует Сукарно!» разошлись¹⁵.

Сразу же после демонстрации группа армейских офицеров имела полуторачасовую беседу с президентом. Они знали, что Сукарно не питал симпатий к парламентской системе и не скрывал этого. Он резко критиковал политические партии за соперничество друг с другом, преследование узкопартийных выгод, погоню за голосами, стремление «подсидеть» соперников, борьбу за посты в кабинете.

Еще в сентябре 1952 года, за несколько недель до описываемых событий, Сукарно заявил, что Индонезия переживает политический кризис, что существующее положение — это упадок и поражение демократии, следствием чего и являются призывы к установлению более жесткого режима — диктатуры¹⁶.

Внешние цели армейской верхушки и Сукарно совпадали. Для нее парламентская демократия была системой, которая лишала армию позиций, завоеванных в годы борьбы за независимость. «Скопированная у Запада», эта политическая система, по мнению армейских кругов, демонстрировала свою неэффективность в условиях Индонезии.

Полковник Насутион, руководивший этим, как он позже назвал, «полуперевооротом», заявил Сукарно: «Это не против Вас лично, а против существующей правительственной системы»¹⁷. Офицеры, которые пришли к президенту, «как дети к отцу», предъявили ему ряд требований, поразительно похожих на требования «демонстрантов». Они считали необходимым распустить парламент и предлагали, чтобы Сукарно правил страной с помощью армии.

Сукарно, безусловно, хотел усилить свою личную власть, но он стремился сделать это, не нарушая конституцию и не связывая себя ни с какой группой, которая впоследствии контролировала бы его. Сукарно, всегда державший руку на пульсе политической жизни страны, знал, что почти все политические партии против роспуска парламента. Правильно оценив обстановку, президент занял твердую позицию и отверг требования военных руководителей.

Некоторые буржуазные историки утверждают, что переворот мог бы произойти, если бы не было разногласий между Сукарно и Насутионом относительно

состава нового кабинета¹⁸. С этой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Успех переворота поставил бы Сукарно в зависимость от армии. Его планы усиления своей власти были связаны с созданием более широкой основы, включавшей и просукарновскую партийную коалицию. Политической опорой президента все более становилась Национальная партия. Однако, не имевшая решающей поддержки в армии, боровшаяся за власть с правым блоком Машуми — ПСИ, она в обстановке растущей политической активности народных масс должна была искать себе союзника. Таким союзником стала КПИ. Их сотрудничество открывало возможность сдвига влево во внутренней и внешней политике страны.

Во время дебатов летом 1952 года в парламенте позиции депутатов КПИ и НПИ сблизились в борьбе против планов ПСИ, Машуми и военного министра сократить армию, главным образом за счет непрофессиональных военных. Происходил и процесс сближения КПИ с Сукарно. После прихода к власти кабинета Вилопо, предоставившего Компартии более широкие возможности для активизации ее политической деятельности, официальное отношение Компартии лично к Сукарно изменилось. Его перестали связывать с политическим курсом Хатты, Натсира и Сукимана. На митингах и собраниях КПИ стали выставляться портреты президента.

Стремясь к созданию новой сильной политической коалиции, на которую можно было опереться, президент умело балансировал между КПИ и НПИ, сглаживая противоречия и поощряя их к соревнованию в верности себе.

Итак, военным не удалось склонить на свою сторону Сукарно. В Индонезии были сильны позиции сторонников парламентаризма, и президент в тот период осуждал вмешательство армии в политику. Все ожидали первых всеобщих выборов, на которые возлагали большие надежды. В таких условиях армия не решилась на установление военного правления и была вынуждена временно отступить.

В то же время кабинет Вилопо действовал весьма нерешительно. С одной стороны, он отстранил от занимаемых должностей трех командующих военными округами и многих старших офицеров, в том числе

А. Х. Насутиона *, с другой — не осмелился открыто называть события 17 октября попыткой государственного переворота и по совету Сукарно приостановил работу парламента. Но и сам кабинет Вилопо продержался недолго после этих событий.

На смену ему летом 1953 года пришло правительство левого крыла НПИ во главе с Али Састроамиджой. Машуми и ПСИ не вошли в его состав. Место Машуми заняла партия Нахдатул Улама (НУ) **. Сукарно был доволен, полагая, что при правительстве Али Састроамиджой у него будет еще больше возможностей для активного вмешательства в дела управления. Его противники в тот период отмечали, что речи президента стали напоминать речи председателя НПИ.

После образования кабинета Али Састроамиджой КПИ начала более активно проводить свой курс «союза и борьбы» с частью национальной буржуазии, сначала в лице НПИ, а затем и НУ.

Популярность КПИ в стране особенно возросла после V съезда партии (1954 год). На съезде присутствовало несколько министров, Сукарно направил в адрес съезда приветствие. Съезд КПИ принял новую программу, в которой Индонезия характеризовалась как полуколониальная и полуфеодалная страна. Отмечалось, что превратить страну из полуколониальной и полуфеодалной в передовую, независимую и демократическую может только правительство единого национального фронта, основой которого должен быть союз рабочих и крестьян при гегемонии пролетариата. Особо подчеркивалась необходимость сохранения пол-

---

* Насутион в течение трех лет был «не у дел». Это были годы размышлений; он написал три книги, которые скоро стали настольными для офицеров Индонезии. Наиболее известная — «Основы партизанской войны» — была переведена на несколько иностранных языков. В 1955 году он был снова назначен на прежний пост.

** Нахдатул Улама была основана в 1926 году на Восточной Яве как религиозная организация, выступающая против модернизации ислама. С 1945 по 1952 год Нахдатул Улама входила в состав Машуми. Во главе Машуми стояли сторонники модернизации ислама, люди, имевшие западное образование и представлявшие будущее своей страны как развитие по пути капитализма в сотрудничестве с Западом. Им противостояла оппозиция в лице руководства Нахдатул Улама, которая имела влияние не в городах, а в сельских районах Явы.

ной независимости партии в идеологическом, политическом и организационном отношении внутри единого национального фронта. Неотложной задачей провозглашалась ликвидация феодальных пережитков и безвозмездная передача помещичьей земли крестьянам¹⁹. Новая программа мобилизовала партию на активное содействие прогрессивным мероприятиям кабинета. Представители КПИ и поддерживавших ее профсоюзов имели 22 голоса в парламенте из 212, и их поддержка была чрезвычайно важна для правительства Али Састроамиджой.

В деятельности первого кабинета Али Састроамиджой принципы независимой внешней политики получили дальнейшее развитие. Расширились связи Индонезии с социалистическими странами. В 1953 году Индонезия направила в Пекин своего первого посла. В 1954 году состоялся обмен посольствами между СССР и Индонезией.

Развитие отношений с СССР и КНР способствовало укреплению позиций Индонезии в борьбе за упрочение своей национальной независимости, против происков колониализма и империализма. Индонезия выступила за прекращение войны в Корее, поддержала результаты Женевского совещания глав четырех держав по Индокитаю (1954 год), отказалась принять участие в работе учредительной конференции стран СЕАТО в Маниле (1954 год), осудив этот военный пакт. Был сделан также дальнейший шаг на пути ликвидации соглашений конференции «круглого стола».

10 августа 1954 года Голландия была вынуждена подписать Протокол о расторжении Голландско-Индонезийского союза и аннулировании соглашений в области внешних сношений, обороны и культуры*.

«Свободная и независимая политика» правительств Хатты, Натсира, Сукимана, имевшая на деле прозападную ориентацию, при первом кабинете Састроамиджой трансформировалась в политику позитивно-нейтралитета при складывающейся ориентации на дальнейшее укрепление союза с социалистическими странами и молодыми независимыми государствами Азии и Африки, политику, основанную на принципах

---

* Однако Голландии удалось сохранить в силе ряд соглашений в области экономики и финансов.

мирного сосуществования. Ее осуществлению энергично способствовал президент Сукарно, выступавший за проведение Индонезией антиимпериалистического и антиколониального курса. При активном участии Сукарно в Индонезии в апреле 1955 года была проведена историческая Бандунгская конференция, явившаяся важной вехой в процессе сплочения молодых государств Азии и Африки на борьбу против империализма.

Большое впечатление на участников конференции произвела эмоциональная речь Сукарно. Президент Индонезии, открывая 18 апреля Бандунгскую конференцию, сказал: «Нас объединяет... общая ненависть к колониализму, в какой бы форме он ни проявлялся. Нас объединяет общая ненависть к расизму. Нас объединяет, наконец, общая решимость сохранить и укрепить мир во всем мире». Сукарно призвал к решительной борьбе против колониализма: «Где бы, когда бы и в каком бы обличье он ни появился, колониализм — это зло, и он должен быть стерт с лица земли»²⁰. Президент Индонезии призывал мобилизовать всю духовную, моральную и политическую мощь Азии и Африки в защиту мира: «Нет более безотлагательной задачи, чем сохранение мира. Без мира наша независимость стоит немногого. Восстановление и строительство в наших странах будет иметь мало смысла. Революция в наших странах не сможет далее развиваться»²¹. Конференция докажет, подчеркнул президент, что «Азия и Африка возродились, и даже более того, — что родились *новая Азия и новая Африка*»²². Бандунгская конференция, ставшая символом афро-азиатской солидарности, поставила Индонезию на одно из ведущих мест среди неприсоединившихся стран.

Бандунгская конференция была первым крупным международным форумом, на котором выступил Сукарно. В целом же его активность как в области внешней, так и внутренней политики была по-прежнему ограничена рамками парламентской системы, с чем он мирился, скрепя сердце и ожидая лучших времен. К тому же в его личную жизнь стала вмешиваться общественность. Будучи по характеру человеком эмоциональным, влюбчивым, Сукарно, не отличался постоянством. Летом 1954 года сообщение о его новой

женитьбе всколыхнуло общественность. Это был четвертый брак Сукарно. Женщины Индонезии, борющиеся за моногамию, считали себя оскорбленными. «Разве его книга «Сарина» не противоречит его отношениям с женщинами, его частым бракам?»²³ — говорили его оппоненты.

Его избранницей была Хартини Сувондо, мать пятерых детей. Всеиндонезийская организация женщин приняла решение считать брак Сукарно его личным делом, потребовав, однако, чтобы Хартини не выполняла никаких общественных функций, обычно возлагаемых на первую даму государства: чтобы ей не отдавались почести, какие положены жене президента, чтобы она не жила во дворце в столице, чтобы поездки Сукарно, в которых она сопровождала его, считались неофициальными.

Чтобы избежать осложнений, Хартини поселилась с Сукарно в Богоре во флигеле бывшей летней резиденции голландского генерал-губернатора, окруженной знаменитым ботаническим садом. За границу президент ездил всегда один.

Приближался 1955 год, год парламентских выборов*, к которым правительство Али Састроамиджой основательно готовилось.

Правая оппозиция ставила своей задачей свалить кабинет до всеобщих выборов, чтобы создать максимально благоприятные условия для борьбы за голоса избирателей. Сукарно, который формально не имел права вмешиваться в партийные дела, открыто встал на защиту правительства Али Састроамиджой, заявив: «Те, кто хотят падения кабинета», — предатели, «стремящиеся продать свою родину иностранцам»²⁴. Заявление президента оппозиция охарактеризовала как отказ от роли отца нации и верховного арбитра и переход в ряды одной из конфликтующих сторон.

Требование правых партий Машуми и ПСИ об отставке правительства не получило поддержки парламента. Тогда лидеры этих партий, временно отказавшись от борьбы за власть в парламенте, обратились

---

* Индонезийский парламент не был выборным до 1955 года. В стране действовала система назначения на основе консультаций между политическими партиями и группами.

за помощью к поддерживавшей их части офицерства. Поводом для конфликта между армией и правительством послужило назначение на пост начальника штаба армии «некадрового» офицера полковника Бамбанга Утойо.

Еще в феврале 1955 года 270 старших офицеров собрались в Джокьякарте на конференцию, в результате которой было опубликовано заявление, где армия называлась единой и неделимой. «Дело 17 октября 1952 года» объявлялось «закрытым», и правительство просили подтвердить эту точку зрения. В решениях конференции особо подчеркивалось, что при назначении на руководящие должности только профессионализм и квалификация должны быть основным критерием. Группа военных во главе с заместителем начальника штаба полковником Лубисом активно выступила против назначения Бамбанга Утойо, несмотря на то что его кандидатура была одобрена кабинетом и президентом. Командующие военными округами фактически поддерживали Лубиса.

18 июля 1955 года президент выехал в Мекку. Если раньше Сукарно откладывал это паломничество, пытаясь спасти кабинет, то теперь он, по-видимому, считал эту задачу невыполнимой. 20 июля 1955 года на совещании правительства с представителями поддерживавших его партий и фракций было решено, что дальнейшее существование кабинета нецелесообразно. В заявлении Али Сastroамиджой подчеркнул, что вопрос стоит так: «Быть или не быть парламентской демократии и конституционному государству в Индонезии?»²⁵

Хатта поручил сформировать кабинет лидеру парламентской фракции Машуми Бурхануддину Харахапу, другу Лубиса.

Кабинет Харахапа (август 1955 — март 1956 года) всеми силами старался отсрочить всеобщие выборы, доказывая невозможность их одновременного проведения по всей стране в намеченные сроки. 4 августа Сукарно возвратился в Джакарту и включился в политическую борьбу, стремясь объединить оппозиционные кабинету силы под флагом скорейшего проведения всеобщих выборов и активизации борьбы за возвращение Западного Ириана. Поскольку у него было

мало шансов добиться успеха в парламенте, президент стал выдвигать эти задачи на внепарламентских форумах. По его инициативе был созван Всеиндонезийский конгресс. На этом конгрессе, проходившем с 10 по 15 августа, присутствовало 700 делегатов из всех частей страны. Машуми и ПСИ отказались от участия в его работе. Хатта и Харахап, получившие приглашение, тоже не присутствовали. Конгресс не только отразил новую расстановку политических сил в стране накануне всеобщих выборов, но и фактически закрепил ее на последующие несколько лет.

Сукарно, добиваясь того, чтобы изменение соотношения сил в стране как можно быстрее нашло свое отражение и в парламенте, на церемонии закрытия конгресса обрушился с резкой критикой на тех, кто пытался помешать проведению выборов, называя их «предателями революции»²⁶. Президент призвал создать революционный национальный фронт, объединяющий всех борцов против империализма, и потребовал последовательного выполнения решений Бандунгской конференции и проведения внешней политики, основанной на принципах мирного сосуществования. Конгресс принял решение расторгнуть дипломатические отношения с Голландией и односторонне аннулировать все соглашения конференции «круглого стола», в случае если Голландия не пойдет на уступки в вопросе о Западном Ириане. Конгресс создал Национальный фронт борьбы за Западный Ириан и высказался за проведение всеобщих выборов в назначенный срок.

Сукарно считал, что выборы должны выявить основные политические организации в стране и резко сузить их круг. В своей речи 17 августа 1955 года он признался, что, когда говорит о партийной системе в стране, ему становится грустно и, чем ближе страна подходит к выборам, тем сильнее его тревога. В стране около тридцати политических партий. «...Это дезинтеграция нашего национального потенциала»²⁷, — заявил он. «...Сделайте нашу политическую систему более простой! Рационализируйте нашу политическую систему, сократите число партий. Используйте грядущие выборы для того, чтобы рационализировать нашу политику...»²⁸ — призывал Сукарно.

Поскольку большинство индонезийских избирателей было неграмотно, то каждому предлагался бюллетень, содержащий красочные эмблемы партий: «серп и молот» — КПИ, «голова буйвола» — НПИ и т. д.

В парламентских выборах (сентябрь 1955 года) участвовало 190 партий, групп и независимых кандидатов. Было избрано 257 депутатов. Национальная партия и Машуми получили по 57 мест, Нахдатул Улама — 45 мест, КПИ — 39²⁹.

15 декабря 1955 года состоялись выборы в Учредительное собрание, которое должно было выработать новую конституцию. НПИ получила 119 мест, Машуми — 112, Нахдатул Улама — 91 и КПИ — 80 мест³⁰. Выборы показали, что преобладающим влиянием в стране пользуются четыре партии. Вместе с тем они отразили серьезное ухудшение позиций Машуми и особенно ПСИ. Выборы продемонстрировали, что большинство индонезийского народа выступает против проимпериалистической политики правых партий. Такое соотношение сил в парламенте и в Учредительном собрании заставило лидеров Машуми пересмотреть свою тактическую линию.

Пытаясь укрепить позиции своего правительства и своей партии, Харахап поспешил в оставшееся до созыва нового парламента время провести переговоры с Голландией о пересмотре соглашений конференции «круглого стола» и о возвращении Западного Ириана. Переговоры закончились безрезультатно. Тогда, стремясь удержаться у власти, правительство Харахапа, которому в парламенте уже был вынесен вотум недоверия, в одностороннем порядке расторгло соглашения конференции «круглого стола». В этих условиях президент Сукарно, чтобы не дать возможности правительству Харахапа и партии Машуми воспользоваться плодами общенациональной борьбы, сославшись на серьезные нарушения парламентской процедуры, отказался утвердить это решение. Кабинет ушел в отставку. Президент поручил формирование нового правительства Али Сastroамиджой.

Сукарно, считая, что Индонезийская республика отошла от проверенного в ходе национально-освободительного движения национального единства и союза

трех политических течений — НАСАКОМ*, потребовал их возрождения и включения Компартии в состав нового коалиционного кабинета. Но Али Сastroамиджой решительно воспротивился. Президент попытался оказать давление и на лидеров Машуми и НУ, с тем чтобы они согласились сотрудничать с КПИ в новом кабинете, но безуспешно. Поэтому он накануне приведения министров к присяге заявил, что не удовлетворен составом кабинета, но полностью доверяет Али Сastroамиджой³¹.

Хотя КПИ не вошла в правительство, поддержка партии и связанных с ней массовых организаций обеспечила Али Сastroамиджой возможность проведения ряда прогрессивных мероприятий, несмотря на сопротивление реакции и ее представителей в кабинете. 21 апреля 1956 года парламент расторг соглашения конференции «круглого стола», а в августе правительство Индонезии сообщило об отказе от уплаты долгов правительства Нидерландской Индии.

Длительный период упорной борьбы за ликвидацию кабальных соглашений, навязанных голландцами в 1949 году, закончился. Республика выжила и окрепла. Окреп и ее международный авторитет. В этот период Индонезия выступала в поддержку предложений социалистических стран по вопросу о мире и разоружении, занимала твердую позицию по вопросу о восстановлении в ООН законных прав КНР, осуждала англо-франко-израильскую агрессию против Египта.

В 1956 году Сукарно посетил США, СССР и КНР. Находясь с официальным визитом в Соединенных Штатах, Сукарно выступил в конгрессе с речью, которая была расценена как одна из лучших речей иностранных политических деятелей. «Для нас национализм означает возрождение наших наций, обеспечение равного уважения для наших народов, решимость взять свое будущее в свои руки. Для нас национализм — это любовь к стране и решимость улучшить ее... он является главным импульсом наших усилий... Если вы не поймете этого, никакие размышления, никакие потоки заявлений и водопады долларов не

---

* Сокращенно от индонезийских слов «национализме», «агама», «коммунизме» — национальное, религиозное и коммунистическое течения.

Почетный гость в музее-квартире В. И. Ленина в Кремле

смогут создать ничего, кроме ожесточения и разочарования»³², — заявил Сукарно.

Президент призывал к отказу от атомного оружия, подчеркнув, что его страна поддержит каждое действие, предпринятое США или ответственными руководителями любой страны, чтобы изгнать из мира тень атомной бомбы.

Сукарно подчеркнул, что Индонезия с величайшей благодарностью примет всякую помощь, если она облегчит бремя и сократит продолжительность борьбы. «Но из какого бы уголка разделенного на части земного шара ни исходила эта помощь, мы со всей решимостью заявляем, что мы не продадим ни за какие материальные блага ни единой частицы с таким трудом завоеванной нами свободы, ибо эта свобода нам

Во дворце пионеров города Свердловска

дороже всех товаров, которые может нам дать или продать любая страна»³³.

В других выступлениях в США Сукарно осуждал все формы колониализма, подчеркивая, что «не существует благотворного колониализма, как не существует благотворной болезни»³⁴. Он особо отметил, что неприсоединившиеся страны называть «нейтральстами» неверно. «Мы не нейтральны и никогда не будем нейтральными, пока люди во всем мире не станут свободными»³⁵, — заявил президент.

Однако этот в целом успешный для Сукарно визит в США не принес ожидаемых результатов. Американские правящие круги продолжали оказывать поддержку голландским колонизаторам.

Во время визита в Советский Союз 11 сентября 1956 года в Москве было подписано советско-индонезийское совместное заявление, отразившее общность подхода обеих стран к решению важнейших международных проблем и укрепившее сотрудничество между СССР и Индонезией. Стороны подтвердили верность политике борьбы за разоружение и запрещение испытаний ядерного оружия, принципам взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования³⁶.

15 сентября было заключено первое Генеральное соглашение между СССР и Индонезией, предусматривавшее строительство в Индонезии целого ряда объектов, на финансирование которых Советский Союз предоставил кредит в размере 100 млн. долларов на срок 12 лет из расчета 2,5 процента годовых³⁷. Было подписано также торговое соглашение между двумя странами.

Отмечая большой личный вклад Сукарно в установление и развитие дружественных отношений между нашими странами, имеющих важное значение для укрепления мира и международного сотрудничества, Президиум Верховного Совета СССР в сентябре 1956 года наградил президента Сукарно орденом Ленина³⁸.

После поездки в СССР Сукарно посетил Югославию, Чехословакию, Монголию и КНР. Все эти визиты еще больше укрепили позиции Индонезии как неприсоединившейся страны.

В своих выступлениях в Индонезии Сукарно отмечал, что визиты в социалистические страны обогатили его ценным опытом. Президент выражал восхищение успехами этих стран. «Но сразу, когда я вернулся домой, я понял,— сказал Сукарно,— как неутешительно положение в нашей стране... Я верю, что, если мы хотим создать наше государство, это не может быть осуществлено в условиях существующей общественной структуры. Я поэтому предлагаю замечать ее»³⁹.

II

ПОЖИЗНЕННЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Главное в нашей демократии — это руководство.

Сукарно

Направляемая демократия

Пусть индонезийская революция
говорит на своем
собственном языке.

Сукарно

6

Сразу же после возвращения в Индонезию Сукарно начал энергичную кампанию за ликвидацию «западной, не отвечавшей национальному духу и условиям парламентской системы».

К этому времени у власти побывало двенадцать правительств. Фактически все сколько-нибудь значительные буржуазные партии имели возможность «показать себя». Частые смены кабинетов усугубляли и без того тяжелое экономическое положение страны, вели к кризису системы парламентской демократии, ее дискредитации в глазах народа. Среди широких слоев индонезийского общества росло стремление к установлению режима «сильной власти», которую видели в лице Сукарно или армии.

Рост влияния НПИ и КПИ, укрепление их сотрудничества открывали Сукарно новые, более широкие перспективы в его борьбе против старых традиционных противников — Машуми и ПСИ, усиливали его позиции во взаимоотношениях с армией. Сукарно умело маневрировал среди соперничавших между собой политических групп. Постоянно призывая к объединению нации, он как бы возвышался над партиями, а тем самым и над системой парламентской демократии. В глазах миллионов простых людей Сукарно был символом единства.

Президент прежде всего обрушил свой удар на партии, деятельность которых, по

его мнению, вызывала политическую нестабильность в стране. Выступая 28 октября 1956 года с речью на праздновании Дня клятвы молодежи, Сукарно прямо заявил о «болезни партий»: «Будем откровенными, братья и сестры. В 1945 году мы сделали очень большую ошибку, когда призвали к организации партий, партий и партий... Теперь эта ошибка оборачивается против нас»¹. Президент призвал молодежь объединиться и «похоронить все партии».

Однако мысль о роспуске партий не встретила поддержки у премьер-министра Али Састроамиджойо, пригрозившего в знак протеста подать в отставку. Сукарно на время решил отложить свой план, заявив, что его неправильно поняли, что речь шла лишь об упрощении партийной системы. Через несколько дней в своем новом выступлении он внес коррективы².

Очевидно, это выступление было скорее разведкой, зондажем общественного мнения. Позже Сукарно говорил: «Передо мной, как бетонная стена, встало сопротивление партий, которые я хотел распустить. И я был вынужден отказаться от этой идеи»³. Сукарно в своих речах обрушивался на «либеральную западную» демократию, обвиняя ее во всех трудностях, существовавших в стране,— политическом и экономическом кризисе, коррупции. Он призывал парламент работать на базе «реальной индонезийской демократии», а не на основе «демократии голосования», когда «50+1» всегда правы⁴.

Вместо буржуазной демократии западного образца Сукарно предлагал новый вид демократии, найденный им якобы в недрах индонезийской истории: «Индонезийцам нет необходимости копировать иностранные концепции демократии, они имеют свою собственную»⁵. «То, что я хотел бы предложить для Индонезии,— это «направляемая демократия» — хоть и руководимая, но демократия»⁶,— указывал он в речи перед конгрессом Союза учителей в Бандунге 30 октября 1956 года.

«Направляемая демократия», по его мнению, призвана была усилить контролирующую и направляющую роль государства в политической и экономической областях, укрепить демократический государст-

венный строй, обеспечить единство нации, полную независимость страны. Именно такая демократия, заявлял он, больше всего подходит для Индонезии⁷.

Кампания по внедрению идеи «направляемой демократии» сопровождалась восторгами Сукарно по поводу успехов, достигнутых в социалистических странах. Создавалось впечатление, что президент стремится сдвинуть страну «влево», возродить революционные традиции 1945 года и даже развивать их дальше. Он заверял: «Я не стремлюсь стать диктатором, братья и сестры... Это мне не по душе. Я — демократ. Я действительно демократ. Но моя демократия — не либеральная демократия»⁸.

Сукарно апеллировал и к оппозиционным силам буржуазии. В феврале 1957 года президент заявлял: «Есть люди, утверждающие, будто Бунг Карно выдвинул эту концепцию, чтобы сдвинуть правительство влево. Нет, братья, для меня не существует термина «левый», не существует термина «правый»»⁹. Позднее он пояснил, что предлагаемая им система представляет собой «средний путь между западной и коммунистическими системами»¹⁰. Пытаясь использовать обеспокоенность лидеров Нахдатул Улама, НПИ и ряда других, более мелких партий парламентскими успехами коммунистов, он предостерегал, что «если сегодняшнее положение будет сохраняться и впредь, если такая нездоровая обстановка будет существовать и далее, то назреет революционная ситуация!»¹¹. Президент давал понять, что его «направляемая демократия» предназначена и для ограничения влияния КПИ. Не случайно концепция «направляемой демократии» стала выдвигаться после национальных выборов, на которых КПИ получила большое число голосов, и это открыло перед ней потенциальную возможность стать ведущей политической партией страны.

В своей кампании за введение «направляемой демократии» Сукарно умело пользовался и тем, что парламентская демократия последовательно и в полной мере не осуществлялась в Индонезии. Реорганизации и смены кабинетов проходили в Индонезии не по требованию парламента, а под давлением «внепарламентских сил и обстоятельств». Натсир, например, говорил, что применение в Индонезии парламентской

системы западного типа напоминает ему игру в теннис «без сетки или линий площадки»¹².

Призывы Сукарно отказаться от «буржуазной демократии», дабы ликвидировать межпартийную борьбу, соответствовали его старым планам ликвидации многопартийной системы во имя национального единства. «Похороним, похороним, похороним!» — скандировал президент, говоря о партийной системе. В то же время Сукарно заявлял, что он разработал свой собственный план, который в соответствующий момент и предложит народу с «божьей помощью».

Намерения Сукарно вызвали различную реакцию. Небольшие политические партии поддерживали его призыв безоговорочно. Руководство Нахдатул Улама заняло выжидательную позицию. Что касается НПИ и КПИ, то хотя в принципе они и поддерживали Сукарно, но в то же время высказались против запрещения партий и ущемления прав парламента. Наиболее резко против плана президента выступила Машуми¹³.

К этому времени Машуми, ПСИ и поддерживавшие их политические и военные круги, убедившись, что они не могут рассчитывать на победу, используя только парламентский путь борьбы за власть, сами начали активно подрывать парламентскую систему. Вследствие этого второе правительство Али Сastroамиджой за короткий период своей деятельности пережило несколько кризисов. Первый удар был нанесен заговором полковника Лубиса, снятого с должности заместителя начальника штаба сухопутных войск. Честолюбивый полковник, и ранее активно вмешивавшийся в политику, вступил в разговор с лидерами Машуми и ПСИ, а также теми военными, которые были связаны с сепаратистскими кругами.

Целью заговора было свержение правительства Али Сastroамиджой, роспуск парламента, арест министров и лидеров прогрессивных партий, изменения в руководстве вооруженных сил. 15 ноября 1956 года Лубис направил из Бандунга в Джакарту несколько верных ему армейских батальонов. Но верхи армейского командования не поддержали заговора. Генерал Насутион, решительный противник подобных методов давления на центральное правительство, тем более ориентирующихся на военный переворот, понимал, что новая ситуация, складывающаяся в стране,

открывает перед армейской верхушкой более широкие возможности вмешательства в государственные дела мирными средствами, путем укрепления сотрудничества армии и президента. Насутион понимал также, что выступление против правительства, пользующегося поддержкой Сукарно, обречено на неудачу и грозит расколом в самой армии. Лубиса не смогли поддержать и его сторонники в Джакарте, так как к майору Джурио (он должен был дать сигнал к выступлению) вечером пришел «в гости» знавший о предстоящем выступлении командующий дивизией «Силиванги» генерал Супрайоги, который и просидел «в гостях» до утра, помешав «вежливому» хозяину предпринять какие-либо шаги¹⁴. Попытка переворота провалилась. Лубис скрылся.

Когда правая оппозиция убедилась, что попытка военного переворота в центре не принесла желаемого результата, было решено перенести центр тяжести борьбы за власть на «внешние острова» (Суматра, Калимантан, Сулавеси), где позиции Машуми были особенно сильны¹⁵.

Используя недовольство на местах экономической политикой правительства, бюрократизмом и коррупцией и особенно тем фактом, что «внешние острова», являвшиеся основным поставщиком экспортной продукции, получали лишь незначительную часть иностранной валюты, группа реакционных офицеров под лозунгом автономии вступила на путь мятежей и организации антиправительственных заговоров. Ссылки на «экономическое угнетение со стороны Явы», требование предоставления широкой местной автономии не могли скрыть того главного факта, что эти мятежи и заговоры являлись прямым продолжением общеполитической борьбы за власть в центре, где наметился развал существовавшего с 1945 года дуумвирата Сукарно — Хатта.

Программа мятежников предусматривала радикальную перестановку в руководстве страны и армии, усиление позиций Машуми, роли Хатты, запрещение КПИ, децентрализацию управления.

Сукарно не скрывал, что он решительно против создания кабинета Хатты и предпочитает правительство, основой которого было бы сотрудничество НПИ с НУ и КПИ, а не с Машуми и ПСИ.

Разногласия между двумя лидерами стали очевидны. Хатта подал в отставку, что явилось завершением раскола.

После отставки Хатты правые силы начали кампанию резкой критики политики Сукарно и его планов реорганизации государственного строя. 20 декабря 1956 года произошел военный переворот на Западной Суматре, а через два дня — на Северной Суматре. Действия мятежников на местах были поддержаны оппозицией в центре. Лидеры Машуми, понимая, что судьба парламентаризма в Индонезии предрешена, решили опередить Сукарно и вынести борьбу за стены парламента. 9 января 1957 года пять министров Машуми подали в отставку. 15 января к ним присоединился министр от действовавшей преимущественно на Суматре мусульманской партии ПЕРТИ. В правительстве остались в основном представители партий, пользовавшихся наибольшим влиянием на Яве (НПИ, Нахдатул Улама). Мятежники на местах, прикрывавшиеся флагом борьбы с «яванским засильем» в центре, получили дополнительный «аргумент».

Сукарно не был готов к столь стремительному ходу событий. Он еще даже не успел обнародовать свою новую концепцию. Чтобы выиграть время, Сукарно уговорил своего старого политического партнера И. Леймену, председателя Христианской партии, не следовать примеру лидеров Машуми. Правительство не пало. Вместе с тем президент, с чуткостью барометра улавливавший колебания общественного мнения в стране, заметил рост недовольства политикой правительства Али Састроамиджойо и не собирался надолго сохранять его кабинет у власти.

Момент был достаточно удобным, чтобы Сукарно мог взять всю полноту власти в свои руки и претворить в жизнь концепцию, которая, по его мнению, помогла бы предотвратить раскол нации. В стране все чаще раздавались голоса с требованием передать политическую власть в руки «настоящих лидеров», «близких к народу», а таким лидером был Сукарно. Хотя Сукарно еще не сформулировал до конца свою идею «направляемой демократии», ее тем не менее многие считали определенным выходом из тупика, в котором оказалась дискредитировавшая себя буржуазная парламентская система управления.

15 февраля 1957 года на приеме представителей правительственной коалиции Сукарно заявил, что предлагаемая ими реорганизация правительства не принесет политической стабильности стране. «Необходимо, — сказал он, — создать принципиально новую систему управления, ибо при существующей системе «индонезийцы несутся без руля и ветрил»¹⁶.

В условиях роста мятежей и обострившейся политической борьбы встала задача сохранения национального единства и предотвращения развала государства. В стране росло убеждение, что с этим может справиться только Сукарно. В создавшейся обстановке, считал президент, его идея консолидации нации, предлагавшая компромисс основным политическим силам страны, будет принята.

Он прекрасно понимал, что национальная буржуазия, напуганная результатами первых всеобщих выборов и возможностью прихода КПИ к власти парламентским путем, пойдет на отказ от части атрибутов буржуазного парламентаризма. И действительно, после выборов все слои буржуазии видели свою задачу в том, чтобы не допустить к власти представителей трудящихся. Установление режима личной власти Сукарно рассматривалось многими буржуазными партиями и группами как приемлемый выход.

Руководство КПИ рассчитывало, что установление режима личной власти Сукарно, пользовавшегося огромной популярностью среди народа, известного своими демократическими взглядами, ускорит решение стоящих перед страной социально-экономических проблем, укрепит позиции левых сил в ущерб правым.

Планы ограничения буржуазной демократии активно поддержала армия. Военные не скрывали, что добиваются радикальных изменений в системе правления, выступая за «рабочий» кабинет, независимый от влияния политических партий. Командование сухопутных войск сетовало, что при парламентской системе армия не имела юридических прав для вмешательства в государственные дела, и надеялось, что концепция Сукарно откроет военным путь к политической деятельности¹⁷.

Несмотря на то что различные политические силы в стране постоянно конкурировали друг с другом, большинство этих сил в начале 1957 года в той или

иной степени поддержало президента. В первые месяцы 1957 года президентский дворец превратился в центр политической жизни. Толпы визитеров, бесконечные консультации — все вертелось вокруг Сукарно. Инициатива прочно была у него в руках. Росла и его вера в собственные силы, в свое мессианское предназначение.

До официального опубликования концепции президента с ее содержанием были ознакомлены руководители всех партий.

20 февраля 1957 года на расширенном совещании Политбюро ЦК КПИ была принята резолюция об отношении Коммунистической партии к концепции президента. Совещание единогласно одобрило план Сукарно как важный вклад в создание основ единого национального фронта¹⁸.

В резолюции отмечалось, что, хотя концепция Сукарно не является концепцией народной демократии, она соответствует неотложным политическим нуждам индонезийского народа, не противоречит конституции или другим законам Республики Индонезии, так как партийная и парламентская системы не уничтожаются. В резолюции подчеркивалось, что если концепция «направляемой демократии» будет проведена в жизнь, то в стране будет достигнуто более широкое и прочное национальное единство. КПИ полагала, что осуществление концепции Сукарно обеспечит упрочение демократии, проведение независимой и активной внешней политики, а также значительный прогресс в развитии страны и искоренение подрывной деятельности империалистов и реакционеров¹⁹.

21 февраля 1957 года Сукарно изложил свою концепцию во дворце перед политическими и общественными деятелями, военными руководителями. Тысячи сторонников президента со знаменами и транспарантами стояли под окнами дворца и слушали трансляцию его выступления. Сукарно утверждал, что в стране использовалась неправильная система управления типа «западной демократии», которая не гармонирует с душой индонезийской нации и является «импортной» для Индонезии. По замыслу Сукарно Индонезия должна взять за образец «более чистую и точную форму демократии», близкую к практиковавшейся в старину в индонезийской деревне, которая

вечна, «как горы», и которую он «выкопал из глубин народных богатств». Президент призвал полностью перестроить старую систему управления государством «вплоть до ее фундамента», «соорудить новый фундамент и возвести на нем совершенно новое здание...»²⁰

В основу своей концепции Сукарно положил мысль о том, что «индонезийская нация является духовно единой», чему способствовала многолетняя борьба всего народа против колониального ига. Ошибка, по его мнению, заключалась в том, что после провозглашения независимости многочисленные политические партии страны вместо того, чтобы закрепить успехи августовской революции 1945 года, начали между собой яростную борьбу за власть, что привело к «искусственному расколу» общества на враждующие группировки. Сукарно заявлял, что, пока общенациональные задачи борьбы против империализма и колониализма приносятся в жертву «узкопартийным», эгоистическим интересам, в Индонезии не будет создано построенное на принципах Панча Сила «справедливое и процветающее общество всех индонезийцев».

Выдвижение в данный исторический момент подобной концепции отражало, в частности, типично мелкобуржуазную озабоченность процессом дальнейшего углубления социального размежевания в стране²¹. Концепция Сукарно имела целью предотвратить обострение классовых противоречий, характерное для второго этапа национально-освободительной революции. Она отражала его стремление сохранить национальное единство и равновесие политических сил, удерживая в своих руках контроль над государственным аппаратом, и в первую очередь над армией. Как он заявлял позже, «направляемая демократия» не имела целью достижение победы одной группы или поражение другой²². В концепции «направляемой демократии» Сукарно делал упор на роль руководства, считая, что национальное единство и мир внутри страны можно обеспечить с помощью традиционных индонезийских методов — достижения согласия путем консультаций («мушаварах» и «муфакат»), на основе взаимного сотрудничества («готонг-ройонга»), без голосования.

Механизм этого метода заключался в следующем:

руководитель выслушивает мнение различных сторон (в чем Сукарно видел доказательство демократизма системы), а затем выносит решение или приводит стороны к компромиссу. Сукарно назвал этот традиционный метод «совместными поисками истины», подчеркивая, что в случае возникновения неразрешимых ситуаций вопрос передается на усмотрение президента.

Сукарно поставил своей задачей изъять вопрос о власти из сферы межпартийных отношений, сделать для любой партии бесперспективной борьбу за нее и с этой целью кардинально перестроить государственную и политическую систему. Исходя из этого, президент и призывал дать стране общенациональное стабильное руководство, не зависящее от влияния политических партий и группировок. В «направляемой демократии» Сукарно видел и путь к укреплению своей личной власти, ликвидации политической оппозиции справа и слева.

Концепция Сукарно предусматривала также формирование «кабинета сотрудничества», который отражал бы представительство партий в парламенте, включая КПИ, так как «нельзя продолжать игнорировать партию, которая получила на выборах шесть миллионов голосов»²³. Он утверждал, что создание такого кабинета «приведет к «исчезновению оппозиции», воцарению национального мира». Сукарно также предлагал создать наряду с парламентом Национальный совет, который давал бы рекомендации кабинету. Чтобы устранить или ослабить межпартийную борьбу в системе «направляемой демократии», Сукарно планировал ввести в Национальный совет граждан, представляющих не партии, а различные общественные слои или группы в соответствии с их функциями в сфере производства и их вкладом в создание «справедливого и процветающего общества». По мысли Сукарно, представители этих «функциональных групп» не должны были быть связаны с политическими партиями и их кандидатуры при назначении в государственные органы предварительно одобрялись бы президентом*.

---

* Сукарно разделил индонезийское общество на «функциональные группы»: рабочие, крестьяне, интеллигенция, религиозные круги, вооруженные силы, полиция, молодежь, женщины

Хотя Сукарно подчеркивал, что создание Национального совета не приведет к умалению роли парламента, это вызывало сомнения. Фактически он стремился произвести перегруппировку политических сил, минуя существовавшие государственные институты.

Концепция президента предусматривала включение КПИ в предлагаемую им систему государственной власти. Следует, однако, отметить, что, предлагая включить Компартию в правительство, Сукарно ставил своей задачей лишить ее возможности критики деятельности правительства и заставить разделить с ним ответственность за проводимую политику²⁴.

План ликвидации оппозиции путем включения существующих политических партий в правительство на деле ставил их перед альтернативой: либо отказаться от требований власти, либо стать проправительственной силой и поддерживать Сукарно. Концепция Сукарно не имела целью усилить какую-либо партию или группировку, чье-либо влияние, кроме его собственного. Поскольку Сукарно, по его словам, пришлось вмешиваться фактически в дела каждого кабинета, он считал, что пришло время поставить все на свои места — взять всю исполнительную власть в свои руки. Позже, в 1965 году, Сукарно признавал, что либеральная система не устраивала его тем, что она не обеспечивала единоличного руководства. «Но до того, как взять бразды правления, я прежде всего должен был добиться признания концепции»²⁵, — говорил он.

В заключение речи 21 февраля Сукарно просил лидеров партий через неделю высказать мнение по поводу его идеи. Было ясно, что Сукарно не идет на уступки мятежникам и не предлагает вернуть Хатту к власти. Было очевидно и другое: президент не проводит единолично «переворот» сверху, а обращается за помощью к НПИ, Нахдатул Улама и даже КПИ и удовлетворяет давнишнее стремление армейской верхушки к участию в политических делах.

Анализируя обращение Сукарно к народу и стране, можно отметить, что если в октябре 1956 года

и т. п. Создание «функциональных групп» имело целью заменить классовые понятия, показать, что положение людей в индонезийском государстве определяется не их отношением к средствам производства, а «ценностью их функций» в «мире труда».

Сукарно предложил «похоронить» политические партии, то в феврале 1957 года он перефразировал свою цель: «либеральная демократия не подходит для Индонезии и должна быть заменена «направляемой демократией»».

28 февраля 1957 года делегации от партий снова пришли к президенту во дворец. НПИ, КПИ, «Мурба» высказались «за», Машуми и Католическая партия — «против». Остальные партии выдвинули так много оговорок, что это граничило с неодобрением. Оппозицию активно поддержал Хатта, писавший в одной из газет, что включение в кабинет мусульман и коммунистов так же нереально, как смешение масла с водой²⁶.

Хатта прямо высказывал мнение, что концепция Сукарно имеет целью установление личной власти президента. «Стоит ли искать обходных путей, чтобы страна получила сильное правительство, которое вместе с тем отвечало бы желаниям Сукарно активно вмешиваться в дела управления?» — спрашивал он. Хатта считал гораздо более рациональным либо создание президентского кабинета, руководимого Сукарно на основе декрета о военном положении, либо присутствие Сукарно на всех заседаниях кабинета и внесение им прямо по ходу дела «своих правильных и мудрых предложений, которые, безусловно, будут приняты»²⁷.

Хатта отмечал, что создание Национального совета не предусматривается действующей Конституцией 1950 года и сделать это можно лишь после внесения в нее соответствующих поправок²⁸. Аналогичную точку зрения высказали и лидеры Нахдатул Улама, ПСИ и некоторых других партий.

Политические группы, принявшие концепцию Сукарно, сделали это, исходя из различных целей. И автор концепции — Сукарно, и ее сторонники имели в виду в первую очередь обеспечение своих интересов. Сукарно стремился не только к национальному единству, но и к ослаблению роли партий, чему отчасти служила его идея включения представителей «функциональных групп» во все звенья системы. НПИ, претендуя на лидерство в коалиции сторонников концепции, хотела прежде всего отодвинуть КПИ и другие политические партии на задний план. КПИ рассчитывала, что, поддерживая Сукарно, она будет способ-

ствовать «подталкиванию» Индонезии по пути прогрессивного развития.

Ознакомившись с неблагоприятными в целом для себя мнениями лидеров религиозных партий, Сукарно 2 марта выехал в Сурабаю. В тот же день военные подняли на Суматре мятеж, требуя создания кабинета во главе с Хаттой. Насутион выступил как посредник между Хаттой и Сукарно, пытаясь восстановить дуумвират. Сукарно на словах согласился встретиться с Хаттой, но тот так и не дождался приглашения во дворец.

С расширением района мятежей (в марте сепаратисты установили свою власть на Сулавеси) внутриполитический кризис приобрел угрожающие размеры. После консультаций с Насутионом Сукарно настоял, чтобы Али Састроамиджойо подписал декрет о чрезвычайном положении, после чего правительство ушло в отставку. 14 марта 1957 года президент выступил по радио с обращением к вооруженным силам Индонезии и ко всему индонезийскому народу. Такое положение, сказал он, не может дальше продолжаться, оно ведет к распаду Республики. «Вся полнота власти,— заявил Сукарно,— передается мне, как президенту и главнокомандующему вооруженными силами Индонезии»²⁹.

Машуми выступила против введения чрезвычайного положения. НУ и НПИ призвали народ и вооруженные силы оказать полную поддержку «главкому». КПИ объявила действия Сукарно законными, но выдвинула лозунг «предупредить злоупотребления чрезвычайным положением».

Главной опорой Сукарно стала армия. Союз с военным руководством потребовал от центрального правительства пересмотра курса в отношении армии. Принцип «армия — вне политики» стал неприемлемым. Его использовали в антиправительственной пропаганде мятежники, заявлявшие, что «гражданские» никогда не допустят военных к участию в политической жизни. Предложение президента ввести в Национальный совет и кабинет представителей вооруженных сил по списку «функциональных групп» ускорило переход на сторону центрального правительства значительной части вооруженных сил. При поддержке руководства армии, и прежде всего генерала

Насутиона, полностью контролировавшего сухопутные войска, Сукарно и решил действовать. Поддержка «направляемой демократии», считал Насутион, укрепит позиции армии как автономной политической силы, сделает ее опорой личной власти президента, основной движущей силой «направляемой демократии».

Армейские руководители понимали, что после установления личной власти Сукарно будет все более нуждаться в армии как силе, противостоящей политическим партиям и к тому же занимающей при военном положении ключевые позиции в административном аппарате. Введение военного положения в марте 1957 года позволило армейской верхушке закрепиться в политической и экономической сферах. Усилению позиций армии способствовала и развернутая Сукарно кампания за освобождение Западного Ириана.

Безусловно, между Насутионом и Сукарно имелись противоречия. Для президента армия была прежде всего орудием утверждения его личной власти. Насутион же стремился превратить армию в ведущую политическую силу, утверждая, что «солдат» не может быть изолирован от политики и должен принимать активное участие во всех сферах государственной деятельности. Более того, Насутион считал, что именно армия призвана определять, что полезно, а что вредно для революции: народ дал армии «полномочия контролировать каждого и не допускать, чтобы он отклонился от пути революции»³⁰. Однако на данном этапе у Сукарно и Насутиона была одна цель — устранить господство политических партий и парламентскую систему.

После введения военного положения и отставки кабинета в стране развернулась острая борьба по вопросу о составе правительства. Критикуя тех, кто желал исключить Коммунистическую партию из коалиционного правительства, Сукарно говорил: «Они требуют, чтобы я оседлал коня, но настаивают, что следует сначала отрубить у коня одну ногу. Я не могу и не буду скакать на коне с тремя ногами»³¹. Как утверждает американский историк ван дер Круф, «Сукарно был завален резолюциями, требующими включить коммунистов в правительство»³².

План Сукарно включить КПИ в состав кабинета не был одобрен верхушкой армии, Машуми, НПИ, Нах-

датул Улама и другими партиями. «Кабинет сотрудничества» не удавалось создать. Тогда КПИ стала требовать недопущения в кабинет и Машуми. Представители Коммунистической партии заявили президенту, что, если ядром нового кабинета будут Национальная партия Индонезии и Нахдатул Улама, вопрос о том, войдет ли Компартия в этот кабинет, не будет иметь решающего значения. Если же в него войдет партия Машуми, то КПИ будет настаивать на образовании «кабинета взаимного сотрудничества», как это предусмотрено программой президента.

Сукарно, убедившись в том, что «кабинет сотрудничества» создать невозможно, 25 марта поручил лидеру НПИ Сувирью сформировать «деловой кабинет». Представители ряда партий отказались участвовать в нем, и 2 апреля Сувирью вернул свой мандат президенту. Тогда Сукарно решил действовать сам. Он был уверен, что в условиях мятежей многие согласятся на создание им внепарламентского кабинета.

4 апреля 1957 года президент созвал специальное совещание, где объявил о своем намерении сформировать чрезвычайный «деловой кабинет», который бы действовал решительно и целеустремленно. Состав совещания говорил о многом. Из 75 приглашенных 30 человек представляли вооруженные силы, 10 — полицию и прокуратуру. Оппозиция молчала. На этом совещании Сукарно не только потребовал дать ему возможность самому сформировать кабинет, но и прямо спросил присутствующих, хотят ли они войти в его состав. Отказались лишь немногие. Вскоре президент Сукарно поручил «гражданину Сукарно» сформировать кабинет³³. 9 апреля президент объявил состав нового правительства во главе с беспартийным Джуандой Картавиджайей*.

---

* Джуанда родился в июле 1911 года на Западной Яве. В 1933 году он окончил Технологический институт в Бандунге и получил звание бакалавра технических наук.

Джуанда входил в состав кабинетов двенадцать раз. Во втором правительстве Али Састроамиджойо он был министром государственного планирования.

Свое отношение к кабинету Коммунистическая партия Индонезии выразила следующим образом: «Безоговорочная поддержка тех мероприятий, которые приносят пользу народу, критика колебаний и оппозиция тем мерам, которые ущемляют интересы народа»³⁴.

Программа кабинета Джуанды, состоявшая из пяти пунктов, предусматривала: создание Национального совета; нормализацию положения в республике; завершение ликвидации соглашения конференции «круглого стола»; борьбу за Западный Ириан; активизацию развития³⁵.

Характерно, что в программе кабинета социально-экономические задачи были названы в числе последних и сформулированы весьма туманно. Правительство легко справилось с первым пунктом программы. 6 мая был подписан декрет о создании Национального совета. 15 июня список 45 назначенных членов Совета был одобрен президентом. Наряду с членами НПИ и Нахдатул Улама в нем было 12 представителей КПИ, что было призвано компенсировать неучастие партии в правительстве. Представители Машуми и ПСИ не были включены.

Сукарно не скрывал, для чего ему нужен Национальный совет. «Поймите, собратья, поймите же... — говорил он, — «главная причина» создания Национального совета заключается в том, что он кладет начало разрушению политической системы либерализма...»³⁶ «Направляемую демократию мы должны построить на обломках либеральной демократии»³⁷, — пояснял Сукарно. Создание Национального совета привело к тому, что между правительством и парламентом появилось промежуточное звено, в перспективе призванное подменить парламент.

В то время как Сукарно главное внимание уделял созданию механизма «направляемой демократии», Джуанда и Насутион стремились к урегулированию проблем, связанных с мятежами. Они пошли на некоторые уступки и поддерживали предложение мятежников о восстановлении дуумвирата Сукарно—Хатта. Достижение компромисса с мятежниками упростилось после того, как выборы в местные органы власти в 1957—1958 годах принесли Компартии внушительную победу. 17 кандидатов КПИ были избраны на посты руководителей районных советов и мэров городов, в частности на посты мэров таких крупнейших промышленных центров, как Сурабая и Семаранг. Выборы показали укрепляющуюся мощь КПИ, рост ее влияния. КПИ стала фактически ведущей партией в стране.

Победа Компартии на выборах в местные органы власти насторожила правые силы. Мусульманский лидер Иса Аншари, правый социалист Шарир прямо заявляли, что если некоммунистические силы будут такими же апатичными, то на следующих выборах, 1960 года, Индонезия окажется в руках коммунистов³⁸. Мятежники спешно сделали упор на лозунг «борьбы против коммунизма». Свою борьбу против центрального правительства они стали усиленно преподносить как стремление воспрепятствовать «поощрению им коммунизма».

Встревожилось и центральное правительство. Насутион и Джуанда выступили посредниками между мятежниками и Сукарно. В сентябре 1957 года по инициативе и под председательством Джуанды в Джакарте проходила национальная конференция, в которой участвовали представители провинций и всех ведущих политических партий, за исключением КПИ. Участники конференции пришли к соглашению о восстановлении отношений между провинциями и центральным правительством. Под давлением участников конференции Сукарно и Хатта подписали совместное заявление о «сотрудничестве во имя общенациональных интересов»³⁹. На следующий день они посетили могилу национального героя генерала Судирмана в Джокьякарте. Сукарно и Хатта вместе появлялись во дворце, фотографировались, улыбались репортерам. Создавалось впечатление, что дуумвират действительно восстановлен.

29 ноября парламент принял постановление о создании «комитета девяти» с целью выработки основы для сотрудничества Сукарно и Хатты. Сукарно, возможно, и не возражал бы против того, чтобы Хатта занял какой-нибудь государственный пост, но только не пост премьера. Компромисс был бы для Сукарно шагом назад. Однако, крайне нуждаясь в поддержке Джуанды и Насутиона, он не мог открыто демонстрировать свое отрицательное отношение к посредническим усилиям. Со временем тайная отрицательная реакция президента могла стать явной.

Ход событий, однако, резко изменил обстановку. 30 ноября 1957 года на Сукарно было совершено покушение. Он находился на празднике в школе, где учился его сын. Было около 9 часов утра. Сукарно в

окружении детей вышел на улицу. Дети провожали его до машины. Когда караул замер в приветствии, заговорщики бросили гранату, за ней еще и еще. Охранник толкнул Сукарно за автомобиль. Этот «крейслер краун империал», полученный в подарок от короля Саудовской Аравии во время хаджа президента в Мекку, стал как бы щитом от гранат, которые рвались рядом. Десятки людей были ранены. Адъютант втащил президента в какой-то дом. Через несколько минут прибыли отряд полиции и «скорая помощь». Через час Сукарно был доставлен во дворец.

Согласно официальным сообщениям, нити заговора тянулись к полковнику Лубису. Реакция была готова на все ради захвата власти. Сукарно использовал покушение для того, чтобы положить конец поискам компромисса, отказаться от посреднических услуг Джуанды и Насутиона. Сущность создавшейся ситуации точно охарактеризовал Председатель ЦК КПИ Д. Н. Айдит. Он писал, что до террористического акта у реакционеров еще была возможность оказывать давление на центральное правительство, используя свои довольно сильные позиции в «комитете семи», улаживающем конфликты внутри армии, и в «комитете девяти»⁴⁰. Теперь Сукарно мог действовать без помех.

В качестве орудия, прокладывающего путь его концепции «направляемой демократии», Сукарно использовал кампанию за освобождение Западного Ириана. «Разве мы забыли, что наша национальная революция еще не закончена... что Западный Ириан все еще стонет под ярмом империализма, и мы можем в это время отдаваться межпартийной борьбе, вместо того чтобы бороться с империализмом, который все еще держится в Ириане?»⁴¹ — говорил он в 1955 году. Сукарно прекрасно знал, что индонезийцы едины в мнении по вопросу о Западном Ириане. Он исходил из того, что борьба за освобождение Западного Ириана может объединить народ, а ему дать возможность сконцентрировать в своих руках всю полноту власти. 7 ноября 1957 года Сукарно заявил: если ООН, на рассмотрение которой кабинет Састроамиджойо в 1954 году передал вопрос о Западном Ириане, не сможет разрешить спор в пользу Индонезии, то «мы бу-

дем проводить новый курс, который, возможно, удивит весь мир...»⁴².

18 ноября на массовом митинге в Джакарте, где присутствовал весь дипломатический корпус, Сукарно выступил с резкой антиголландской речью. Президент объяснял бедность индонезийского народа тем, что голландцы все еще владели плантациями, шахтами, нефтепромыслами, транспортом, флотом. «Только когда мы выгоним их совсем, наша страна начнет процветать»⁴³. На митинге была принята резолюция, требовавшая национализации жизненно важных предприятий, принадлежавших голландскому капиталу, и высылки из страны всех неработавших голландцев.

В качестве непосредственного предлога для начала кампании против голландского капитала Сукарно использовал неблагоприятные для Индонезии результаты голосования в ООН по ирианскому вопросу 29 ноября 1957 года. 2 декабря правительство Джуанды решило провести 24-часовую всеобщую забастовку протеста на принадлежащих голландцам предприятиях. Эта мера показалась президенту слишком мягкой, и он дал указание руководителю примыкающего к НПИ профцентра Ахэму Эрнингпрадже начать захват голландской собственности.

Действовавший под контролем КПИ профцентр СОБСИ присоединился к профцентру Национальной партии. Вскоре фактически все голландские предприятия общей стоимостью 1,5 млрд. долларов оказались под контролем рабочих, а почти все голландские служащие — 46 тыс. человек — были выдворены из страны⁴⁴. Однако рабочий контроль на предприятиях не на шутку встревожил буржуазию. Тогда по просьбе правительства Джуанды 13 декабря 1957 года Насутион объявил о взятии голландских предприятий под контроль армии. В декабре 1958 года был принят закон об их национализации.

Столь поспешная, неподготовленная национализация и внезапный разрыв экономических связей с Голландией привели к дезорганизации целого ряда отраслей экономики страны и нанесли ей огромный ущерб. В результате массовой высылки голландских специалистов, ухода голландского гражданского флота и некомпетентности нового индонезийского административного аппарата начался экономический спад.

Политические последствия захвата голландских предприятий были чрезвычайно важны для Сукарно в его борьбе против правой оппозиции внутри страны, не одобрявшей этих мер. В создавшейся обстановке Сукарно получил право квалифицировать всякую «мягкость» в отношении голландцев как антипатриотизм. Лидеры Машуми и ПСИ, осудившие действия профцентров, автоматически оказались в изоляции и не могли в дальнейшем рассчитывать на успех в легальной борьбе против Сукарно в столице. Более того, опасаясь ареста, Сумитро, Шафруддин Правиранегара, Б. Харахап и Натсир бежали на Западную Суматру под защиту мятежного полковника Хуссейна.

6 января 1958 года Сукарно выехал в 6-недельную поездку в Египет, Югославию, Пакистан, Цейлон, Бирму, Таиланд, Японию. В феврале, за неделю до возвращения президента, полковник Хуссейн потребовал в 5-дневный срок отставки правительства Джунды и формирования правительства во главе с Хаттой или султаном Хаменгку Бувоно. Эти условия были переданы президенту Сукарно во время его остановки в Токио. Ультимативные требования оппозиции были отвергнуты. Тогда мятежники захватили власть на Центральной Суматре, Северном Сулавеси и в северной части Молуккских островов. 15 февраля 1958 года на Западной Суматре в Паданге было образовано так называемое «революционное правительство Республики Индонезии» (ПРРИ) во главе с Шафруддином Правиранегарой. Лидеры мятежников требовали, чтобы $\frac{3}{4}$ доходов от внешней торговли шли Суматре, а не «оседали» на Яве, жаловались, что страдают от «джакартизма», утверждали, что Сукарно поощряет коммунизм⁴⁵.

Отсутствие президента в столь напряженный момент вызывало всеобщее недоумение. На самом же деле это был ловкий тактический ход Сукарно: различные политические силы получили возможность полностью раскрыть свои карты. Даже после возвращения в Джакарту он продолжал выжидать и в течение двух недель совещался с Хаттой. За это время стало окончательно ясно, что армия мятежников не поддерживает. Интерес к новым встречам с Хаттой у Сукарно немедленно пропал. 5 марта правительственные войска перешли в наступление против сепаратистов.

Военное положение мятежников ухудшалось, они все настойчивее просили о помощи извне, пытаясь представить мятеж в виде «гражданской войны». Мятежи на «внешних островах», богатых нефтью, никелем, лесом, открыто поддерживали страны Запада. Еще 8 января голландская газета «Де Телеграф» писала, что американские нефтяные компании, имеющие концессии в Индонезии, дадут деньги для переворота⁴⁶. Действительно, американская нефтяная компания «Станвак» вручила руководителям мятежников более миллиона рупий.

Симпатии правительства США были на стороне сепаратистов. 11 января 1958 года государственный секретарь США Даллес публично заявил, что «направляемая демократия не удовлетворяет большинство населения»⁴⁷. После того как Хусейн 17 марта призвал к «священной войне» против «безбожных сил» правительства Сукарно, Даллес высказал надежду, что мятежи «остановят скатывание Индонезии к коммунизму», и даже призвал изучить вопрос о признании «правительства» мятежников⁴⁸. Сукарно предупредил США «не играть с огнем».

США отказали Индонезии в продаже оружия, формально заявив о своем «нейтралитете». А тем временем американское оружие доставлялось мятежникам через Тайвань и Филиппины на кораблях, сбрасывалось с самолетов. Самолеты, пилотируемые иностранными летчиками, вторгались в воздушное пространство Республики. Индонезийские зенитчики в мае 1958 года сбили один из них, и пилот, американец Ален Поуп, выбросившись с парашютом, с перебитыми ногами повис на пальме. Его отвезли в госпиталь, вылечили, после чего индонезийский суд приговорил его к смертной казни. Американский посол Джонс пытался выдать Поупа за «солдата удачи», который хотел «внести свой вклад в борьбу против коммунизма». Сукарно в беседе с Джонсом выразил убеждение, что «Поуп работал на ЦРУ». Поддержка мятежников со стороны США, Тайваня и Англии, подчеркнул президент, общеизвестна^{49*}.

---

* В 1962 году по просьбе американского правительства Поуп был освобожден. В «Автобиографии» Сукарно объяснял этот факт не официальной просьбой американского правительства, а своими

В борьбе против мятежников индонезийское правительство смогло опереться на политическую, экономическую и военную помощь СССР и других социалистических стран. Когда США отказались поставить правительству Индонезии оружие, Республика закупила его в Польше, Югославии, Чехословакии и СССР. В марте 1958 года в Индонезию прибыли первые 10 советских судов. В мае 1958 года Индонезия получила первые советские военные самолеты⁵¹, а 14 мая правительство СССР опубликовало заявление, в котором выступило в поддержку Республики и решительно осудило политический, экономический и военный нажим на нее со стороны империалистических государств⁵².

К июлю 1958 года сопротивление мятежников было подавлено. Отдельные их группы скрылись в джунглях, где сражались еще около трех лет.

После подавления мятежей в стране на первый план окончательно выдвинулись армия и президент. Теперь Сукарно считал, что настал момент закрепить режим личной власти законодательно. Под «направляемую демократию» нужно было подвести юридическую базу. Сукарно решил возродить Конституцию 1945 года, поскольку она идеально соответствовала характеру его концепции, предусматривая создание президентского кабинета, наделение президента всей полнотой законодательной и исполнительной власти. Конституция 1945 года, заявлял президент, является самым совершенным средством для продвижения к «справедливому и процветающему обществу».

В феврале 1959 года Сукарно и Насутион в принципе договорились «о возвращении к Конституции 1945 года»⁵³. Обстановка, сложившаяся в Учредительном собрании, была чрезвычайно благоприятной для этого. На протяжении почти двух с половиной лет там шли бесконечные дискуссии о новой конституции страны и форме государственного устройства. Мусульманские деятели требовали создания мусульманского государства, с чем не могли согласиться ни

эмоциями. Жена Поупа, стюардесса американской авиакомпания, и его мать побывали у Сукарно и рыдая просили о помиловании. Сукарно уступил. «Когда я вижу плачущих женщин, я не могу устоять»⁵⁰, — говорил он.

светские националисты, ни коммунисты, ни Сукарно. Поскольку соотношение сил в Учредительном собрании не давало ни одной из группировок решающего перевеса в две трети голосов, работа собрания зашла в тупик. Тогда 19 февраля 1959 года кабинет министров принял постановление:

1. Просить Учредительное собрание восстановить Конституцию 1945 года.

2. Упорядочить партийную систему.

3. Ввести в состав всех органов власти представителей «функциональных групп», а в парламенте выделить 35 мест для представителей вооруженных сил.

4. Создать Национальный фронт в помощь президенту⁵⁴.

В апреле 1959 года Сукарно внес предложение кабинета на рассмотрение Учредительного собрания. Выступая в Собрании, Сукарно подчеркнул, что в отличие от действовавшей временной Конституции 1950 года Конституция 1945 года является лучшей гарантией для применения принципов «направляемой демократии», что этот документ «хорош на два года, на двадцать, на двести и почему бы не на двадцать тысяч лет и навечно!»⁵⁵. Сукарно также заявил, что вскоре будет издан закон, регулирующий деятельность политических партий, что права парламента будут урезаны, а право роспуска кабинета перейдет к президенту.

Сукарно рекомендовал Учредительному собранию утвердить Конституцию 1945 года, что, по его словам, «было бы не только шагом огромного исторического значения, но и поворотом к социалистической реконструкции Индонезии»⁵⁶. Оставив постановление кабинета на рассмотрение Учредительного собрания, президент 23 апреля отбыл в двухмесячную заграничную поездку в Турцию, Польшу, Венгрию, СССР, Скандинавские страны, Бразилию, Аргентину, Мексику, США, Японию, Камбоджу, ДРВ.

Безусловно, Сукарно мог, опираясь на военную силу, ввести в действие Конституцию 1945 года своим декретом. Но он не хотел идти по этому пути ввиду его явной «неконституционности». Кроме того, такая мера поставила бы его в зависимость от армии. Он надеялся, что собрание поддержит его. Однако, хотя постановление правительства и получило поддержку

большинства депутатов, оно не собрало необходимых двух третей голосов. В этих условиях представители КПИ и НПИ выступили за то, чтобы ввести в действие Конституцию 1945 года декретом президента. Руководитель КПИ Айдит даже высказался за роспуск Учредительного собрания, ибо оно не справилось со своей основной задачей и не выработало новую конституцию и его состав не соответствует новой расстановке политических сил в стране⁵⁷. Дабы предоставить Сукарно свободу рук, КПИ и НПИ отказались от дальнейшего участия в заседаниях. Работа собрания, лишенного кворума, зашла в тупик.

Тогда на политическую арену выступила армия. 2 июня 1959 года Насутион запретил всякую политическую деятельность в стране. Он также призвал отсутствующего президента ввести Конституцию 1945 года своим декретом. Сукарно направил ему из Лос-Анджелеса телеграмму, в которой просил не принимать никаких кардинальных мер.

6 июня министр кабинета Р. Абдулгани вылетел в Японию, чтобы информировать Сукарно о положении в стране. Президента просили срочно вернуться. Но он не прервал своего заграничного турне. Очевидно, ход событий его устраивал. Оружием Сукарно было не только балансирование, но и умение делать неожиданные политические маневры, держать всех в состоянии неопределенности, напряженности и догадок, выход из которых может указать только лишь он один. Сукарно по-прежнему оставался единственным человеком, от которого все ждали разрешения конфликта. Председатель парламента Сартано, исполнявший обязанности президента, обратился к народу с призывом ждать возвращения Сукарно и его решения. Однако президент не спешил. Он дал своим противникам полную возможность дискредитировать себя бесконечными спорами и теперь собирался предпринять решительные меры, которых от него ждали, но по своему усмотрению.

29 июня президент вернулся в Джакарту. В аэропорту Сукарно сделал заявление, что не собирается быть диктатором и скоро примет меры в соответствии с желанием народа⁵⁸. 5 июля 1959 года он специальным декретом распустил Учредительное собрание и ввел в действие Конституцию 1945 года. Роспуск Учредительного собрания президент аргументировал

тем, что оно не в состоянии выполнять функции, возложенные на него народом, а это создает положение, угрожающее единству и безопасности государства и нации⁵⁹. В постановляющей части декрета говорилось: «Опираясь на поддержку большинства индонезийского народа и движимые нашей собственной убежденностью, Мы, президент Республики Индонезии и Верховный главнокомандующий, постановляем распустить Учредительное собрание, отменить Временную Конституцию 1950 года, вновь ввести в действие Конституцию 1945 года и в кратчайший срок создать Временный народный консультативный конгресс (ВНКК), состоящий из членов парламента, представителей районов и «функциональных групп», и Высший временный совещательный совет»^{60*}.

Противники Сукарно расценили этот шаг как государственный переворот. По всей видимости, это так и было. Возвращение к Конституции 1945 года, дающей ему огромные полномочия, было давнишней мечтой Сукарно. И вот теперь, после безуспешной попытки сконцентрировать в своих руках всю полноту власти законодательным путем через Учредительное собрание, он сделал это своим декретом. При этом сам Сукарно вовсе не рассматривал свои действия как акт политического насилия, так как был искренне убежден, что только он может обеспечить национальное единство и процветание страны.

Когда в октябре 1952 года армия предложила Сукарно возглавить военную диктатуру и распустить парламент, он отказался. Теперь, введя в действие Конституцию 1945 года, он получил гораздо более широкую и прочную базу для своей власти. Кроме того, формально президент мог сослаться на простое большинство в Учредительном собрании, что преуменьшало роль армии в деле возврата к Конституции 1945 года, хотя без поддержки армии Сукарно вряд ли решился бы издать такой декрет. Недаром генерал Насутион говорил: «Тот, кто хочет нарушить законы в нашей стране, должен иметь за своей спиной не более и не менее как армию»⁶¹. Она дала Сукарно возможность «нарушить закон», оказав ему помощь при введении в действие Конституции 1945 года, которая

---

* Этот орган заменил Национальный совет.

устанавливала в стране авторитарное правление, необходимое как Сукарно, так и армии*.

По оценке генерала Насутиона, «концепции президента и армии встретились на полпути». Советский историк А. Юрьев справедливо отмечает, что, «встретившись на полпути», проекты Сукарно и руководства армии «слились воедино и стали основой авторитарной системы, в одинаковой мере устраивавшей и президента, и военных»⁶⁴.

На следующий день после опубликования декрета президента был создан новый кабинет, который возглавил сам Сукарно. Пост первого министра в нем занял Джуанда, министра обороны — Насутион, министра иностранных дел — Субандрио**. Состав кабинета был увеличен до 35 человек. Военные имели более четверти мест. Но все же преобладание гражданской просукарновской группировки было явным. В состав правительства вошли как старые друзья Сукарно — Леймена, Субандрио, Руслан Абдулгани, А. Эрнингпраджа и другие, так и его бывшие оппоненты, ныне ставшие союзниками, — Х. Салех, М. Ямин.

Вскоре на местах президентским декретом была создана власть по образу и подобию центральной, что привело к росту единоначалия и свело на нет успехи Компартии на провинциальных выборах 1957—1958 годов. Сукарно не представил свои декреты на утверждение парламента, заявив, что если он был вправе возродить Конституцию 1945 года, то тем более вправе издавать декреты, претворяющие в жизнь этот основной закон страны. Президент рассматривал все органы государственной власти фактически в качестве вспомогательных, считая себя последней инстанцией.

---

* Насутион настаивал на том, что идея возвращения к Конституции 1945 года принадлежала армии⁶². Да и сам Сукарно в «Автобиографии», вспоминая попытку переворота в 1952 году, отмечал, что через семь лет после того, как армия грозила ему пушками, было исполнено ее требование ликвидировать ответственность кабинета перед парламентом и вернуться к Конституции 1945 года⁶³.

** Субандрио родился на Восточной Яве в 1914 году. В 1942 году закончил медицинское училище в Джакарте. В период японской оккупации практиковал в Семараинге. В 1946 году стал генеральным секретарем министерства информации. С 1949 года — посол в Англии, с 1954 года — посол в СССР.

Сукарно не включил коммунистов в состав своего кабинета, но стал довольно широко использовать лидеров КПИ в различных консультативных органах, где Айдит, Лукман, Ньото, Сакирман, Викана и другие получили почетные посты*.

Программа «рабочего кабинета» Сукарно сводилась к трем пунктам: обеспечить народ продовольствием и одеждой; обеспечить безопасность народа и государства; продолжать борьбу против империализма в области политики и экономики⁶⁶.

17 августа 1959 года Сукарно произнес речь, получившую название «Политический манифест» (Манипол). Она в сущности представляла собой толкование президентского декрета о возвращении к Конституции 1945 года.

Президент призвал к реорганизации всех органов власти, вооруженных сил, партийной системы и парламента. «Порвите со сферой либерализма, откажитесь от всего, что связано с ней, снова вступите в сферу революции; до конца используйте Конституцию 1945 года как орудие борьбы; выше поднимите знамя «направляемой демократии» — живите по-новому! — только так можно истолковать смысл декрета»⁶⁷, — подчеркивал он. Сукарно называл 1959 год «годом возрождения революции»⁶⁸. В последующих выступлениях президент сравнивал декрет от 5 июля с «ударом гонга», призвавшим к полной перестройке всей политической жизни страны⁶⁹.

В своей речи Сукарно также призвал к созданию справедливого и процветающего общества от Сабанга до Мерауке**, к дружбе со всеми странами, и в первую очередь афро-азиатскими.

В соответствии с «Политическим манифестом» ближайшими целями индонезийской революции провозглашались подъем благосостояния народа, национальная безопасность, борьба против империализма, а также сохранение и развитие «индонезийской самобытности».

---

* Насутион говорил американскому послу Джонсу, что армия не против участия Компартии в консультативных органах, но участие ее в правительстве — это то, против чего армия будет решительно возражать⁶⁵.

** Две крайние точки территории Индонезии на западе и востоке.

Каждая политическая сила в стране рассматривала «направляемую демократию» и «Политический манифест» со своих собственных позиций. Лидеры Компартии выступали с идеей сочетания концепции Сукарно с существованием парламентской системы. Коммунисты и другие левые группы делали упор на демократию, в то время как Сукарно и руководство армии — на «направляемость». На VI съезде КПИ (1959 год) Айдит, высоко оценив «Политический манифест», многие положения которого перекликались с требованиями партии, вместе с тем дал критический анализ ситуации, создавшейся в стране, и потребовал выполнить условия, сформулированные еще на VII расширенном пленуме ЦК КПИ осенью 1958 года:

Первое. «Направляемая демократия» должна иметь целью обеспечение здоровых и демократических принципов политической жизни, создание «Кабинета сотрудничества» на основе пропорционального представительства в качестве главного свидетельства единства всех антиимпериалистических сил страны.

Второе. Руководство осуществлением идеи «направляемой демократии» должно быть сосредоточено в руках президента Сукарно, демократа, чья решимость прошла проверку во время событий 17 октября 1952 года, когда он отверг предложение военных стать диктатором⁷⁰.

Это напоминание имело вполне определенный смысл в связи с возрастающим давлением армии. «...Может создаться впечатление,— говорил Айдит осенью 1958 года,— будто направляемая демократия для того и создана, чтобы подготовить почву для установления военной или личной диктатуры. Подобные попытки тоже должны пресекаться»⁷¹.

Тем временем деятельность партий ставилась во все более жесткие рамки официальной идеологии и политики. «Конечно, каждая партия, организация и индивидум могут иметь собственные политические программы и убеждения, но то, что определено как программа революции, должно стать их программой. У партии есть только одна альтернатива: либо быть запрещенной, либо поддерживать «Манипол»»⁷²,— заявлял президент. Правительство опубликовало ряд постановлений, согласно которым сохранить право на существование могли лишь партии, придерживающие-

ся Конституции 1945 года, «Манипола», принципов Панча Сила, не подрывающие государственную политику, не участвующие в мятежах и насчитывающие в своих рядах не менее 150 тыс. членов. Кроме того, каждая партия должна была передавать правительству списки своих членов и финансовые отчеты один раз в полтора года.

Хотя парламенту было разрешено продолжить работу на основе Конституции 1945 года, тем не менее президентский кабинет постоянно сталкивался с оппозицией. Возвратившись к Конституции 1945 года, которая давала президенту огромную власть, «надев узду» на политические партии, Сукарно остро чувствовал несоответствие состава парламента тем изменениям в форме правления, которые были произведены в стране. Не был даже определен порядок формирования парламента и НКК. Это открывало большие возможности для вольного толкования конституции теми, кто обладал властью, и прежде всего президентом. Будучи выборным, парламент стал «анахронизмом» в системе «направляемой демократии» и самим фактом своего существования постоянно напоминал о необходимости проведения всеобщих выборов, на которых КПИ рассчитывала получить 25 процентов голосов. Лидеры политических партий, стремясь сохранить свое влияние, усиленно расхваливали работу парламента, говорили о его «большом престиже» и т. п.

Но для Сукарно и армии судьба парламента была предрешена, а предлог не заставил себя ждать. Весной 1960 года парламент не одобрил бюджет, предложенный кабинетом. Сукарно был разгневан: он разрешил парламенту работать, а теперь его депутаты не выполняют указаний. 5 марта 1960 года президент распустил парламент. В декрете указывалось, что парламент продемонстрировал неспособность выполнять свои функции, продолжая работать в атмосфере либерализма, и не сумел приспособиться к «направляемой демократии»⁷³. Выборный парламент под председательством старого друга президента юриста Сартано провел свое последнее заседание и под возгласы депутатов «Да здравствует демократия!», «Да здравствует Республика Индонезия!» закончил свое существование⁷⁴. Председатель ЦК КПИ Айдит в телеграмме Сукарно выразил крайнее сожаление по поводу дейст-

вий, которые «серьезно угрожают демократической жизни страны». Он предложил избрать новый парламент или сформировать временный в соответствии с новым соотношением сил в стране⁷⁵.

В конце марта Сукарно сделал заявление о том, что он в ближайшее время назначит новый парламент. 1 апреля 1960 года он отбыл с визитом в Индию, Египет, Югославию, Японию. Во время его отсутствия ПСИ, Мурба, мусульманские, Христианская и Католическая партии объединились в Демократическую лигу. Руководители Лиги выступали против назначения парламента, считая, что это противоречит конституции, осуждали как нездоровое явление единство мнений в нем, к чему стремился Сукарно. Лига ставила своей целью восстановить избранный парламент, ограничить исполнительную власть президента и уменьшить «влияние коммунистов на правительство».

Хотя КПИ постоянно подчеркивала желательность парламентского пути развития, она не могла войти в Демократическую лигу. Лига выступала не только против «диктаторских и неконституционных шагов» Сукарно, но и против его поддержки КПИ, против самой КПИ и ее растущей роли в политической жизни страны. В Лигу не вошли также НПИ и образованная в 1958 году из левого крыла НПИ партия Партиндо.

Возвратившись в Индонезию, Сукарно запретил деятельность Демократической лиги* и пригласил на консультации во дворец на острове Бали лидеров ведущих политических партий, где президент продиктовал им свою волю. Он хотел иметь новый парламент с большим представительством «функциональных групп» и с меньшим количеством фракций.

24 июня 1960 года был опубликован президентский декрет о составе нового парламента. Сукарно назначил 130 членов парламента от пяти политических партий и 153 члена от беспартийных, в том числе 35 военных. НПИ получила 44 места, НУ — 36, КПИ — 30. КПИ, имевшая, кроме того, 25—30 сторонников по списку «функциональных групп», представляла один из крупнейших партийных блоков в парламен-

---

* Окончательно была распущена в марте 1961 года.

те. Машуми и ПСИ, не получившие ни одного места, обвиняли Сукарно в том, что он убил демократию⁷⁶. 25 июня члены нового парламента были приведены к присяге.

Новый парламент был в сущности лишен реальной власти. Его функции сводились к одобрению решений президента. Теперь Сукарно был свободен в своих действиях. Сбылась его давняя мечта. Еще в 1959 году он говорил, что хотел бы править в течение пяти лет «без вмешательства оппозиции»⁷⁷. «Какой смысл называться президентом, Верховным главнокомандующим вооруженных сил и даже Великим вождем индонезийской революции, если твои приказы игнорируют?»⁷⁸ — неоднократно спрашивал Сукарно.

Отказ от парламентской демократии и замена ее «направляемой демократией» привели и к ограничению самой демократии, и к усилению власти правящей группы и лично президента. Но поскольку, как отмечают советские историки А. Б. Беленький и Б. И. Ильичев, введение «направляемой демократии» осуществлялось под лозунгами борьбы против империализма и реакции, сопровождалось подавлением сепаратистских мятежей, запрещением правых партий Машуми и ПСИ, национализацией собственности голландских капиталистов, провозглашением аграрной реформы, «отрицательные стороны режима «направляемой демократии» оставались в тени и не сразу были замечены прогрессивными силами»⁷⁹.

Все же эти силы пытались критиковать некоторые аспекты политики правительства. 8 июля 1960 года было опубликовано заявление Политбюро ЦК КПИ, в котором была дана оценка первому году деятельности кабинета Сукарно—Джуанды. В нем подвергалось критике сохранение чрезвычайного положения, отмечалось, что программа обеспечения населения продовольствием и потребительскими товарами не выполняется, экономическое и финансовое положение ухудшается. Из текста заявления было ясно, что под группой, злоупотреблявшей положением, имелись в виду прежде всего командующие военными округами, а в неэффективном руководстве хозяйством обвинялись, в частности, армейские офицеры, которые стали директорами национализированных предприятий и

плантаций*. Компартия была в принципе против особой политической роли армии, ее вмешательства в дела экономики. Армейское руководство подвергалось критике за либеральное отношение к мятежникам как «к блудным сынам»⁸⁰. Вскоре после этого заявления Айдит написал статью для августовского номера «Ревью оф Индонесия», в которой от имени КПИ предлагал Сукарно решительно выступить против тех, кто мешает выполнению правительственной программы.

Высшее офицерство сухопутных войск, ставшее к этому времени центром, объединяющим все антикоммунистические элементы, решило не дожидаться ответа Сукарно на предложение Айдита. Хотя содержащаяся в заявлении Политбюро критика относилась только к министрам, командование сухопутных войск, изображая это заявление как выражение недоверия президенту, без консультации с правительством подвергло допросу руководителей КПИ и закрыло орган ЦК Компартии газету «Хариан Ракъят». Некоторые командующие округами запретили всякую деятельность коммунистов.

Положение КПИ осложнялось тем, что критика правительства в условиях развернувшейся кампании за освобождение Западного Ириана изображалась как подрыв национального единства перед лицом внешнего врага. Заявление Компартии не поддерживали другие политические партии. Руководство НПИ расценило его как «начало выхода КПИ из единого национального фронта». Другие охарактеризовали это как попытку создать конфликт между президентом и вооруженными силами.

В этих условиях судьба Компартии во многом зависела от Сукарно. И он предпринял шаги, которые прежде всего отвечали его собственным планам. Сукарно нуждался в Компартии, несмотря на то что его основной гражданской опорой были партии индонезийских националистов — НПИ и Партиндо. Но их

---

* В течение 1958 года около 4 тыс. офицеров было направлено для руководства национализированными голландскими предприятиями. Армия контролировала импортно-экспортные операции, поставки и распределение продовольствия, транспорт и т. п., фактически дублируя функции гражданского аппарата, который продолжал действовать параллельно.

поддержка была для президента недостаточной. Сукарно был недоволен НПИ. «Где молодые Сукарно? Почему их не видно на политической арене, почему они не соревнуются с Компартией?»⁸¹ — с горечью вопрошал он. Армия была в целом лояльна Сукарно, однако военные стремились ограничивать свободу его действий, поэтому Компартия была нужна президенту как противовес армии. Коммунистическая партия Индонезии в середине 1960 года насчитывала в своих рядах более 1 млн. членов и вела за собой многомиллионные массовые организации. На IX конгрессе НПИ Сукарно, подчеркнув необходимость национального единства, резко осудил «коммунистическую фобию»: «Я и КПИ имеем много различий, но мы имеем единое мнение по вопросу об антиколониализме, антиимпериализме, судьбе рабочих и крестьян и возвращении Западного Ириана»⁸².

Президент открыто взял КПИ под защиту, назначив Айдита членом Совета по разработке 8-летнего плана и заместителем председателя Национального фронта, а Лукмана — одним из заместителей председателя нового парламента. В конечном счете он решил проблему чисто по-сукарновски. В сентябре президент вызвал в столицу командующих военными округами, где деятельность КПИ была запрещена, и в резкой форме напомнил им о том, что он верховный главнокомандующий и подобное решение не следовало принимать без консультаций с ним. Сукарно сказал: «Я лично не боюсь коммунизма. У меня нет страха перед левыми. Я буду спать спокойно, даже если люди скажут, что я — коммунист»⁸³. Он вообще запретил до 30 ноября 1960 года всякую политическую деятельность в стране и всякую критику мер своего правительства.

После этого Сукарно отправился на сессию ООН, включив в состав делегации Насутиона, Айдита, лидеров НПИ и НУ и начальника полиции, что как бы служило демонстрацией «общенационального единства».

Если Сукарно поддерживал сотрудничавшие с ним политические партии, сохраняя их в качестве противовеса армии, то с оппозицией справа он не церемонился. В августе 1960 года президент запретил деятельность Машуми и ПСИ, хотя, конечно, это не могло

полностью ликвидировать их влияние в госаппарате, армии и деловых кругах*. Теперь Сукарно мог уже балансировать между КПИ и армией — своими союзниками, а не между союзниками и противниками, как раньше. А это создавало качественно новую ситуацию.

Компромисс между Сукарно и Насутионом был весьма неустойчивым. Для него характерно как тесное сотрудничество, так и тайное соперничество. Сукарно требовал от армии безусловного подчинения и поддержки его политики. А Насутион отводил армии более самостоятельную роль и видел в Сукарно скорее идеолога и символ нового режима, чем конкретного руководителя. Некоторые считали, что после подавления мятежников престиж Насутиона стал даже выше, чем авторитет Сукарно, и гадали, как долго они смогут терпеть друг друга. Насутион стремился к установлению контроля армии над гражданским государственным аппаратом, а Сукарно — к уменьшению влияния сухопутных войск и Насутиона в жизни страны.

В марте 1960 года Фронт освобождения Западного Ириана, возглавлявшийся Насутионом, был реорганизован в Национальный фронт. В него вошли политические партии, массовые организации и «функциональные группы». Целями Фронта провозглашалось завершение национальной революции, создание справедливого и процветающего общества и освобождение Западного Ириана. Фронт был создан под эгидой правительства, и его председателем стал президент.

В июле 1962 года Сукарно вывел из-под непосредственного контроля Насутиона сухопутные войска, повысив его в должности и сделав начальником штаба всех вооруженных сил. Пост начальника штаба сухопутных сил занял яванец генерал Яни**. Президент стал энергично укреплять ВМС и ВВС. Он поста-

---

* Правительство Сукарно позже приняло меры к изоляции влиятельных лидеров этих партий. В 1961—1965 годах были арестованы Шарир, машумисты Рум, Юнан Насутион, Аншари, Натсир, Правиранегара, Бурхануддин Харахал и др. Попытки оставшихся на свободе оказывать организованное сопротивление пресекались.

** Яни родился в 1922 году. Военное образование получил в США. С января 1946 по сентябрь 1948 года командир батальона в Магеланге, а затем командир бригады в звании подполковника. С 1958 года офицер штаба сухопутных войск.

вил во главе этих родов войск своих сторонников, подчинявшихся, как и командующий сухопутной армией, непосредственно ему как верховному главнокомандующему. Вместе с тем, имея ранг министров, они подчинялись Сукарно и как главе правительства.

Но основным противовесом армии Сукарно считал поддерживавшие его массовые политические партии, и прежде всего КПИ, позиции которой усилились в результате запрещения ПСИ и Машуми. После мер, принятых военными против КПИ летом 1960 года, стало ясно, что две силы противостояли друг другу, готовясь к решающей схватке. Специфика ситуации заключалась в том, что обе эти враждующие группировки сосуществовали в рамках единой системы, внутри которой их удерживал «верховный вождь».

Но этот своеобразный треугольник не был равносильным. Первоначально сложился альянс президента и армии, куда последняя привнесла силу, а Сукарно — свой авторитет и способность мобилизовать массы. Между Сукарно, КПИ и армией существовало неустойчивое равновесие. Спорные вопросы улаживались путем переговоров, ни один из членов альянса полностью не доминировал. Для того чтобы усилить свою роль в нем, Сукарно активизировал сотрудничество с КПИ, в которой военная элита видела главное препятствие для установления своего политического и экономического господства. Но хотя Сукарно, исходя из своих тактических соображений, должен был бы укреплять КПИ как противовес армии, ситуация объективно складывалась так, что по мере утверждения режима его личной власти позиции Компартии как массовой боевой организации ослаблялись.

В августе 1960 года Сукарно подвел итоги своей деятельности по созданию механизма «направляемой демократии», отметив, что органы центрального и местного управления, парламент и политические партии уже полностью реорганизованы⁸⁴. Президент обнародовал состав высшего законодательного органа страны — Временного народного консультативного конгресса (ВНКК). В конгресс вошло 609 назначенных депутатов, в том числе все члены парламента, 94 депутата от провинций, 232 представителя от «функциональных групп». Были созданы также новые правительственные органы, не предусмотренные Конститу-

цией 1945 года, — Национальный плановый совет, Комитет контроля за деятельностью государственного аппарата и возглавлявшаяся президентом Высшая военная администрация. В этом громоздком механизме политические партии перестали играть решающую роль, так как «функционеры» и внепартийные члены кабинета численно превосходили их представителей*.

Процесс формирования системы «направляемой демократии» Сукарно не сводил лишь к созданию ее механизма. «Законы революции требуют не только единого руководства, но и единой национальной идеологии и революционной концепции»⁸⁶, — заявил министр Руслан Абдулгани. Такой идеологической базой стало учение Сукарно об «индонезийском социализме» — новая ступень в развитии мархаэнизма.

«Индонезийский социализм» носил субъективный и эклектический характер. В него были механически включены почерпнутые из различных, а иногда и идеологически противоположных источников положения и принципы, марксистские формулировки и религиозные догмы. Подобное мелкобуржуазное понимание социализма получило широкое распространение в стране.

Сукарно так определял понятие «индонезийский социализм»: «Наш социализм — это смесь. Идею политического равенства мы заимствовали из Декларации независимости США, идею духовного равенства — из ислама и христианства, научную идею равенства — из марксизма. К этому мы добавили свою национальную самобытность — мархаэнизм. Затем мы внесли сюда принципы «готонг-ройонг», что означает жить вместе, работать вместе и помогать друг другу во всем. Смешайте все это, и вы получите «индонезийский социализм»»⁸⁷.

19 ноября 1960 года Временный народный консультативный конгресс принял Основной аграрный закон**, 8-летний план экономического развития стра-

---

* Если в состав парламента Сукарно ввел около 50 процентов представителей политических партий, то в ВНКК к 1963 году из 610 депутатов лишь немногим более 20 процентов были представителями политических партий страны⁸⁵.

** Основной аграрный закон провозгласил суверенитет государства в вопросах о земле, ограничил права иностранцев, утвер-

ны и утвердил в качестве генеральной линии «Политический манифест». Он предоставил президенту всю полноту власти в реализации «направляемой демократии», целью которой было объявлено построение «индонезийского социализма». О необходимости «социализма» заговорили даже капиталисты, чиновники, помещики и т. п. «На нас оказывали серьезное давление,— писал позднее профессор Джакартского университета,— с тем чтобы изменить учебные программы. Мы маскировались как могли и ставили слово «социализм» в заголовки возможно большего числа лекций, а в действительности...»⁸⁸ В действительности не было ни одной политической партии, которая не дала бы интерпретации «социализма» в духе своих прежних концепций.

«Направляемая демократия» должна была способствовать созданию стабильного, экономически развитого демократического государства. И если бы темпы реализации идеалов «направляемой демократии» зависели от частоты повторения самого термина «индонезийский социализм», а не от действительных результатов социально-экономических преобразований, то правительство несомненно справилось бы со своей задачей.

В конечном счете «направляемая демократия» была использована антиреволюционными силами, которым удалось постепенно выхолостить ее прогрессивные элементы и, прикрываясь демагогической трескотней о приверженности «индонезийскому социализму», перейти к прямому подавлению революционной инициативы масс. Сукарно же не хотел замечать резкого усиления социальной дифференциации в стране. Более того, он утверждал, что построение «индонезийского социализма» будет не качественно новым этапом революции, а простым следствием укрепления национального единства, которое он рассматривал как доминанту всего дальнейшего революционного процесса.

Социально-экономическая отсталость индонезийского общества, незрелость капиталистических отно-

---

дил право частной собственности на землю для индонезийских граждан, предусмотрев возможность изъятия земли из рук частных владельцев с выплатой компенсации.

пений интерпретировались Сукарно как национальные «самобытные» черты, облегчающие победу «индонезийского социализма». Сукарно считал, что такие понятия, как классы и классовая борьба, объективные закономерности перехода к социализму, характерные для условий Европы, не имеют к Индонезии прямого отношения. Страна, утверждал он, построит социализм национального типа иным путем — без классовой борьбы, на основе единства трудящихся-мархаэнов, из которых якобы состоит почти вся индонезийская нация.

Сукарно рассматривал «индонезийский социализм» как общественный строй, обеспечивающий национальное возрождение, экономическое развитие и социальную справедливость, оставляя в тени пути перехода к нему. Он всячески стремился уйти от социальной революции, предотвратить такой классовый сдвиг в руководстве, без которого переход к социализму немыслим, ибо «всякая революция, если это настоящая революция, сводится к классовому сдвигу»⁸⁹, — писал В. И. Ленин. «Направляемая демократия» имела своей целью сохранение статус-кво, при котором «слабые социальные группы берутся под защиту, сильные — ограничиваются»⁹⁰. Эта установка «Политического манифеста», направленная на консервацию достигнутого уровня развития индонезийской революции, была порочной, и ее осуществление фактически вело к топтанию антиимпериалистического и антифеодального движения Индонезии на месте⁹¹.

Одним из важнейших способов сохранения и укрепления национального единства было, с точки зрения Сукарно, выдвижение на первый план внешнеполитических общенациональных задач.

Такие основополагающие принципы индонезийской внешней политики, как антиимпериализм, неприсоединение, мирное сосуществование, укрепление сотрудничества с молодыми независимыми государствами Азии и Африки и социалистическими странами, активно проводились в жизнь еще правительством Али Састроамиджойо. Эти же принципы декларировал в своих программных выступлениях президент в период становления «направляемой демократии». В речи «Путь нашей революции» 17 августа 1960 года Сукарно заявил, что внешняя политика Индонезии на-

правлена на установление дружбы со всеми народами и на обеспечение мира во всем мире. Сукарно назвал эту политику политикой «неприсоединения», подчеркнув, что неправильно называть ее нейтральной политикой. «Мы не нейтральны, мы не простые наблюдатели за событиями, происходящими в мире,— заявлял он,— мы не без принципов, мы не без мнения»⁹².

В речи на XV сессии ООН в 1960 году «Построим мир заново» Сукарно настаивал на проведении политики мирного сосуществования всеми странами, независимо от различий в области идеологии, политической и общественной систем. В этой связи он обращал особое внимание на роль ООН как единственного международного органа, ставшего надеждой всех наций в урегулировании различных мировых проблем. Сукарно подчеркивал, что для народов мира «ООН является надеждой на будущее и хорошей возможностью для настоящего»⁹³.

Он заявил, что индонезийский народ требует запрещения испытаний ядерного и водородного оружия как первого шага на пути к всеобщему и полному разоружению. Указав, что источником напряженности и международных конфликтов является империализм и колониализм, Сукарно осудил империалистическую политику во Вьетнаме, Корее, Конго, Алжире, империалистическое вмешательство во внутренние дела Кубы, Лаоса и выразил солидарность с борьбой народов за национальную независимость. Он потребовал восстановить в ООН права КНР, высказался за реорганизацию секретариата и других органов ООН с тем, чтобы они более точно отражали новые явления в мире, связанные с ростом социалистических и молодых независимых государств.

Эти программные выступления президента Сукарно по вопросам внешней политики и легли в основу внешнеполитического курса Индонезии. Временный народный консультативный конгресс (ВНКК) на своей сессии осенью 1960 года утвердил выступление Сукарно в ООН в качестве руководства к выполнению «Политического манифеста» в области внешней политики⁹⁴.

Временный народный консультативный конгресс сформулировал следующие внешнеполитические принципы:

1. Внешняя политика Республики Индонезии отражает национальную концепцию, основывающуюся на принципах Панча Сила и международных идеалах всеобщего благосостояния, мира и братства, поддерживаемых всеми народами.

2. Независимая и активная внешняя политика Республики Индонезии является политикой, стоящей на стороне независимости и мира, против империализма и агрессивных войн.

3. Независимая и активная внешняя политика Республики Индонезии должна быть направлена на мобилизацию всех прогрессивных сил в единый международный фронт борьбы за мир и независимость, против империализма, колониализма и агрессивных войн.

4. Внешняя политика Республики Индонезии является средством борьбы за достижение равенства и суверенитета для всех наций⁹⁵.

В сентябре 1961 года Сукарно принял участие в Конференции неприсоединившихся стран в Белграде. В речи «К дружбе, миру и справедливости» он говорил о своем убеждении в том, что политика неприсоединения стала растущей силой в мире, силой, выступающей за дружбу наций, за мир, за социальную справедливость; что политика неприсоединения является наилучшим путем внесения положительного вклада в дело сохранения мира и ослабления международной напряженности. Сукарно охарактеризовал «политику неприсоединения» не как политику поисков нейтральной позиции в случае войны, а как активную приверженность великому делу независимости, прочного мира и социальной справедливости⁹⁶.

На Белградской конференции Сукарно подтвердил верность принципам мирного сосуществования. Отметив в своей речи, что на Западе уже в течение 15 лет имело место мирное сосуществование или по меньшей мере отсутствие войны, хотя и существовала некоторая напряженность, он заявил, что «это опровергло тех, кто отрицал возможность мирного сосуществования». Сукарно призывал принимать конкретные меры, чтобы уменьшить чувство враждебности, побуждать спорящие стороны к переговорам и превратить ООН в инструмент для проведения в жизнь принципов мирного сосуществования⁹⁷. Конференция закрепила положение Индонезии как одной из ведущих среди не-

присоединившихся стран, подняла ее международный авторитет.

С лета 1960 года правительство Сукарно резко активизировало борьбу за освобождение Западного Ириана. Высший совещательный совет рекомендовал кабинету освободить Западный Ириан «революционным путем в соответствии с духом индонезийской революции»⁹⁸. В августе 1960 года Сукарно заявил о разрыве дипломатических отношений с Голландией, призвав к всемерной конфронтации с бывшей метрополией. «Индонезия не будет больше просить, а избрет новый путь к разрешению вопроса о Западном Ириане»⁹⁹, — сказал он. На XV сессии ООН он сформулировал позицию еще более четко: «У нас нет иного выбора, как разрешить эту проблему своим путем — хирургическим путем ликвидации раковой опухоли империализма в том районе земного шара, где находится Индонезия»¹⁰⁰.

Голландия начала строительство оборонительных линий в Западном Ириане. Правительство Эйзенхауэра оказывало ей большую военную помощь. Отношения между Индонезией и США все более ухудшались. Окончательно испортились и личные отношения между президентами обеих стран. Это особенно проявилось во время пребывания Сукарно осенью 1960 года на сессии ООН в Нью-Йорке. Несмотря на то что посол США в Индонезии Джонс настоятельно рекомендовал Эйзенхауэру сразу же принять Сукарно в Белом доме, приглашение последовало только за день до его отъезда из США. Да и сам прием прошел не гладко. Сукарно и сопровождавшим его лицам пришлось более 10 минут прождать в приемной Эйзенхауэра. Сукарно вспылил, заявив, что, если его немедленно не примут, он тотчас же уедет. В ходе этой встречи никакие серьезные проблемы не обсуждались, и она вылилась в чистую формальность. Общая атмосфера приема была достаточно сухой и носила на себе отпечаток враждебной Индонезии позиции, которую занимали США во время мятежей и по вопросу о возвращении Западного Ириана.

С приходом в Белый дом Джона Кеннеди американская политика в отношении Индонезии стала более гибкой. Намечались «новые рубежи». Нужно было срочно устранить некоторую напряженность в

отношениях между странами и «найти пути к сердцу Сукарно».

В Вашингтоне весной 1961 года Кеннеди, по словам Сукарно, использовал все свое обаяние, чтобы расположить к себе президента Индонезии. Прислушиваясь к рекомендациям Джонса, Кеннеди встретил Сукарно у трапа самолета в аэропорту. Он назвал индонезийского президента Вашингтоном Индонезии, подарил ему вертолет — копию собственного. Переговоры проходили в теплой атмосфере. Кеннеди в своем кругу называл Сукарно «непостижимым, загадочным азиатом», но считал, что с ним можно сотрудничать в «интересах свободного мира»¹⁰¹.

Правительство Кеннеди поставило своей задачей проникновение в экономическую и политическую жизнь Индонезии с целью оказания влияния на правительство Сукарно и создания проамериканских группировок среди элиты страны. Для реализации этой программы нужно было прежде всего урегулировать конфликт между Индонезией и союзником США по НАТО — Голландией. США решили пренебречь своими союзническими обязанностями. Сукарно получил от президента Кеннеди заверения, что Соединенные Штаты заинтересованы в «новом подходе» к вопросу о Западном Ириане.

К осени 1961 года Сукарно усилил политическое и военное давление на Голландию. В речи 17 августа по случаю XVI годовщины независимости президент заявил, что переговоры с Голландией возможны лишь на основе возвращения Западного Ириана, разрешение вопроса о котором вступило наконец в «решающую стадию»¹⁰². «Если Голландия, — заявил Сукарно, — добром не возвратит нам Западный Ириан, то мы вернем его силой». Сукарно подчеркивал, что он «не блефует и готов начать войну в любой момент»¹⁰³. 12 декабря 1961 года президент объявил о создании Комитета национальной обороны, а 19 декабря приказал вооруженным силам находиться в состоянии боевой готовности для выполнения задач по освобождению Западного Ириана*.

---

* Командующим операцией по освобождению Западного Ириана был назначен генерал Сухарто.

Такой приказ мог быть осуществлен только при всенародной поддержке, с помощью достаточно боеспособной армии, и прежде всего современных ВВС и ВМС. Необходимо отметить, что Советский Союз и другие социалистические страны, поддержав справедливую борьбу Индонезии, оказали ей большую экономическую и военную помощь.

Развитие советско-индонезийских отношений, расширение связей с социалистическими странами открывало Индонезии возможность добиваться равноправных отношений с капиталистическими государствами, укреплять свою независимость и постепенно приступить к разрешению экономических проблем¹⁰⁴.

В феврале 1960 года было подписано второе Генеральное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между Индонезией и СССР, предусматривавшее расширение экономической помощи со стороны Советского Союза, в том числе предоставление кредита в сумме 250 млн. ам. долларов на оплату выполняемых советскими организациями работ и поставок оборудования¹⁰⁵.

В период пребывания в Советском Союзе первого министра правительства Индонезии Джуанды 9 июля 1960 года в Москве было подписано долгосрочное торговое соглашение. Предусматривалось увеличение товарооборота между Индонезией и Советским Союзом в 1963 году в три раза по сравнению с 1959 годом. По этому соглашению Советский Союз предоставил Индонезии суда, траулеры, самолеты, различные виды машин, станки, энергетическое и электротехническое оборудование, удобрения, медикаменты, химические и другие товары. Индонезия в свою очередь обязалась продавать СССР в гораздо большем количестве, чем раньше, пряности, кофе и другие товары¹⁰⁶.

В своих отношениях с Индонезией Советский Союз всегда руководствовался принципами мирного сосуществования и полного равноправия всех народов. Эта политика находила положительный отклик со стороны Индонезии. Во время визитов Сукарно и других индонезийских лидеров в СССР и советских руководителей в Индонезию в 1960—1963 годах отмечалось полное единство мнений по таким основным вопросам современности, как борьба за мир, разоружение, запрещение испытаний ядерного оружия, поддерж-

ка национально-освободительного движения. Так, в совместном советско-индонезийском коммюнике от 12 июня 1961 года, подписанном в Москве во время визита Сукарно в СССР, подчеркивалось твердое намерение обоих правительств «обмениваться мнениями по наиболее важным проблемам современности и координировать свои усилия в целях их решения»¹⁰⁷.

Сукарно высоко оценивал помощь и поддержку, оказываемую советским народом. В своем выступлении летом 1961 года в Москве он заявил, что страны Азии и Африки обращают свои взоры к Советскому Союзу, зная, что он «хочет свободы всем народам, которые провозгласили себя независимыми», назвал СССР «маяком» в борьбе за независимость¹⁰⁸. Подчеркивая прочность индонезийско-советской дружбы, Сукарно в выступлении на приеме, устроенном Президиумом Верховного Совета СССР и Советским правительством 10 июня 1961 года говорил, что дружба между народами Советского Союза и Индонезии не является формальной, так как это «дружба двух народов, связанных общими судьбами, единой целью, дружба народов, которые прошли одинаковые страдания, испытали одинаковые трудности, вели одинаковую борьбу, и поэтому наша дружба является вечной и нерушимой»¹⁰⁹.

Такие заявления не были просто словами. В те годы успешно развивались дипломатические и культурные связи между СССР и Республикой Индонезией. В ноябре 1959 года отряд советских военных кораблей по приглашению индонезийской стороны посетил Джакарту. Корабли индонезийских ВМС в 1961 году совершили ответный визит. В 1962 году было достигнуто соглашение об установлении радио- и телефонной связи между СССР и Индонезией, об открытии регулярной авиалинии Москва — Джакарта. В сентябре 1962 года в Сурабае, крупнейшем порту на Восточном побережье Явы, было открыто Генеральное консульство СССР. В августе 1963 года была достигнута договоренность об открытии консульства в Банджермасине (остров Калимантан), а несколько позже Генерального консульства в Медане (остров Суматра). К концу 1962 года в различных городах Советского Союза обучалось около 700 индонезийских студентов. Общество культурных связей «Индонезия — Советский Союз»,

образованное в ноябре 1955 года, имело отделения в Джакарте, Джокьякарте, Сурабае и некоторых других городах страны ¹¹⁰.

Советский Союз и другие социалистические страны поддерживали политику правительства Сукарно в вопросе о Западном Ириане, его борьбу за окончательное освобождение страны от кабальных соглашений конференции «круглого стола», за ликвидацию последнего очага голландского колониального господства на индонезийской земле.

В январе 1961 года в СССР прибыла специальная миссия во главе с министром обороны и национальной безопасности генералом Насутионом. Советское правительство пошло навстречу просьбе Индонезии о продаже ей вооружения. 6 января 1961 года в Москве было подписано соответствующее соглашение ¹¹¹. По словам Насутиона, помощь СССР позволила покончить с военным превосходством Голландии в районе Западного Ириана ¹¹².

После того как Голландия начала укреплять свои боевые позиции на Западном Ириане, отправляя туда все новые и новые войска, 9 февраля 1962 года Советское правительство выступило со специальным заявлением по вопросу о Западном Ириане. В этом документе указывалось, в частности, что ситуация, сложившаяся в районе Западного Ириана, не может не вызвать чувства серьезного беспокойства у государств, которые искренне заинтересованы в сохранении мира и которые не могут оставаться сторонними наблюдателями провокаций в отношении Республики Индонезии. Советское правительство выражало твердую уверенность в том, что народ Индонезии одержит победу в своей справедливой борьбе. Советский Союз, отмечалось в заявлении, поддерживал и поддерживает законное требование индонезийского народа и его правительства о безотлагательном воссоединении Западного Ириана с Индонезией и ликвидации голландского колониального господства на этой части индонезийской территории ¹¹³.

Решительная позиция Советского правительства была с чувством благодарности встречена индонезийским народом. В телеграмме на имя Председателя Совета Министров СССР Сукарно выразил Советскому правительству глубокую благодарность индонезий-

ского народа за поддержку борьбы Индонезии и высказал надежду, что эта поддержка будет содействовать ускорению ликвидации позиций голландских колонизаторов в Западном Ириане.

Отмечая важную роль экономической и военной помощи, оказанной СССР Индонезии в освобождении Западного Ириана и создании индонезийских военно-морских и военно-воздушных сил, главком ВМС Индонезии Мартадината указывал, что Советский Союз «был единственной страной, которая была готова помогать Индонезии на тех условиях, которые ее устраивали»¹¹⁴.

Укрепление военной мощи Индонезии, расширение связей с социалистическими странами, активизация антиимпериалистических выступлений вынудили правящие круги Запада пойти на уступки. В марте 1962 года США выступили с планом урегулирования вопроса о Западном Ириане, предложенным бывшим послом США в Индии Э. Банкером. Этот план, предусматривавший поэтапную передачу суверенитета над Западным Ирианом Индонезии, в принципе был одобрен двумя сторонами. В ходе индонезийско-голландских переговоров Банкер, выступивший в роли посредника, даже оказал определенное давление на голландскую делегацию, чтобы заставить ее пойти на уступки Индонезии в вопросе о сокращении переходного периода до мая 1963 года.

Но не только американская позиция решила исход переговоров. На побережье Западного Ириана было высажено 2000 добровольцев, создавших партизанские отряды для борьбы с голландцами. ВМС и ВВС были приведены в боевую готовность на случай срыва переговоров. Все это возымело действие. 15 августа 1962 года в здании ООН представители правительств Индонезии и Голландии в присутствии генерального секретаря ООН У Тана подписали соглашение о передаче Индонезии управления Западным Ирианом*.

1 мая 1963 года суверенитет Республики над Западным Ирианом был восстановлен. Через три дня туда в сопровождении министров и иностранных дип-

---

* В одном из пунктов предусматривалось проведение до окончания 1969 года референдума на Западном Ириане.

ломатов с триумфом прибыл Сукарно. Столицей Западного Ириана стал город Сукарнопуре (бывшая Холландия), а пик, ранее носивший имя королевы Вильгельмины, стал называться пиком Сукарно.

Многолетняя борьба индонезийского народа за освобождение Западного Ириана увенчалась успехом. Возвращение Западного Ириана явилось крупной дипломатической победой молодой Республики. Воссоединение Западного Ириана означало, по словам Сукарно, «географическое» завершение национально-освободительной борьбы индонезийского народа. На повестку дня с исторической неизбежностью вставал вопрос о переходе к этапу борьбы за экономическую самостоятельность, этапу социальных преобразований.

В начале 60-х годов экономическое положение Индонезии было крайне тяжелым. Если в 1961 году правительство планировало получить от государственных предприятий доходы в размере 4 млрд. рупий, то действительная сумма составила лишь 532 млн. рупий^{115*}. По сравнению с 1960 годом в 1962 году цены на основные предметы потребления выросли более чем в 2,5 раза¹¹⁶. В стране усилилась инфляция. Количество денег в обращении на конец 1963 года увеличилось почти в 2 раза по сравнению с 1962 годом¹¹⁷.

Индонезийский экономист Омар Тусин призвал политических деятелей не заниматься самообманом при оценке экономического положения. «Мы должны смотреть правде в глаза и считаться с тем, что общий уровень производства и объем экспорта в стране в 1962 году намного ниже уровня 1940 года»¹¹⁸, — писал он.

Трудности в экономике Сукарно объяснял исключительно объективными причинами, возлагая вину на голландских колонизаторов. «Как можно за короткий срок восстановить то, что грабили три века?»¹¹⁹ — вопрошал президент.

Другой причиной экономических трудностей Сукарно называл концентрацию национальных сил для борьбы за Западный Ириан. «Вот причина того, что

---

*В 1958—1959 годах прибыли от бывших голландских национализированных предприятий составляли около 7 млрд. рупий в год.

неудовлетворительно выполняется программа обеспечения населения продовольствием и одеждой. Это своего рода выкуп, который платит наша страна за безопасность и независимость»¹²⁰, — говорил Сукарно в мае 1963 года.

Экономическое положение страны усложнилось и под влиянием ряда субъективных факторов. Это и некомпетентность Сукарно в экономических вопросах, и «волевой принцип», положенный в основу разработки 8-летнего плана, не имевшего научного обоснования.

Президент нападал на тех, «кто считает необходимым условием развития страны и нации технический прогресс и капиталы и кто не знает, что в XX веке основой для развития является прогрессивная идеологическая концепция, революционная концепция, основанная на национальной самобытности»¹²¹.

Сукарно признавал, что он отдавал приоритет проблеме возвращения Западного Ириана, хотя и знал, что это поглощает три четверти национального бюджета. «Ошибаюсь я или нет? Ответ даст история»¹²². По мнению президента, возвращение Западного Ириана было делом первостепенной важности, тогда как с решением проблемы обеспечения населения продовольствием и одеждой можно было повременить¹²³.

В то время как Сукарно говорил о перманентной революции, в стране один экономический спад сменялся другим, и каждый последующий принимал все более угрожающий характер. «Желудок не может долго ждать», — признавал Сукарно и тем не менее по-прежнему призывал народ к терпению, рисуя радужные перспективы. «Я чувствую, что после возвращения Западного Ириана с помощью аллаха удастся быстро разрешить экономические трудности», — не устал повторять президент¹²⁴. И ему верили.

Экономический кризис в стране продолжал углубляться. Положение усугублялось и тем, что государственный сектор, включавший три четверти всех производственных мощностей, все более прибирала к рукам как военная, так и гражданская бюрократическая буржуазия — «кабиры» (сокращение от слов «бюрократические капиталисты»). Советский исследователь Н. Симония пишет: «Главным результатом функционирования «направляемой экономики» был необычайно быстрый и массовый рост бюрократиче-

ского капитала, т. е. капитала, формирующегося не за счет обычного частного предпринимательства, а посредством незаконного использования государственных средств и рычагов власти»¹²⁵. Чиновные проиждо, не делавшие различия между государственной казной и собственным карманом, стали настоящим бичом. Росли коррупция, валютные махинации, взяточничество. В этот процесс было втянуто ближайшее окружение президента. Вставшие во главе предприятий и компаний государственного сектора индонезийские чиновники или военные, многие из которых не имели необходимых знаний, либо увлекались проведением митингов и собраний, либо преследовали цели личного обогащения. Как на дрожжах стал расти управленческий аппарат. Казалось, все одержимы страстью руководить, командовать. Изобретательность в выдумывании никому не нужных должностей была поистине безгранична. Новая администрация либо разваливала производство, либо стремилась как можно больше урвать для себя, не заботясь об интересах государства. В результате деятельности «кабиров», благосостояние которых прямо зависело от хозяйственного хаоса, политической нестабильности, бездеятельности государственной власти, и явного пренебрежения президента экономическими проблемами государственный сектор не смог стать экономической базой «индонезийского социализма».

Крайне тяжелым было положение крестьянства. Еще в 1960 году президент говорил: «Земля не должна быть орудием эксплуатации! Земля — крестьянину! Земля тем, кто ее действительно обрабатывает, а не тому, кто сидит сложа руки и жиреет, заставляя других обрабатывать ее». «Индонезийская революция без аграрной реформы подобна дому без пола, дереву без ствола, длинному разговору, лишенному содержания»¹²⁶, — повторял он.

Основной аграрный закон, Закон о разделе урожая, а также принятые в их развитие в 1961 году президентские декреты призваны были реализовать эти декларации. Закон о разделе урожая предусматривал отчисление арендатором в качестве арендной платы не более 50 процентов урожая (ранее эта плата доходила до 70 и более процентов).

Были определены максимальные и минимальные (2 га) размеры земельных владений. Образованные деревенские комитеты по обмеру земель и определению их характера должны были выявить излишки земли¹²⁷, подлежащие распределению среди безземельных и малоземельных крестьян. Последовательное претворение в жизнь этих мер могло бы привести к облегчению бедственного положения крестьянства и стать важной вехой в поступательном движении революции.

Однако их осуществление натолкнулось на решительное сопротивление сельских эксплуататоров, действовавших в союзе с бюрократической буржуазией. Это привело к тому, что аграрная реформа, которую планировали осуществить очень быстро, проводилась со «скоростью улитки». В 1963 году правительство передвинуло сроки завершения аграрной реформы еще на 3—5 лет, т. е. до конца осуществления 8-летнего плана. Указывая на крайне низкие темпы ее проведения, Д. Н. Айдит в декабре 1963 года подчеркивал, что при таких темпах она закончится в лучшем случае в 2000 году¹²⁸.

Судьба мелкобуржуазной демократии в Индонезии зависела от того, насколько она могла и хотела втянуть в дело завершения революции широкие народные массы, насколько была готова опереться на них, какие позиции занимала по вопросу о демократизации общественной жизни страны и социальном прогрессе. Но в результате постепенного перерождения режима преобладающей в Индонезии была тенденция к авторитаризму, к решению важнейших и сложных задач исключительно сверху, волевыми административными мерами и к сдерживанию активности масс. Всем этим воспользовалась порожденная системой «направляемой демократии» бюрократическая буржуазия, постепенно составившая влиятельную группу в элите сукарновского режима. Эта группа и не помышляла о переходе к этапу социальных преобразований, которые лишили бы ее многочисленных привилегий.

Используя борьбу за возвращение Западного Ириана, правящая элита продолжала наступление на демократические права. В мае 1962 года первый министр кабинета Джуанда заявил, что в Индонезии не будет парламентских выборов до возвращения Запад-

ного Ириана. Более того, правительство предложило законопроект, согласно которому в будущий парламент избиралась бы только одна треть депутатов, а остальные $\frac{2}{3}$ назначались. Это ограничивало возможности Компартии влиять на государственную власть с помощью всеобщих выборов. Тем не менее Сукарно не отказывался на правительственном уровне сотрудничать с коммунистами, которые активно участвовали в борьбе против мятежей и в кампании за возвращение Западного Ириана.

Его «направляемая демократия» отличалась от авторитарных режимов традиционного типа прежде всего тем, что она не имела антикоммунистической направленности. Сукарно присутствовал на митинге в честь VII съезда КПИ в 1962 году и выступил на нем с речью. «Тот факт, что КПИ выросла со 150 тыс. до 2 млн. членов, стала крупной, сильной, объясняется тем, что КПИ последовательно защищала интересы рабочих и крестьян; последовательно стояла за единство Республики Индонезии, последовательно боролась за то, чтобы красно-белый флаг развевался на всей территории страны, последовательно защищала неимущих», — так говорил Сукарно о месте КПИ в политической жизни страны. «Вперед! Вперед! Пойдемте вместе по пути завершения индонезийской революции»¹²⁹, — призывал он.

Видимо, желая официально связать КПИ с правительственным курсом и нейтрализовать ее требования о создании кабинета НАСАКОМ, Сукарно в марте 1962 года в ходе очередной реорганизации правительства дал ранг министра без портфеля Председателю ЦК КПИ Айдиту и его первому заместителю Лукману. Лидеры КПИ, очевидно, полагали, что их вхождение в кабинет Сукарно даст партии возможность оказывать определенное влияние на политику правительства. Когда появилось сообщение о том, что Сукарно вводит в состав правительства двух коммунистов, кое-кто на Западе сделал вывод, что Сукарно и Индонезия «окончательно переходят на сторону красных». Однако, как резонно отмечали обозреватели, «министры в Индонезии, за исключением министра обороны, имели власть, пока они следовали указаниям Сукарно»¹³⁰. Вопрос о власти четко освещался и в специальном заявлении правительства, где прямо

говорилось, что она осуществляется президентом с помощью первого министра и внутреннего кабинета, куда коммунисты не были допущены*.

Реорганизации кабинетов были при Сукарно обычным явлением. Дробление и объединение министерств, перемещение министров создавали видимость работы и озабоченности состоянием дел, но никак не влияли на характер власти. Реорганизации скорее были тактическим маневром, методом балансирования между различными политическими силами и «приручения» их лидеров.

Вхождение КПИ в состав кабинета не приблизило ее к власти. Ее требованием по-прежнему было создание правительства НАСАКОМ с пропорциональным представительством всех трех сил. На февральском пленуме ЦК КПИ 1963 года руководство выдвинуло его как необходимое условие, как первый политический шаг, который должен сделать каждый, кто искренне хочет идти по пути мира и демократии к социализму¹³¹. Лидеры КПИ, очевидно, считали, что президент не идет на создание такого правительства из-за отказа армии и примкнувших к ней правых. Однако и сам Сукарно занимал по этому вопросу негативную позицию. «Я сам НАСАКОМ»¹³², — заявлял президент, призывая не обострять обстановку в период национальной революции. Лозунг о незаконченности революции, как и саму систему «направляемой демократии», Сукарно использовал для того, чтобы уйти от ответа на вопрос, в чьих руках находится власть, каков истинный характер индонезийского государства. «Направляемая демократия» с самого начала несла в себе зачатки глубоких противоречий, а революция, у которой, по словам Сукарно, «не должно быть конца», заходила в тупик.

---

* Кроме того, еще в 1962 году было создано КОТИ — Высшее оперативное командование по освобождению Западного Ириана, которое фактически все более брало на себя функции правительства.

«У революции не должно быть конца»

Революция — это
непрекращающаяся конфронтация.

Сукарно

7 В ходе ирианской кампании большая часть государственных расходов шла на военные нужды, а на экономическое развитие ассигновывалось лишь 25—30 процентов бюджета. Промышленность использовала только 25 процентов своих производственных мощностей¹.

Газета «Индонесиа обсервер» 31 декабря 1963 года признавала, что концентрация сил и средств на укрепление армии сделала жизнь народных масс более нищенской, чем когда-либо прежде². Пресса все чаще делала упор на то, что «страна должна обладать не только мощными вооруженными силами, но и развитым хозяйством»³. Председатель КПИ Айдит подчеркивал, что степень развития национального производства — барометр для определения успехов в борьбе за превращение колониальной экономики в независимую национальную. «Нелепо вовсю кричать о целях августовской революции, об индонезийском социалистическом обществе, оставаясь в то же время совершенно безразличным к непрерывному сокращению производства во всех секторах»⁴, — отмечал он.

Близкие к Сукарно круги выражали уверенность, что президент выведет экономику Индонезии из тупика за два-три года, и критиковали пессимистов, «сомневающих в достоинствах наших руководителей». Реальность не подтверждала, однако, оптимистические прогнозы.

В поисках выхода из экономических трудностей Сукарно 23 марта 1963 года выступил с «Экономической декларацией» (ДЕКОН). ДЕКОН характеризовалась им как «экономический манифест», как программа строительства национальной экономики собственными силами, усиления роли государства и укрепления государственного сектора. ДЕКОН была попыткой решения экономических проблем страны, оживления экономической деятельности.

Но «Экономическая декларация» так и осталась декларацией. На деле правительство Сукарно не боролось достаточно последовательно за укрепление национальной экономики, за осуществление социальных преобразований, в частности закона об аграрной реформе, не пресекало должным образом подрывную деятельность реакционеров, коррумпированных чиновников.

Положение национализированных иностранных предприятий — этой опоры государственного сектора — продолжало ухудшаться. Они держались на дотациях, зависели от постоянного притока денег из государственной казны. Все более тяжелой становилась жизнь народа. Цены в Джакарте, например, в 1963 году поднялись по сравнению с 1961 годом в 6 раз⁵. В ряде городов, да иногда и в столице люди были вынуждены вставать до рассвета, чтобы запастись питьевой водой. Приходилось подолгу ждать вечерние газеты, а когда их наконец приносили, центральная станция уже отключала электричество. «По вечерам нам остается только сидеть в темноте и утешать себя мыслью, что через 3—5 лет наша экономика все же сделает шаг к прогрессу», — иронизировала «Бизнес ньюс»⁶.

Как бы в свое оправдание Сукарно говорил: «Я уделяю большое внимание экономике, но я не экономист и не специалист в области торговли, я «революционный экономист»»⁷. Предвидя рост недовольства правительственной политикой, Сукарно восклицал: «Ладно, сердитесь на меня, показывайте на меня пальцами, изливайте на меня вашу ярость... Только потерпите еще немного, потерпите!» Он призывал к терпению во имя завершения революции, которая должна двигаться вперед в соответствии с лозунгом:

«Для борющейся индонезийской нации революция — дорога без конца»⁸. Сукарно как бы подгонял нацию по «революционному пути», не давая ей возможности остановиться, обдумать, куда же она идет.

Частые ссылки Сукарно на то, что революция — это процесс непрерывный и постоянный, были, с его точки зрения, достаточным объяснением тяжелого положения в экономике. Пока революция не завершена, полагал он, не может быть радикального улучшения жизни народа, от которого требовались все новые и новые жертвы. В результате непрекращающиеся разговоры о революции не сопровождались заботой о планомерном развитии экономики.

Сукарно не любил заниматься этой унылой, с его точки зрения, наукой «для бухгалтерских душ». В итоге руководство экономикой оказывалось в руках все тех же «кабиров». А сам Сукарно, не зная, что делать с экономикой, делал то, что хорошо умел, — произносил речи. Круг экономических советников Сукарно непрерывно расширялся, а национальный доход уменьшался. «Советники», как правило, были не экономистами, а людьми с «огоньком в глазах», которых так любил президент.

За время пребывания Сукарно у власти было начато строительство 350 важных объектов. Если бы они вступили в строй, это было бы крупным шагом вперед в экономическом развитии страны. В 1961 году Сукарно в торжественной обстановке, под звуки оркестра при закладке одного из предприятий бросил первую лопату земли как символ создания фундамента «индонезийского социализма» и начала выполнения 8-летнего плана. Однако дальше этого дело не пошло. План не опирался на реальный учет имевшихся средств и ресурсов, он был выработан на основе приблизительных статистических данных или вовсе без их учета. План являлся документом символической ценности: он был разделен на 1945 параграфов, 17 глав и 8 томов, с тем чтобы увековечить историческую дату 17 августа 1945 года — дату провозглашения независимости. Почти все стройки, предусмотренные планом, были заброшены. Дорогостоящее оборудование из СССР и других стран постепенно превращалось в металлолом, разворовывалось. Сукарно публично обличал расхитительство, не замечая, что бесхозяйст-

венность на руку расхитителям. Небольшое число предпринимателей, в особенности те, кто был близок к президенту, богатели и получили даже с его легкой руки название «социалистических капиталистов».

Военная и гражданская бюрократическая буржуазия приспособилась к условиям «направляемой демократии». Умело рядясь в «революционные социалистические» одежды и играя на личных слабостях Сукарно, она укрепляла свои экономические позиции, подрывая основы сукарновской «направляемой экономики».

Рассуждая о необходимости создания материальной базы «индонезийского социализма», Сукарно в то же время пренебрегал экономическими законами и тратил астрономические суммы из государственных средств на осуществление разного рода престижных мероприятий и строек.

С целью финансирования проектов президента был создан специальный фонд, получивший название Фонд революции. Памятники, монументальные здания гостиниц, иностранных посольств, банков, правительственных учреждений, небоскребы по замыслу Сукарно должны были определять облик будущей Джакарты. Но осуществить удалось лишь малую долю начатого. На средства Фонда революции были построены гостиница, универмаг «Сарина», мечеть в саду дворца. Многие другие стройки из-за нехватки средств были свернуты. И еще долго можно было видеть в столице рядом с завершенными зданиями ржавеющие каркасы да заборы, которые отгораживали пустыри, отведенные под так и не осуществленные проекты. Руководили стройками, как правило, случайные люди, превратившие Фонд революции в источник коррупции, взяточничества и наживы.

Уповая на природные богатства Индонезии, Сукарно утверждал, что стране с такими возможностями ничем многие трудности, что с разрешением экономических проблем можно, мол, подождать до тех пор, пока не будут решены другие, «более важные» задачи.

Сукарно настаивал прежде всего на «духовной революции», создании «национального духа» и т. п. как на предварительных условиях экономического развития. Сукарно постоянно заявлял, что его главная за-

дача — помочь индонезийцам освободиться от «чувства неполноценности», заставить их гордиться собой, поверить в себя: «Я должен это сделать перед тем, как уйти из жизни. Когда меня не будет, единственное, что сможет объединить народ, — это чувство национальной гордости»⁹.

Безусловно, «духовная революция» — одна из важнейших задач молодых государств. Однако Сукарно абсолютизировал ее в ущерб экономическому развитию страны. Вера во всемогущество речей и лозунгов, пренебрежение экономическими проблемами, убеждение, что на благодатной земле Индонезии все «образуется», — таковы были характерные черты сукарновского стиля 60-х годов.

Усиление влияния «кабиров», связанных с сельскими эксплуататорами, и их блокирование со «старыми правыми» — членами запрещенных Машуми и ПСИ привели к тому, что правительство Сукарно оказалось неспособным провести обещанные ранее социально-экономические преобразования. «Хариан ракъят» в мае 1963 года писала: «Перед страной стоит проблема: выбрать, что важнее — интересы большинства или интересы меньшинства, интересы народа или интересы эксплуататоров в городах и деревнях. Чьи-то интересами придется пожертвовать»¹⁰. Руководство Коммунистической партии, опираясь на многочисленные обещания Сукарно взяться за решение социально-экономических проблем, призывало президента сделать выбор в пользу народа.

Но Сукарно в силу своей классовой ограниченности не смог сделать решительный шаг в сторону левых сил — важнейшего прогрессивного звена его «направляемой демократии».

Сукарно понимал, что его личная власть держится на балансе политических сил страны и что, в какую бы сторону ни произошел крен, это приведет к ее ограничению, нарушению относительного равновесия, расколу, хотя и формально существующего, единства. В создавшейся ситуации Сукарно и правящая группа нашли своеобразный выход: чтобы на ближайшее время снять вопрос о борьбе за власть между двумя главными политическими силами страны, было решено объявить Сукарно пожизненным президентом. Это решение поддерживали как правые, так и левые силы.

Советский ученый Г. Мирский справедливо подчеркивал, что бюрократическая буржуазия особо тяготеет к авторитарным режимам¹¹. Что касается КПИ, то ее лидеры заявляли, что только Сукарно, и никто другой, должен руководить «направляемой демократией», надеясь, что он будет сдерживать экстремизм правых. Предложение о назначении Сукарно пожизненным президентом было результатом компромисса между главными политическими противниками, заинтересованными в создании и сохранении своего рода «буфера», на время предотвращавшего прямые острые столкновения.

Сукарно отмечает в «Автобиографии», что он никогда не отказывался от должности президента, хотя и не вел специальной кампании за назначение себя пожизненно. С этим предложением официально выступил председатель ВНКК Хайрул Салех. Салех утверждал, что эта идея уже овладела массами, что народ хочет именно Сукарно избирать президентом на каждых выборах (которые после 1955 года так и не проводились!) и что поэтому лучше сразу же назначить его пожизненно на этот пост.

Действительно, в то время у Сукарно не было соперников. Во многом секрет его популярности заключался в том, что, находясь семнадцать лет на посту президента, он умело выходил из труднейших ситуаций, находил компромиссы, которые, не давая односторонних преимуществ какой-либо из политических группировок, устраивали их хотя бы на время, а потому и принимались ими. Эта редкая способность — результат тонкого политического чутья и знания национальной психологии — и создавала ему ореол харизматического лидера. Широкие массы саму возможность осуществления своих чаяний чаще связывали с именем Сукарно, нежели с тем, что делало его правительство.

Персонификация власти была закономерным проявлением определенного уровня духовного и политического развития индонезийского общества и соответствующего этому уровню состояния общественной психологии. «Сукарно пользовался известностью даже в таких далеких деревнях, где никто и не слыхал о Джакарте — столице Индонезии»¹², — писал американский журнал «Лайф». Ежегодно он по несколько

раз выезжал в турне по стране, посещал самые отдаленные районы. Каждый его визит не только представлял собой официальный акт, но и превращался в массовый праздник, в котором президент принимал самое активное участие. Многие, очень многие лично видели и слышали его.

Простые индонезийцы почитали Сукарно независимо от того, что они думали о его правительстве. Многим казалось, что его просто иногда вводят в заблуждение, но он делает для народа все, что в его силах. «Даже ваш отец иногда совершает ошибки, но вы же не перестаете из-за этого любить его»¹³, — говорили те, кто не во всем был согласен с президентом. Народные массы обвиняли в плохом управлении не Сукарно, а его помощников.

В результате Сукарно удавалось почти невозможное. Его авторитет как лидера национально-освободительного движения, героя борьбы за независимость, создателя национальной государственной идеологии Панча Сила, борца за сохранение и упрочение национального единства и территориальной целостности страны был непрерываем. Вера миллионов крестьян в Сукарно была безграничной. Все его действия необычайно импонировали простому народу. В грандиозных монументах, престижных стройках, многочисленных международных встречах и конференциях, проводимых в Индонезии, — во всем этом они видели демонстрацию могущества и значимости их страны. Народ считал вполне естественным, что его вождь жил в роскоши, так как именно президент должен демонстрировать всему миру богатства Индонезии. Граждане Республики Индонезии гордились тем, что «даже голландский губернатор имел только один дворец, а у Сукарно их много», что у него много автомашин и самолетов, что его «любят все женщины мира». В их глазах Сукарно был символом Индонезии, в его величии они видели величие нации.

Сукарно обладал эффектной внешностью. Он был строен, довольно высокого для индонезийца роста. Обычно Сукарно носил темные очки, национальную бархатную черную шапочку — пичи, а в руке держал небольшой, черного дерева с серебром стек. Он очень любил военную форму, которую имел право носить как верховный главнокомандующий. Свою особую

привязанность к военной форме он объяснял так: «...я прекрасно понимаю психологию народа. И совершенно не случайно выступаю на митингах в военной форме. Я знаю, что народ, который слишком долго находился под гнетом колонизаторов, счастлив и горд, что его президент выглядит как настоящий боевой командир... Я знаю, народ хочет видеть во мне фигуру героическую, и я даю ему эту возможность... Кроме того, когда на мне военная форма, я чувствую себя особенно уверенным, и эта уверенность неизменно передается моим слушателям»¹⁴.

Сукарно был весьма видной фигурой и на международной арене. Его вклад в развитие и укрепление международного сотрудничества был отмечен в 1959 году международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». Личное обаяние Сукарно, его остроумие, ораторские способности, умение провести блестящий политический маневр сделали его самым популярным в мире индонезийцем. Для многих он был живым олицетворением Индонезии. Сукарно и сам считал, что встретиться с ним — это все равно что встретиться с Индонезией. «Международные отношения — это не что иное, как отношения человеческие, возведенные в степень»¹⁵, — говорил он. Почти весь мир объехал Сукарно. «Я единственный президент, который так много ездит... Главное, что заставляет меня путешествовать, заключается в том, что я хочу, чтобы об Индонезии знали все»¹⁶.

Портрет Сукарно был бы далеко не полным, если бы мы упустили из виду тот факт, что он был истинным яванцем, яванцем по происхождению, по воспитанию, человеком, глубоко усвоившим яванскую культуру, форму взаимоотношений между людьми, отличающуюся мягкими и гибкими методами достижения целей, признанием авторитета и почитанием старшего в семье — отца, перенесенными и в сферу политических отношений. После введения «направляемой демократии» Сукарно придал еще большее значение национальным символам, системе патернализма и активно использовал их.

Постепенно складывался культ личности Сукарно: происходило перерождение как режима «направляемой демократии», так и его главы. Вокруг него возник особый микроклимат, атмосфера обожания и по-

клонения, даже обожествления. Стало традицией паломничество к Сукарно. Люди шли пешком сотни километров, чтобы увидеть президента, рассказать ему о своей любви и преданности. Остатки его пищи, все, к чему он прикасался, считалось чуть ли не священным.

В глубине души Сукарно, очевидно, импонировало, когда его именовали всеми присвоенными ему высокими титулами: пожизненный президент Республики Индонезии; великий вождь революции; глашатай индонезийского народа; верховный главнокомандующий; великий вождь национального фронта; хранитель Завета народных страданий; великий бойскаут; его высокопревосходительство, почетный доктор, инженер, хаджи и пр. Как правило, он обычно смеялся при этом и даже отмахивался, но такого рода перечисление, требовавшее не только времени, но и достаточно хорошей памяти, обычно приносило какие-то политические или другие дивиденды перечислявшему.

Хотя Сукарно сам был сильной личностью, не имевшей себе равных по популярности в стране, он стал окружать себя людьми, которые во всем соглашались с ним, и избегать тех, кто мог критиковать его действия. Сукарно предпочитал иметь дело с людьми, умевшими не замечать трудностей, объявлявшими каждый его шаг великим, а каждую идею — единственно правильной.

Самым близким к Сукарно человеком в последние годы его деятельности стал заместитель премьер-министра Субандрио. Мягкие манеры, личная преданность, тонкое и незаметное подыгрывание президенту обеспечили Субандрио полное доверие. Часто, когда Сукарно не мог спать из-за хронической болезни почек, он среди ночи звонил Субандрио, врачу по образованию, просил его прийти посидеть у постели и побеседовать о том, как развиваются события в мире.

Важную роль среди близких Сукарно людей играла Хартини. С годами она стала участвовать в общественной жизни страны, установила контакты с политическими и военными деятелями. Хартини не утратила своей роли и после того, как Сукарно в 1959 году женился на Наоко Немото, японке по происхождению, привлекательной женщине, наделенной живым умом.

Наоко Немото вышла замуж за Сукарно по мусульманскому обычаю и в соответствии с ним приняла мусульманство и получила новое имя. Отныне ее стали звать Ратна Сари Деви.

В течение нескольких лет Сукарно не делал официальных сообщений о женитьбе на Деви. Она жила в небольшом уютном домике, недалеко от его дворца в Джакарте, почти в полном одиночестве. Позже по проекту Сукарно для Деви стали строить особняк на улице Гатот Суброто. По воле судьбы Сукарно пришлось провести в этом доме последние месяцы и дни своей жизни.

Мусульманские законы разрешают мужчине иметь четырех жен, и Сукарно не видел причин, в силу которых ему следовало модернизировать ислам в этом вопросе. Более того, он считал, что раз коран разрешает иметь столько жен, то он, Сукарно, их должен иметь. В 1963 году 62-летний Сукарно женился на 23-летней яванке Харьяти.

Несомненно, Сукарно был натурой увлекающейся и далеко не однолюбом. Однако дело было не только в этом. Согласно яванским традициям и эпосу, богам и героям была свойственна и необычная сексуальная сила. А Сукарно во всех отношениях стремился быть уникальной, обожествляемой личностью. Ему льстило, что индонезийцы сравнивали его с Арджуной, героем, который имел 1000 любовниц. Вскоре разговоры о любовных похождениях Сукарно стали обычным явлением. И как это ни странно или наивно на первый взгляд, но со временем такого рода информация стала чем-то вроде предмета гордости для некоторых индонезийцев.

Сукарно всегда проявлял огромный интерес к искусству, музыке, живописи, скульптуре. Причем, как отмечали специалисты, это был интерес не дилетанта, а интерес человека, много знающего и умеющего понимать и ценить прекрасное¹⁷. Любовь к красоте была неотъемлемой частью всего его существа. В часы досуга он отправлялся полюбоваться зеленым ландшафтом, необъятными полями золотистого риса, стремительными потоками, несущимися среди камней, игрой облаков и солнечного света. В его дворцах в Джакарте и Богоре были собраны картины, скульптуры, статуэтки индонезийских, китайских, голланд-

ских, индийских, французских и японских мастеров.

Непередаваема в своей красоте и своеобразии Индонезия. Ее природа богата яркими красками. Море, склоненные к берегу пальмы, удивительные деревья с шапками красных цветов на вершинах. Где-то далеко-далеко, подобно древним египетским пирамидам, возвышается огромная светло-лилового цвета гора. На переднем плане — поля, уступами спускающиеся к сверкающим струям рек. Все это изображено на полотнах, воспевающих красоту индонезийской земли, которые собирал Сукарно. Свою прекрасную, представляющую огромную художественную ценность коллекцию президент завещал народу.

Сукарно обладал тонким вкусом. Он сам декорировал свои дворцы мебелью, коврами, гобеленами, выбирал для них люстры и светильники. Сукарно неплохо рисовал акварелью, был хорошим карикатуристом. В 30-е годы он даже иллюстрировал газету созданной им Национальной партии Индонезии. Сукарно хорошо знал и тонко чувствовал народное творчество. Президент собрал богатую коллекцию кукол национального театра теней — ваянга. Во дворце президента постоянно устраивались спектакли. Его дети обучались яванскому классическому танцу, на уроках которого сам Сукарно часто и с удовольствием присутствовал.

Очевидно, в какой-то степени именно стремление Сукарно быть окруженным красотой и привело к тому, что роскошь стала неотъемлемой частью его личной жизни. Сукарно по этому поводу не испытывал угрызений совести. Он считал, что это справедливо: «Я всего лишь пытаюсь наверстать то, чего меня лишила жизнь в детстве и юности... Это всего лишь компенсация за все то, что я недополучил. Да и эта возможность появилась у меня только к пятидесяти годам»¹⁸.

Сукарно часто повторял, что его образ жизни ничем не отличается от образа жизни любого индонезийца, истинного мусульманина. Президент обычно вставал с восходом солнца. Затем следовала длительная прогулка. Около 7 часов он, как правило, пил кофе на веранде дворца. Здесь в эти часы можно было встретить самых разных людей: министров, иностранных послов, кинозвезд, администраторов, бизне-

сменов, военных, полицейских, художников, журналистов, иностранных туристов, служителей культа, женщин, просивших у него благословения на брак, и т. п. Сукарно предпочитал любым телефонным разговорам живое общение и почти никогда не отказывался от личной встречи.

Он говорил, что это скрашивало его существование и давало возможность широкого общения с самыми разными людьми. В легкой рубашке с короткими рукавами, в сандалиях на босу ногу, президент радушно встречал своих гостей, следил за тем, чтобы им подали кофе или чай, охотно выслушивал последние новости или сплетни, заразительным смехом отвечал на тонкие анекдоты и шутки.

Одновременно он успевал просматривать индонезийские и иностранные газеты, прокомментировать вслух особо заинтересовавшие его статьи. В течение 15—20 минут президент просматривал бумаги, которые ему приносил секретарь, задавал краткие вопросы по их содержанию, а затем размашисто ставил свою подпись. После этого Сукарно обсуждал со своим адъютантом программу предстоящего дня, и если это был приемный день, то с 9 часов утра начинались визиты, которые заканчивались к обеду. После обеда президент отдыхал, читал, писал, иногда рисовал, а затем совершал прогулку. В 17 часов его приемная была вновь открыта для визитеров. По вечерам Сукарно обычно встречался с официальными представителями, присутствовал на приемах или устраивал их.

На иностранцев Сукарно, как правило, производил яркое впечатление. О его обаянии, энергии, жизнерадостности постоянно говорили в дипломатических кругах. Кареглазый, с чарующей белозубой улыбкой, излучающей тепло, он притягивал к себе людей каким-то личным магнетизмом. Обычно Сукарно много говорил о своей приверженности религии. Представляется заслуживающей внимания оценка, данная Сукарно цейлонским журналистом Тарзи Витахи: «Сукарно был религиозен не больше чем... лидер любой другой страны, в которой официально признанная религия — не только традиция, но и часть конституции»¹⁹. Сукарно мог в течение дня выступить с двумя трехчасовыми речами, а потом далеко за полночь

с удовольствием веселиться с гостями. Его способность веселиться, казалось, не знала границ. «Со мной никто не может тягаться. Я могу танцевать и петь до утра»²⁰, — говорил он. А утром, бодрый, энергичный, он начинал свой обычный день.

Долгое время Сукарно совершенно искренне не верил в то, что какой-либо индонезиец может желать ему зла, и даже покушения объяснял подрывной деятельностью иностранцев. Покушений на Сукарно было несколько. Они организовывались как членами организации фанатичных мусульман «Даруль ислам», возглавляемой Картосувирьо, который еще в конце 40-х годов попытался провозгласить «государство ислама» на Западной Яве*, так и крайне правыми силами, выступавшими против таких прогрессивных аспектов внутренней и внешней политики Сукарно, как сотрудничество с КПИ, проведение аграрной реформы, национализация иностранного капитала, антиимпериализм и расширение связей с социалистическими странами. Как уже рассказывалось, в 1957 году на него было совершено покушение. В 1960 году с самолета обстреляли его дворец. В январе 1962 года в Макассаре, когда Сукарно ехал по городу вместе с почетным гостем советским космонавтом Г. Титовым, в машину президента была брошена граната. А 14 мая 1962 года в него стреляли в дворцовой мечети. Это был самый опасный случай. Когда все молившиеся склонили головы, убийца, находившийся в нескольких метрах от Сукарно, пять раз выстрелил в президента, но Сукарно остался невредим. Эти покушения были умело использованы им. «Аллах одобряет мои дела, охраняет меня»²¹, — обычно говорил президент. Однако в помощь богу все-таки был придан специальный полк личной охраны «Чакрабирава». Он был создан в июне 1962 года, ко дню рождения Сукарно. В его составе было 3 тыс. человек, представлявших все три вида вооруженных сил и полицию.

---

* Картосувирьо до лета 1962 года вел вооруженную борьбу против центрального правительства на Западной Яве, в то время как его сторонники на Суматре и Калимантане прекратили сопротивление летом 1961 года. Был расстрелян по приговору военного суда.

Поскольку большинство покушений было организовано фанатиками-мусульманами, Сукарно не скрывал, что видит для себя главную опасность с их стороны. Причиной покушений он считал их ошибочное представление о том, что он коммунист и недостаточно правоверный мусульманин. Очевидно, последнее больше всего беспокоило его как президента страны, где мусульмане составляли свыше 90 процентов населения, и он часто возвращался к этому вопросу. Так, на церемонии освящения мечети, которую он построил рядом с дворцом, Сукарно с горечью говорил, что, несмотря ни на что, его обвиняют в недостаточной религиозности. Сукарно даже утверждал, что его «душа в 7 раз религиознее, чем у любого другого мусульманина», так как он совершил хадж в Мекку в пятницу, в священный для мусульман день недели, и поэтому получил не просто звание «хаджи», но «великого хаджи»²². Президент часто подчеркивал, что он во всем полагается на аллаха и о любых своих планах и намерениях говорит: «Если такова будет воля аллаха».

Самой притягательной чертой Сукарно-лидера было его красноречие. Все, кто когда-либо слышал его выступления, давали им самую высокую оценку. Сам Сукарно считал, что секрет его успеха заключается прежде всего в том, что он говорит то, что «написано в сердцах индонезийцев», то, что они сказали бы сами, если бы были так же красноречивы, как он. «Когда я стою на берегу океана и слушаю шум прибоя, он звучит для меня как гимн Индонезии. Когда я смотрю на рисовое поле, сквозь зеленеющие ростки риса я вижу Индонезию. Когда я смотрю на горы, уходящие в голубую высь, я по-прежнему вижу свою родину. Когда я слушаю народные мелодии, для меня они не просто музыка, а душа Индонезии. Пение птиц на деревьях, облака на небе — все это моя Индонезия. Я дышу ею, я живу ею» — так говорил Сукарно об Индонезии, зажигая сердца слушателей любовью к родине. Он буквально наэлектризовывал аудиторию. «Чувствовать, как опьяняюще я действую на массы, ждать, пока вино моего вдохновения не ударит им в голову, — вот для чего я живу»²³, — говорил президент. Но для Сукарно произнесение речей всегда было действием с обратной связью. Сама аудитория стиму-

лировала, зажигала, вдохновляла его. Так, на одном из митингов, когда Сукарно подошел к микрофону и толпа разразилась овациями, он незаметно для себя зашептал: «Подожди немного, не начинай, посмотри, посмотри еще на людей»²⁴.

С годами его выступления стали сопровождаться специальным торжественным ритуалом. В помещении, где должна была совершиться какая-либо официальная церемония, на которой он планировал выступить, президент появлялся в сопровождении своего адъютанта и свиты. Раздавалось зычное: «Его превосходительство президент. Прошу всех встать!» И вот он входит, подтянутый, с улыбкой, кивая направо и налево, и садится на специально для него приготовленное место. Перед его выступлением ведущий громким голосом возвещал: «Его превосходительство милостию согласился произнести свою речь». Сукарно вставал и четко отработанной походкой направлялся к трибуне, подходил к микрофону, придвигал его к себе, поправлял галстук, манжеты. Все это делалось под бурные овации присутствующих. Галстук на месте, Сукарно готов, овации смолкли. Казалось бы, можно начинать речь. Но нет, момент еще не настал. Совершается процедура подношения президенту текста его речи. И вот текст лежит на трибуне. Сукарно щелкает по микрофону, как бы проверяя его, окидывает взглядом присутствующих и начинает говорить.

Сукарно обладал голосом приятного бархатистого тембра, с очень широким диапазоном. Отдельные слова и фразы он произносил почти шепотом, в полной тишине, и аудитория с замиранием внимала его словам. Временами его голос звучал как сигнал тревоги, как призыв, как клич, и замороженные, как бы загипнотизированные люди, охваченные единым порывом, начинали бурно выражать свои эмоции. Они были целиком во власти Сукарно, они восхищались им, верили его обещаниям, верили в то, что всеобщее благо получение уже не за горами. «Народу надо нарисовать потрясающие перспективы», — говорил он, будучи убежден, что люди поверят в сказанное, если сказать красиво. И в этом он был непревзойденным мастером.

Сукарно свободно владел словом. Он был очень начитанным человеком, его речь была расцвечена ме-

тафорами, сравнениями, он широко пользовался не только образами народного эпоса и сказаний, но и легко цитировал многих французских, немецких, английских, русских, американских, голландских, японских и иных ученых и политиков. Своим речам Сукарно умел дать емкое и вместе с тем броское название: «Год решения» (1957), «Год выбора» (1958), «Год возрождения революции» (1959), «Год победы» (1962), «Год опасной жизни» (1964), «Год стояния на собственных ногах» (1965) и т. п.

Сукарно прекрасно понимал, что в стране, где более 50 процентов населения было неграмотно, общественное мнение формируется под воздействием речей и выступлений лидеров на митингах, где создается неповторимая «психология массы». В своем общении с народом он избрал весьма специфическую форму «демократии». Он сначала принимал решение, после чего сообщал об этом на митинге, называя этот процесс «советом с народом». При этом Сукарно риторически обращался к массам за поддержкой и одобрением по целому ряду вопросов, о которых они имели смутное представление. Вполне естественно, что «все-народное одобрение» следовало автоматически, и тут уж Сукарно широко пользовался им, чтобы сковать любую инициативу или критику со стороны как политических партий, так и отдельных специалистов. Но хотя политические противники президента критиковали его методы руководства и зачастую просто высмеивали его экономические идеи, доказывая их несостоятельность, народ шел не за ними, а за Сукарно, своим вождем, приведшим его к независимости, понимавшим и тонко чувствовавшим душу народа, психологию масс, верил ему, его зажигательным речам, его обещаниям светлого будущего.

Сукарно был яркой фигурой на политической арене Индонезии. Он явно претендовал на пожизненное обладание всей полнотой власти при «направляемой демократии». А сама «направляемая демократия» как система, в том виде, в каком она была создана, вряд ли могла существовать без него как высшей инстанции. И действительно, в значительной степени Сукарно был прав, когда заявлял, что он — единственная сила, которая сдерживает взрыв противоречий.

Сукарно часто находился за границей или выезжал за границу в критические моменты для политической жизни страны. У него была какая-то неколебимая уверенность в том, что в стране не найдется человека, который заменит его на посту президента и народного вождя. Во многом, очевидно, эта уверенность строилась на реальной оценке той политической структуры, которую он создал. Он знал, что в стране нет политического единства, нет ярко выраженного преобладания какой-либо одной силы, что все силы нуждаются в нем и, более того, в значительной степени именно с ним каждая из них связывает на ближайшее будущее свои планы.

Президент выступал в роли амортизатора. Стоило убрать его, и столкновение классовых интересов было бы неизбежным. «Нет никого, кто заменил бы Сукарно. Без него мы не сохраним единства», — признавали политические деятели²⁵. Х. Салех прямо заявил Сукарно, что его избрание пожизненным президентом является политической необходимостью, так как он не только символ единства нации, но и его гарант²⁶. В «Автобиографии» Сукарно пишет, что его долго уговаривали и он в конце концов решил не идти «против воли народа» и согласился²⁷, тем более что роль пожизненного президента полностью соответствовала его мессианскому и политическому кредо: «Всей моей жизнью руководила высшая сила. Я выполняю волю божью. Это то, для чего я рожден»²⁸.

Сукарно верил, что именно он, а не какая-либо политическая партия или коалиционный кабинет приведет индонезийский народ к счастливому будущему. «Руководство нацией должно осуществляться непрерывно, постоянно. В этом его отличие от руководства со стороны коалиционного кабинета или политической партии»²⁹, — подчеркивал он. Весной 1963 года ВНКК назначил Сукарно пожизненным президентом. В его руках сосредоточилась абсолютная полнота власти*. Но, оценивая реальные возможности Сукарно применять полномочия, предоставленные ему Конституцией

---

* После смерти Джуанды в 1963 году должность первого министра была упразднена и заменена президиумом, состоявшим из трех заместителей премьер-министра, т. е. Сукарно. Ими стали: Субандрио, Леймена и Салех.

1945 года и различными правительственными декретами, А. Ю. Другов и А. Б. Резников справедливо отмечают, что «политические условия Индонезии не позволяли ему создать собственную организацию, через каналы которой он мог бы обеспечить себе непосредственный контроль над политической жизнью страны»³⁰.

Трудно возражать и против оценки австралийского исследователя Г. Брюса, который считает, что «Сукарно не диктатор в европейском смысле этого слова, опиравшийся на какую-либо одну четко выраженную доминирующую политическую силу»³¹. У Сукарно не было собственной партии, а между ним и государственными органами, главой многих из которых он официально числился, стояли многочисленные посредники в лице генералитета, лидеров политических партий, коррумпированного государственного аппарата, сохранявших автономию, а иногда и полную самостоятельность.

Безусловно, Сукарно, как опытный политик и творческая личность, имел свои собственные идеи о путях развития страны и общества. Но конкретные формы их реализации определялись борьбой классовых сил. Не удивительно, что почти все идеи и концепции президента не были реализованы так, как они были задуманы. Главная причина этого кроется не в том, что Сукарно, как утверждают некоторые западные исследователи, не продумывал их достаточно глубоко, а в самой политике лавирования, которая трансформировала их в соответствии с реальным соотношением сил в стране. В этих условиях Сукарно навязывал свое решение, скорее используя метод убеждения конфликтующих сторон, предлагая им компромисс, а уже потом оказывая на них давление.

Сукарно не был мстительным человеком. Его режиму не были присущи жестокость, террор. Несмотря на не столь уж редкие промахи в области как экономики, так и политики, Сукарно был искренне убежден в том, что любой его поступок и решение единственно правильные, а в бедах виновны лишь исполнители. Когда президенту задавали вопрос, может ли в Индонезии кто-нибудь критиковать правительство, он отвечал утвердительно. И сразу же разъяснял, что его лично фактически не критикуют и что происходит

это потому, что он «все делает правильно»³². Росла вера в собственную непогрешимость, стремление отождествить свою личность с судьбой всей страны и революции, что особенно ярко проявилось в биографии Сукарно, которую по его поручению стала писать в 1964 году американская журналистка Синди Адамс³³. Эта книга получила название «Автобиография», поскольку Сукарно диктовал ее.

Синди Адамс, жена известного американского комика Джоя Адамса, опытная журналистка с эффектной внешностью, произвела на Сукарно неизгладимое впечатление еще при первой встрече в 1961 году. Неожиданно для окружающих, да и для самой Адамс Сукарно, который в то время избегал встреч с западными журналистами, согласился дать ей интервью.

Позднее Синди так описала эту первую встречу. Сукарно принял ее во дворце Мердека в своем кабинете. Комната была устлана коврами, украшена дорогими фарфоровыми вазами и огромным, во весь рост, портретом президента. Сам Сукарно, одетый в военную форму, стоял на фоне собственного портрета. Очевидно, это и определило первый вопрос Синди: «Господин президент, почему Вы всегда в парадной форме?» Сукарно, не задумываясь, ответил на прекрасном английском языке: «Потому что я не только верховный главнокомандующий народа, который веками был рабом, но и символ его свободы и независимости». Синди хитро прищурилась и выпалила: «Я думаю, что это совсем не так. На самом деле вы носите эту форму просто потому, что знаете, что Вы в ней чертовски элегантны». Сукарно не сразу поверил, что это сказали именно ему, потому что с ним никто так не разговаривал. Затем, очевидно, природная доброжелательность и юмор одержали верх, и он сказал: «Отчасти вы правы. Только, пожалуйста, никому об этом не говорите»³⁴.

Позже Сукарно писал, что эта веселая американская леди очаровала его не только тем, что в легкой и приятной манере взяла у него интервью, но более всего тем, что потом честно и точно воспроизвела сказанные им слова в своей газете. После опубликования интервью Сукарно выразил ей благодарность в письме, на которое она ответила. Посол Джонс советовал ей поддерживать контакты с Сукарно, так как

«такие письма могут оказаться полезными». Завязалась переписка. А в начале 1964 года Синди Адамс и ее муж прибыли в Джакарту.

В предисловии к «Автобиографии» Сукарно написал, что его слишком часто одолевали различными вопросами. Например, «был ли я коллаборационистом при японцах? Диктатор я или коммунист? Почему в Индонезии нет свободы печати? Сколько у меня жен? Почему я строю новые универсальные магазины и монументы, в то время как народ бедствует? и пр. и пр. Для того чтобы ответить на все эти вопросы, я и начал диктовать Синди Адамс свою биографию»³⁵.

Сукарно охотно рассказывал о своей жизни, об истории Индонезии. С особым удовольствием он говорил о философии, религии, искусстве, политике и своей роли в ее определении. Вообще с годами Сукарно все с большим удовольствием начал предаваться воспоминаниям, персонифицируя индонезийскую историю. И в первую очередь это отразилось на его выступлениях. Так, в речи 17 августа 1964 года Сукарно обращался к себе более 330 раз в первом лице, более 30 в третьем и 30 раз цитировал себя³⁶.

Личная власть в качестве теоретической базы требует своего рода и личной идеологии. Со временем мархаэнизм стали все чаще именовать сукарноизмом. Огромное значение имел также тот факт, что лишь он один имел право разрабатывать и интерпретировать государственную идеологию. Это постепенно все больше лишало ее творческого развития, порождало формализм и идеологический нигилизм. О большинстве расхождений умалчивалось, оппозицию заставляли молчать. Интеллигенция, студенты и преподаватели, по мысли Сукарно, должны были стать орудиями власти, проповедниками ее идей, подвергнуться «индоктринации», т. е. им следовало внушать то, что, по мнению правящей элиты, они не знали или знали не так, как следует. Газеты должны были пропагандировать идеи Сукарно, иначе их закрывали.

Сукарно утверждал: «Я — Индонезия, я — революция!»³⁷ Но все разговоры Сукарно о революции носили абстрактный характер, так же как и его зачастую показательный радикализм, и в основном предназначались для того, чтобы сохранять в стране социальный статус-кво. Балансирование для сохранения власти ста-

новилось более важным, чем проведение реформ. Сукарно, как мелкобуржуазному революционеру, на трудном этапе истории государства не хватило ни твердости, ни целеустремленности, ни последовательности, чтобы перешагнуть рубеж, отделяющий период антиколониальной борьбы от борьбы за социально-экономические преобразования. Бросается в глаза разительный контраст между сукарновскими речами и делами; огромная дистанция разделяла его «социалистические» планы реформ и их реализацию.

После возвращения Западного Ириана президент переживал идеологический и политический кризис. Его лозунги и политический курс, обращенные против непосредственной внешнеполитической угрозы территориальной целостности и независимости страны, уже исчерпали себя, поскольку революция вступила в новый этап. Но и в этих условиях Сукарно продолжал руководствоваться старыми принципами и лозунгами. Для решения любых возникавших перед страной проблем президент выдвигал только два обязательных, с его точки зрения, требования — свое личное руководство и сохранение национального единства.

Будучи не в состоянии удовлетворить требования народа об улучшении условий жизни, не посягая на коренные интересы правящей элиты, бюрократической буржуазии и сельских эксплуататоров, Сукарно стал искать такую проблему, которая приковала бы внимание всей нации, снова сплотила ее. Правящая группа, спекулируя на антиимпериалистических чувствах народных масс, стремилась отвлечь их внимание от кризиса с помощью националистических лозунгов, направив их активность на борьбу против нового внешнего «общенационального врага». Таким врагом было избрано новое государство — Федерация Малайзия, идея образования которой в составе Малайи и находившихся под английским господством Сингапура, а также Саравака, Сабаха и Брунея (территории на Северном Калимантане) была выдвинута с одобрения Англии премьер-министром Малайи А. Рахманом еще в 1961 году.

Осенью 1962 года в Брунее вспыхнуло вооруженное восстание против планов создания Малайзии,

руководимое лидером народной партии Брунея — Азахари, провозгласившим себя премьер-министром государства «Северный Калимантан». Сукарно заявил, что индонезийцы изменят своим принципам, если «не поддержат революцию на Северном Калимантане»³⁸. Он отмечал, что не может поступить иначе, так как Бруней поддерживал индонезийскую революцию деньгами, добровольцами, а сам Азахари в прошлом служил в индонезийской армии. В конце 1962 года индонезийский парламент принял резолюцию в поддержку повстанцев, которые к тому времени уже были разбиты и укрывались в джунглях.

Безусловно, включение в состав федерации территорий Северного Калимантана, которые граничат с индонезийской частью этого острова, вызывало в Джакарте определенные опасения. Ведь в годы мятежей антиправительственные силы получали помощь от Малайи и Англии. Кроме того, США не скрывали своего намерения втянуть Малайзию в СЕАТО. Вместе с тем правительство Сукарно использовало вопрос о Малайзии как возможность для Индонезии добиться права на определяющую роль в Юго-Восточной Азии.

Отношения между Индонезией, с одной стороны, и Малайей и Англией — с другой, резко обострились, чем воспользовалось руководство КНР. Пекинские руководители стремились превратить Индонезию в своего младшего политического партнера, а назревший в Юго-Восточной Азии конфликт — в практическое доказательство своих теоретических выкладок о решающей роли «народной войны» в странах Азии и Африки. Активно включившись в конфликт, начатый Индонезией, группа Мао Цзэдуна надеялась повлиять на его ход в нужном ей направлении, перевести его на рельсы вооруженной борьбы, превратить Юго-Восточную Азию в очаг напряженности.

20 января 1963 года Субандрио, который только что возвратился из Пекина, обвинил Малайю во враждебных действиях в отношении Индонезии и официально провозгласил политику конфронтации против Малайзии, а главнокомандующий сухопутными войсками генерал А. Яни сообщил, что «армия готова и ждет приказа»³⁹. В середине февраля Сукарно заявил, что Малайзия ставит своей задачей защи-

ту интересов «оловянных, каучуковых и нефтяных королей Запада». Он объявил, что Индонезия выступает против создания Федерации Малайзии как «порождения неокOLONиализма», и охарактеризовал эту свою позицию как «дело принципа»⁴⁰. Азахари прибыл в Джакарту, где создал правительство в эмиграции. В феврале Насутион направил первых «добровольцев» на границу с Сараваком.

В марте 1963 года руководители КНР выразили убеждение в том, что с китайско-индонезийской помощью восстание в Брунее, безусловно, может добиться окончательной победы. В совместном коммюнике Сукарно и Лю Шаоци, подписанном в апреле 1963 года в Джакарте, отмечалась общность взглядов по основным международным проблемам и выражалась поддержка борьбы народов Северного Калимантана против вовлечения их «в западную неокOLONиализма — Малайзию»⁴¹.

Индонезийско-китайское сближение с момента начала политики «конфронтации» настолько ускори-лось, что этот процесс не смогли сколько-нибудь серьезно задержать даже антикитайские выступления в апреле 1963 года в Джакарте и других городах. Характерно, что китайские погромы всегда происходили в Индонезии в момент резкого ухудшения экономического положения, вину за которое неизменно сваливали на местных китайцев. Демонстранты громили лавки, уничтожали товары, сжигали автомашины и т. п. Если в 1959—1960 годах начало антикитайским выступлениям было положено санкциями, принятыми самим правительством, то в 1963 году оно их осудило. Пекин же теперьотреагировал на антикитайские выступления в Индонезии неожиданно «мягко». Налицо было стремление руководителей обеих стран к сохранению и укреплению установившихся связей.

Индонезийско-китайское сближение таило в себе опасность использования Индонезии в качестве оружия авантюристического курса группы Мао Цзэдуна. Дело в том, что сама по себе «направляемая демократия» вызвала в стране небывалый взрыв националистических настроений. Наиболее ярко они выражались в попытках преувеличения роли и места индонезийской революции и самой Индонезии в

национально-освободительном движении и в мировом революционном процессе в целом.

История показала, что в условиях буржуазного или мелкобуржуазного руководства антиимпериалистической борьбой национальное нередко становится националистическим, тяготеющим к обособленности, исключительности, мессианству, а следовательно, к противопоставлению национального интернациональному. Еще в августе 1960 года в своей традиционной речи по случаю дня независимости Сукарно говорил: «Мы сейчас переживаем революцию, которая грандиознее американской, французской или нынешней советской. Наша революция — это революция национальная, политическая, социальная, культурная, гуманистическая»⁴². Идеализируя принципы Панча Сила, Сукарно стремился представить их в своей речи в ООН в 1960 году чем-то вроде светоча для «заблудившегося в противоречиях мира». Он выдвигал в качестве альтернативы классовой борьбе кажущееся единство индонезийской нации, предлагая принципы Панча Сила всем народам как универсальную основу, пригодную как внутри страны, так и на международной арене⁴³.

Свои гегемонистские устремления Сукарно облек в форму новых концепций, которые хотел навязать афро-азиатским странам и таким образом стать их лидером. Осенью 1961 года он провозгласил лозунг борьбы «новых нарождающихся сил» (НЕФО) против «старых установившихся сил» (ОЛДЕФО). Эта концепция была сродни маоистским теориям о доминирующей роли стран Азии, Африки и Латинской Америки в мировом революционном процессе. Сукарно предлагал назвать XX век веком «новых нарождающихся сил». «Это — век, в котором мы поднялись, век, в котором мы стали независимыми, век, в котором мы находимся в процессе революции»⁴⁴.

Концепция «новых нарождающихся сил» по существу не затрагивала различий в политической ориентации и путях социального развития молодых стран Азии, Африки и Латинской Америки и фактически ограничивалась геополитическим подходом к проблеме единства. Более того, Сукарно определял принадлежность стран к НЕФО или ОЛДЕФО совершенно произвольно, руководствуясь скорее личными симпа-

гиями и антипатиями, чем реальной оценкой политики того или иного государства*.

«Не случайно эта теория,— пишут советские исследователи А. Другов и А. Резников,— была холодно встречена неприсоединившимися государствами, не видевшими в ней реальной основы для сотрудничества. Вместе с тем такая позиция стала идеологической основой для сближения между индонезийскими руководителями и лидерами КНР»⁴⁵.

Притязания Сукарно не соответствовали ни экономическому, ни политическому положению Индонезии среди стран Азии и Африки. Практическая деятельность Сукарно в этом вопросе сводилась к поискам сильного союзника. Им стал Китай.

Сукарно субъективно вовсе не намеревался действовать в интересах Китая. Он лишь ошибочно полагал, что интересы обеих стран совпадают. Пекин, паразитируя на трудностях революционного процесса в Индонезии, использовал их в своих великодержавных интересах.

Китайские руководители, потерпев в начале 60-х годов поражение в своем стремлении поставить на службу маоистской политике страны социализма, сделали ставку на мировое национально-освободительное движение. В связи с этим правительство КНР направило все усилия на отрыв стран и народов Азии, Африки и Латинской Америки от мировой социалистической системы, в первую очередь от СССР, от рабочего движения развитых капиталистических стран. Важным элементом этой политики было заигрывание с рядом государств, «стремление втереться к ним в доверие, убедить в бескорыстной дружбе и общности интересов и вовлечь в свою орбиту»⁴⁶.

В борьбе за обособление национально-освободительного движения Пекин пытался использовать Индонезию, опираясь на ее политический авторитет среди развивающихся стран. КНР надеялась с помощью

---

* Зачастую Сукарно определял принадлежность той или иной страны к НЕФО или ОЛДЕФО в зависимости от того, как быстро эти страны предоставляли кредиты Индонезии. Сукарно говорил, что страны, принадлежащие к «новым нарождающимся силам», не спорят до хрипоты об условиях кредитов, в то время как «старые силы» торгуются дни, месяцы, годы.

Индонезии проложить себе путь к лидерству в «новых нарождающихся силах».

Президент Сукарно объективно способствовал этому. Стремясь сделать из Индонезии «политическую Мекку», он охотно предлагал ее в качестве места проведения многочисленных афро-азиатских конференций. Именно на этих конференциях со всей наглядностью проявились попытки группы Мао превратить их в форум узкого регионализма, национализма и антисоветизма. Примером этого может служить конференция журналистов стран Азии и Африки, проходившая в Джакарте в 1963 году. На этой конференции советская делегация была лишена права голоса под тем предлогом, что СССР якобы «не азиатская страна». Сукарно предоставлял маоистам широкие возможности для пропаганды своих «особых позиций». Так китайский представитель Ян Шо, воспользовавшись трибуной сессии исполкома Конференции писателей стран Азии и Африки на острове Бали, критиковал тех, кто, скрываясь «за юбками муз», на все лады рекламирует мирное сосуществование. Проведение в основном финансируемых Пекином⁴⁷ спортивных игр «новых нарождающихся сил» осенью 1963 года в Джакарте было использовано группой Мао Цзэдуна и Сукарно, по указанию которого Индонезия вышла из Международного Олимпийского комитета, для создания своего рода Олимпийского комитета НЕФО.

Решающим фактором, закрепившим индонезийско-китайское сближение, стала политика «конфронтации и сокрушения» Малайзии, созданной 16 сентября 1963 года. США, Англия, Австралия, Новая Зеландия, Япония сразу же признали Малайзию. Она была признана рядом неприсоединившихся стран.

Индонезия и Филиппины заявили о своем непризнании новой федерации. В день провозглашения Малайзии в Джакарте состоялись массовые демонстрации протеста. 16 сентября 5 тыс. человек атаковали посольство Малайи, преобразованное в посольство Малайзии, и забросали его камнями, а 18 сентября 10 тыс. демонстрантов подожгли здание посольства Великобритании. Сукарно дал приказ о прекращении всяких торговых связей с Малайзией, несмотря на то что это лишало Индонезию трети внешних рынков.

Правые объявляли инициатором политики конфронтации с Малайзией КПИ. Например, авторы книги «Коммунистическая опасность», опубликованной в 1968 году, писали, что Айдит «подбил Сукарно и Субандрио на политику сокрушения Малайзии». Они даже утверждали, что «великий вождь революции — Сукарно стал в этом деле орудием КПИ»⁴⁸.

Следует отметить, что с конца 1963 года руководство Компартии взяло на вооружение ревизионистские концепции Пекина по вопросу о роли и месте национально-освободительного движения в мировом революционном процессе и соотношении мирных и немирных средств борьбы. Однако это не дает оснований утверждать, что инициатива в конфронтации с Малайзией принадлежала руководству Компартии. Как отмечал индонезийский исследователь Ютрехт, к этому были причастны заместитель премьер-министра Субандрио, жаждавший славы и метивший в преемники Сукарно, и армейская верхушка, стремившаяся сохранить доминирующую роль армии в стране.

Высказанные Ютрехтом соображения справедливы лишь частично. Решающее слово все же принадлежало Сукарно. Как утверждает очевидец событий американский посол Джонс, решение вопроса о Малайзии было в руках Сукарно⁴⁹. Но он вряд ли объективен, утверждая, что главная движущая сила в конфронтации — это эгоизм и амбиция Сукарно⁵⁰. Все определяла внутренняя обстановка в самой стране. «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще, — писал В. И. Ленин, — или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»⁵¹.

Конфликт с Малайзией давал Сукарно возможность уйти от решения задач экономического и социального характера, подменить их шумными внешнеполитическими акциями. Сукарно старался внушить народу мысль о том, что все это необходимо для выполнения Индонезией исторической миссии «маяка» в антиимпериалистической борьбе молодых независимых государств. Политика «маяка» была призвана не только разнести по всему миру раскаты грома индонезийской революции, удовлетворить тщеславие Сукарно и превратить его из «великого лидера индонезийской революции» в «великого лидера азиатской

революции», но и закамouflировать неспособность его правительства разрешить острые социально-экономические проблемы, с которыми столкнулась страна, задержать углубление классовой борьбы под лозунгом национального объединения перед лицом «общего национального врага». В создавшихся условиях Сукарно предложил выход из положения, выразившийся в принятии правительством в конце 1963 года новой программы, важнейшим пунктом которой была борьба за ликвидацию Малайзии*. Сукарно действовал по такому рецепту: единства можно быстро достичь при наличии пугала, против которого необходимо сплотить ряды. Это пугало затем можно убрать, а единство останется. Заявление самого Сукарно по этому вопросу не оставляет никаких сомнений в его позиции: «Когда нет конфронтации с внешними силами... то начинается борьба внутри»⁵³.

Рецепт Сукарно оказался безошибочным: новую программу кабинета поддержали и Компартия, и армия. Конфронтация с Малайзией, по мнению руководства КПИ, не только была стимулом для развертывания активности партии, но и должна была привести к росту антиимпериалистических настроений, полевению нации, политическим переменам в стране в интересах Компартии. Руководство КПИ, видимо, не разглядело подлинной внутривнутриполитической направленности конфронтации. Армия поддержала конфронтацию с Малайзией потому, что этот курс не только сохранял, но и еще более укреплял ее позиции в стране.

Необходимость постоянной конфронтации возводилась Сукарно в догму. Эта конфронтация, а не социально-экономические преобразования стала объявляться чем-то вроде движущей силы революции. «Сейчас колесо революции снова вертится на основе классических законов всех революций: нет революции без непрерывной конфронтации... Если вы чувствуете, что вы проводите конфронтацию, — значит вы в революции»⁵⁴, — говорил Сукарно. Предполагался затяжной характер конфликта, так как его быстрое урегулирование вновь поставило бы Сукарно перед лицом все

---

* Программа включала три пункта: обеспечение населения продовольствием и одеждой; борьба за ликвидацию Малайзии; продолжение строительства⁵².

тех же внутренних проблем. Правящая группа Индонезии была в какой-то степени заинтересована в том, чтобы «застрять в конфронтации».

Авантюристические устремления Сукарно не могли найти и не нашли поддержки со стороны стран социалистического содружества. Встав на путь затяжной конфронтации, Сукарно пошел на дальнейшее сближение с руководством КНР, считая, что Индонезия выиграет от проведения политики, во многом совпадающей с курсом Пекина, направленным на замену иностранного империалистического присутствия в Азии китайским, и надеясь добиться с группой Мао Цзэдуна удовлетворительного соглашения о сферах влияния.

Руководство КНР, с самого начала безоговорочно поддержав индонезийскую политику конфронтации, стало одним из главных ее вдохновителей. Цель группы Мао Цзэдуна заключалась в том, чтобы навязать Индонезии, вопреки реальному соотношению сил и ее жизненным интересам, свой курс на вооруженную борьбу, спровоцировать военное столкновение между Индонезией, с одной стороны, и Малайзией — с другой.

Пекин пытался не допустить решения малайзийского кризиса мирным путем, и, когда Сукарно проявлял некоторые колебания в этом вопросе, китайское руководство настойчиво стремилось заставить его проводить жесткую, бескомпромиссную линию, всячески доказывая ему, что вооруженная борьба против Малайзии неизбежна, что это «священное дело индонезийского народа», «революционное действие», «справедливая борьба против империализма» и т. д. и т. п.

Пекинские лидеры стали всемерно разжигать национализм и гегемонизм индонезийской правящей верхушки, обещав осенью 1963 года оказать Индонезии «материальную и моральную помощь». Будущая ось «Пекин — Джакарта» ковалась в горниле политики «сокрушения Малайзии», которая, по словам Сукарно, имела целью ликвидировать барьер, разделяющий КНР и Индонезию⁵⁵. Президент рассчитывал на китайскую помощь, стремился сделать конфронтацию общей задачей.

С осени 1963 года отряды индонезийских добровольцев вместе со сторонниками Азахари и

пропекински настроенными элементами начали партизанскую войну против Малайзии на Северном Калимантане. Опасность открытого вооруженного конфликта нарастала.

Правительство Индонезии в своем нежелании мирно урегулировать вопрос о Малайзии, в своей заинтересованности сохранить напряженность в Юго-Восточной Азии все чаще принимало лозунги и требования Пекина, которые по существу закрывали пути к мирным переговорам. С весны 1964 года руководство КНР стало открыто подталкивать Индонезию на дальнейшее обострение конфликта с Малайзией. В начале мая Сукарно дал «две команды народу» (по-индонезийски сокращенно «двикора»):

1. Усилить защиту индонезийской революции.

2. Помочь революционной борьбе народов Малайи, Сингапура, Сабаха, Саравака и Брунея за освобождение и ликвидацию Малайзии⁵⁶.

Сукарно, заявив, что «КНР полностью поддерживает борьбу против Малайзии» и «все новые нарождающиеся силы» стоят на стороне Индонезии, призвал «сокрушить» Малайзию до 1 января 1965 года⁵⁷. «Раз уж мы начали борьбу против империализма, мы доведем ее до конца», — заверял он.

Вскоре парламент принял закон «Об организации движения добровольцев». Записалось 21 млн. человек*. Один индонезийский генерал даже подвел под это своеобразную статистическую базу. Он заявил, что «если англичанам удастся выводить из строя по 200 добровольцев в день или по 70 000 в год, то и в этом случае потребуется 300 лет, чтобы покончить с движением»⁶⁰.

Сукарно продолжал твердо придерживаться позиции «сокрушения Малайзии» и на встрече с руководителями Малайзии и Филиппин в июле 1964 года в Токио. Он даже демонстративно ушел с заключитель-

---

* Конфронтация против Малайзии получила поддержку со стороны Ассоциации индонезийских граждан китайского происхождения (БАПЕРКИ). Ее председатель Сиео Гиокчан в мае 1964 года заявил, что она готова внести свой вклад в эту кампанию и послать 200 тыс. добровольцев на Северный Калимантан⁵⁸. В ряде районов Индонезии китайская община внесла денежные пожертвования в фонд добровольцев. Художественные коллективы индонезийских китайцев создали оперу «Сокрушим Малайзию», которую показывали в городах и поселках страны⁵⁹.

ного заседания, сославшись на то, что его ждут на телевидении. Единственным результатом этой встречи на высшем уровне явилось коммюнике, констатирующее полное расхождение взглядов.

Конфликт между Индонезией и Малайзией грозил перерасти в международный. Английский журнал «Уорлд тудей» даже сообщал о готовности Англии объявить Индонезии войну, с тем чтобы выполнить свои обязательства в отношении Малайзии⁶¹. 23 июля 1964 года в Вашингтоне было подписано совместное коммюнике Джонсона — А. Рахмана, где выражалась решимость защищать «свободный мир в Юго-Восточной Азии»⁶². Сукарно расценил этот документ как свидетельство того, что США «предпочли Малайзию Индонезии»⁶³.

Обстановка накалялась, и это грозило стране различными осложнениями. Тем не менее в своем обращении к народу 17 августа 1964 года Сукарно призвал продолжать борьбу за сокрушение Малайзии, даже если бы ее «поддерживал десяток империалистических держав». Создав и раздув конфликт, он призвал свой народ «жить с риском». Подобная смелость и готовность пойти на риск подогревались маоистским Китаем, руководители которого в начале сентября 1964 года стали заверять, что китайский народ всеми силами поддержит Индонезию. Именно при поощрении Пекина Сукарно, определивший наш век как «эру конфронтации» и выдвигавший «конфронтацию с Малайзией» в качестве образца для всемирной, отвергал всякую возможность мирного урегулирования конфликта.

В сентябре 1964 года правительство Индонезии перешло к более решительным действиям против Малайзии. Между Индонезией и Малайзией начались небольшого масштаба, но тем не менее военные действия. «Если мы посылаем своих солдат в Малайзию, то это вовсе не означает, что мы нарушаем ее суверенитет, так как государства Малайзии не существует», — заявлял Сукарно в декабре⁶⁴.

Свою политику конфронтации Сукарно стремился представить как соперничество «феодальной» Малайзии и «прогрессивной» Индонезии. Он утверждал, что политика Индонезии якобы не только отвечает стремлениям «новых нарождающихся сил», но и имеет

своей целью «осчастливить» Малайзию — привести ее в ряды НЕФО. Индонезийские руководители выступали против трактовки конфронтации как территориального конфликта. Делались попытки представить сам процесс конфронтации как нечто определяющее прогресс человечества, а Индонезию в качестве «маяка и руководителя» всех прогрессивных сил. На деле же это был конфликт между двумя молодыми независимыми государствами, который мешал развитию национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии.

В ходе конфронтации с Малайзией индонезийско-китайское сближение ускорилося. Президент Сукарно 17 августа 1964 года назвал себя «товарищем Мао Цзэдуна по оружию»⁶⁵. Пекинские руководители стремились использовать Индонезию для раскола блока неприсоединившихся стран и втягивания их в провозглашенную группой Мао «народную войну». В то же время Сукарно, которому не удалось добиться лидерства среди неприсоединившихся стран, стал все дальше отходить от движения неприсоединения, что наглядно проявилось на второй конференции неприсоединившихся стран в Каире в октябре 1964 года.

Еще до начала конференции индонезийская пресса писала, что перед ней якобы стоит альтернатива: принять или «антиимпериалистическую линию», указанную президентом Сукарно, или курс на «абстрактный мир»⁶⁶. Руководители Индонезии утверждали, что характер конференции, ее значение и даже революционность позиций ее участников будут определяться тем, пойдут ли они за Сукарно, который не скрывал, что едет «подталкивать» конференцию на принятие кардинальных решений.

Сукарно первым взял слово на конференции и, чтобы задать тон, произнес речь, которую он назвал «Эра конфронтации». В ней он подверг резкой критике политику неприсоединения, характеризуя ее как чуть ли не отход от антиимпериалистических позиций. Сукарно призывал отказаться от политики неприсоединения и мобилизовать все «новые нарождающиеся силы» на немедленное развертывание борьбы против «старых установившихся сил»⁶⁷. Этот левый лозунг абсолютно не учитывал объективную обстановку, отвергая политику неприсоединения как

реально существующий, исторически сложившийся фактор, как специфическую форму антиимпериалистической борьбы молодых независимых государств.

В речи на конференции Сукарно противопоставил принципы мирного сосуществования национально-освободительному движению. В конечном итоге Сукарно свел мирное сосуществование лишь к сосуществованию двух держав — СССР и США, полностью отвергнув его приемлемость для стран Азии, Африки, Латинской Америки и даже для других социалистических стран.

Такая постановка вопроса не имела ничего общего с подлинным содержанием политики мирного сосуществования. В то время, когда политика мирного сосуществования, как особая форма классовой борьбы, обеспечившая возможность добиться независимости большинству бывших колоний, становилась не только возможной, но и необходимой, Сукарно вступил на путь ее подрыва под псевдореволюционными лозунгами. На деле этот мелкобуржуазный революционаризм наносил большой вред борьбе против империализма. Логическим завершением эволюции взглядов Сукарно явился его отказ подписать декларацию Каирской конференции, в которой отмечалось, что человечество должно рассматривать мирное сосуществование как единственный путь к укреплению мира во всем мире, а политику неприсоединения как мощную и динамичную силу, способствующую всеобщему миру и повышению благосостояния народов⁶⁸.

Серьезные изменения в тот период претерпела и сукарновская концепция НЕФО. Несмотря на заявление Сукарно о том, что социалистические страны и прогрессивные силы капиталистических стран входят в «новые нарождающиеся силы», эта концепция все чаще использовалась им для умаления роли и значения стран социализма в мировом революционном процессе. И вообще Сукарно то включал социалистические страны в мировые революционные силы, то исключал их. Неизменным оставалось одно: ветер с Востока «довлеет» над ветром с Запада, XX век — век НЕФО, а лидеры НЕФО — КНР и Индонезия. Осенью 1964 года Сукарно прямо призывал создать «новый

мир» с помощью НЕФО, домогаясь лидерства в афро-азиатском блоке.

Констатируя, что Москва и Вашингтон мирно существуют, он «проталкивал» китайский тезис о том, что в главное противоречие с империализмом вступили страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые являются героями новой эры и решающим фактором истории. Надуманно противопоставляя политику мирного сосуществования, проводимую Советским Союзом, интересам национально-освободительного движения, утверждая, что СССР якобы нет дела до неприсоединившихся стран⁶⁹, Сукарно пытался втянуть страны Азии и Африки в орбиту индонезийско-китайского влияния*.

Особенно наглядно этот курс проявился в вопросе об участии Советского Союза во второй конференции стран Азии и Африки. На заседании подготовительного комитета конференции, проходившем в Джакарте весной 1964 года, делегация Индии внесла предложение пригласить на конференцию Советский Союз как крупнейшую азиатскую державу. Китайская делегация пригрозила покинуть заседание, если Индия не снимет свое предложение. Молчание Индонезии фактически означало согласие с позицией КНР. Представители КНР и Индонезии настояли на принципе единогласия при решении вопроса об участии в конференции той или иной страны. В результате Сукарно получил возможность заблокировать вопрос об участии в конференции Малайзии, а пекинские руководители — СССР. Группа Мао Цзэдуна не скрывала своего удовлетворения этим фактом.

Параллельно сближению Сукарно с пекинскими руководителями по государственной линии** происходило сближение лидеров КПИ с группой Мао Цзэдуна по партийной линии. Все это объективно вело к усилению влияния КНР в Индонезии и несомненно приближало момент столкновения Сукарно и руководства КПИ с их политическими противниками в стране, которые всегда занимали антикитайские позиции.

---

* Его заместитель Х. Салех утверждал, что в отличие от СССР КНР, как азиатская страна, имеет якобы больше «прав» влиять на Азию и районы Тихого океана⁷⁰.

** Только в 1963 году Индонезия послала 40 различных делегаций в КНР, а из КНР в Индонезию прибыло 30 делегаций⁷¹.

Несмотря на то что в 1964 году страна жила конфронтацией с Малайзией, даже эта «общенациональная» кампания не смогла ослабить накала классовой борьбы. Ее вспышка была связана с требованием КПИ ускорить проведение аграрной реформы. В то время руководство КПИ, все более склонявшееся к пекинской формуле о решающей роли крестьянства в такой части «мировой деревни», как Индонезия, приняло решение не только об опоре на крестьянство, но и «об интеграции Компартии с крестьянством». Чтобы обеспечить себе поддержку крестьянских масс, КПИ развернула широкую кампанию «односторонних действий», выразившихся в захвате крестьянами излишков земли явочным путем.

В июне «односторонние действия» приобрели повсеместный характер. Эти действия встретили ожесточенное сопротивление со стороны сельских эксплуататоров и поддерживающих их «кабиров». Сукарно в речи 17 августа потребовал скорейшего проведения аграрной реформы не на словах, а на деле, заявив о своем согласии со всеми действиями, которые направлены на устранение препятствий на ее пути. Он также призвал крепить единство НАСАКОМ и отметил прогрессивное значение деятельности КПИ.

Несмотря на поддержку действий КПИ со стороны президента, влиятельные группировки в таких партиях, как «Мурба», Христианская, Католическая, Национальная, Нахдатул Улама, развернули широкую кампанию против Компартии, обвиняя ее в расколе Национального фронта, в намерении захватить власть. Наступление на КПИ приняло форму «защиты учения Сукарно».

В сентябре 1964 года было создано «Общество защиты сукарноизма» — БПС. Эта организация выступила с предложением провести четкую границу между учением Сукарно и всеми формами коммунистического мышления, имея своей целью лишить Компартию поддержки президента. БПС опиралась на «Мурбу», Христианскую и мусульманские партии, правое крыло НПИ и армию. Насутион считал, что «Общество защиты сукарноизма» — наиболее мощное и сильное движение против Компартии за все последние годы, и оно призвано оказать большое влияние на будущее страны⁷².

Во время нового продолжительного отсутствия президента осенью 1964 года этот блок, выступавший против КПИ, активизировал свою деятельность. 26 октября 1964 года газета «Революционер» — рупор БПС даже опубликовала статью, в которой говорилось, что «борьба против КПИ так же важна, как конфронтация с Малайзией»⁷³. Правые вычеркивали «КОМ» из лозунгов «НАСАКОМ».

Соотношение сил внутри системы «направляемой демократии» изменилось. Возникла реальная угроза политике балансирования и личной власти Сукарно. В этой обстановке президент, почуяв опасность и продолжая утверждать, что он «друг самых революционных», совершил поворот на 180 градусов в вопросе об аграрной реформе. Он отказался фактически от ее проведения и поставил вне закона «односторонние действия» крестьян. Этой «революции снизу», как называл ее Айдит, был положен конец в декабре 1964 года. Лидеры десяти политических партий в присутствии Сукарно подписали так называемую Богорскую декларацию, в которой подтвердили свою решимость усилить борьбу за сокрушение Малайзии и крепить национальное единство на основе НАСАКОМ. Декларация требовала отказа от «односторонних действий при решении аграрных конфликтов и использования метода переговоров и консультаций между крестьянами и помещиками»⁷⁴.

Подписание Богорской декларации явилось победой сельских эксплуататоров и бюрократического капитала, связанного с ними. Это предопределило равнодушное отношение крестьянства к дальнейшей судьбе «направляемой демократии». Декларация потворствовала правым силам, укрепляла их веру в безнаказанность. Богорская декларация существенно ослабила позиции КПИ, а в конечном счете и самого Сукарно.

Если вначале «направляемая демократия» сковывала активность правых, то теперь она стала серьезным тормозом для развития демократического движения. Это и определило ее последующий крах, ибо «никакая реформа не может быть прочной, подлинной и серьезной, если она не поддерживается революционными методами борьбы масс»⁷⁵.

Пытаясь нейтрализовать неблагоприятные для себя последствия Богорской декларации, Сукарно в конце года запретил «Общество защиты сукарноизма» и всякую дальнейшую интерпретацию своего учения. Он снова стал подчеркивать свою готовность к тесному сотрудничеству с КПИ.

Правые силы увидели, что их победа в Богоре не гарантирована. Они стояли перед дилеммой: либо окончательно подчинить Сукарно своей воле, либо попытаться устранить его.

Год жизни в опасности

У нас немало достижений. И все же главное из них это то, что мы выжили.

Сукарно

8

Сукарно стремился сбить накал политической борьбы внутри страны внешнеполитическими акциями. 6 января 1965 года на массовом митинге во Дворце спорта в Джакарте президент объявил о выходе Индонезии из ООН в связи с тем, что Малайзия стала непостоянным членом Совета Безопасности. Он призвал не бояться связанных с этим осложнений, ибо, «чем больше трудностей преодолевает государство, тем оно становится сильней»¹. Это решение Сукарно было встречено в политических кругах страны без всякого энтузиазма.

20 января Сукарно заявил на приеме во дворце: «Народ долго терпел ООН, но теперь чаша терпения переполнилась»². А 21 января У Тану было вручено официальное послание о выходе Индонезии из ООН. В нем отмечалось, что присутствие Малайзии в ООН якобы является новым подтверждением того, что этой международной организацией заправляют державы «неколима»^{*3}.

В 1960 году, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи, Сукарно говорил: «...мы, индонезийцы, особенно заинтересованы в ООН. У нас есть особое основание желать этой организации процветания и успеха. Благодаря ООН период нашей борьбы за независимость и национальную жизнь был сокращен»⁴.

На первых порах могло казаться, что решение о выходе из ООН было принято

---

* Сокращение от слов: неоколониализм, колониализм, империализм.

Сукарно в порыве гнева. Однако находившийся в то время в Пекине Субандрио заявил, что этот шаг президент тщательно обдумал⁵.

Решение о выходе Индонезии из ООН не было одобрено странами социалистического содружества и большинством неприсоединившихся государств. Тито, Насер и Бандаранаике обратились к Сукарно с призывом пересмотреть его. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин направил Сукарно специальное послание. Советский Союз и другие социалистические страны справедливо считали, что этот «крайний шаг» был бы незамедлительно использован в ущерб самой Индонезии и всему антиимпериалистическому лагерю.

Выход Индонезии из ООН вел к ее изоляции от стран Азии, Африки и Латинской Америки. Так, на праздновании 10-й годовщины Бандунгской конференции в апреле 1965 года в Индонезию прибыло немногим более 30 делегаций, а ожидалось около 60. Выход Индонезии из ООН встретил решительную поддержку лишь у пекинского руководства. «Жэньминь жибао» охарактеризовала шаг Индонезии как «смелый и революционный»⁶. «Это — день, который нужно вписать большими буквами в историю антиимпериалистической борьбы индонезийского народа. Выход из ООН показал, что Индонезия — это революционное государство. Не опираясь на ООН, а только избавившись от ее вмешательства, можно эффективно защищать мир во всем мире. ООН — «бумажный тигр». Если преклоняться перед ней, свяжешь себе руки и ноги и окажешься в распоряжении американского империализма»⁷, — писала газета «Дагунбао», призывая положить конец «культу ООН».

Выход Индонезии из ООН, предпринятый якобы «с целью усиления борьбы против империализма», как нельзя более отвечал стратегическим планам маоистских лидеров Пекина, которые призывали к созданию параллельной, так называемой «революционной» ООН. С таким предложением выступил, в частности, Чжоу Эньлай. Хотя Сукарно заявлял, что Индонезия не собирается создавать «союз новых революционных сил», а просто готовит конференцию «новых нарождающихся сил» — КОНЕФО, которую он называл «вершиной индонезийской революции», характер этой подготовки

показал, что КОНЕФО планировали превратить в эту «революционную ООН». В Джакарте с помощью КНР строилось грандиозное здание, специально предназначенное для проведения этой конференции.

«Новая ООН» по замыслам китайских лидеров должна была стать орудием их борьбы за достижение гегемонистских целей. Попытки китайских и индонезийских руководителей создать новую международную организацию, которая бы действовала вопреки ООН, на деле вели к расколу единого фронта борьбы против империализма.

Выход из ООН, политическая изоляция Индонезии привели к тому, что КНР стала основным внешнеполитическим партнером Индонезии. Чжоу Энлай подчеркивал, что с тех пор, как Сукарно заявил о выходе Индонезии из ООН и направил Субандрио на переговоры в Пекин, «отношения между КНР и Индонезией достигли нового, еще более высокого уровня».

В индонезийско-китайском коммюнике, подписанном в Пекине 28 января 1965 года, содержалось уточнение, на какой именно основе происходило достижение этого «нового, еще более высокого уровня»: одобрялся выход Индонезии из ООН, подчеркивалась невозможность мирного сосуществования между НЕФО и ОЛДЕФО, подтверждалась верность принципу «стоять на собственных ногах». Индонезии предоставлялся новый кредит на сумму 80 млн. долларов⁸.

Хотя Субандрио утверждал, что между Индонезией и КНР не было заключено военного союза или пакта, пекинские лидеры всемерно стремились уверить Сукарно в том, что в случае расширения военных действий Индонезия может рассчитывать на военную помощь Китая.

Во время китайско-индонезийских переговоров в январе 1965 года фактически была оформлена ось «Пекин — Джакарта». Эту «ось» в обеих столицах расценивали как «решающий шаг» в деле построения нового мира, как «необходимое условие победы революции человечества», гарантию безопасности и мира для азиатских народов⁹.

По мере сближения Джакарты и Пекина во внешней политике Индонезии происходили все более кардинальные изменения. Правительство Сукарно, подпи-

савшее Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, к концу 1964 года заняло позицию, противоречащую его духу. В 1964 году индонезийские руководители приветствовали испытание первой китайской атомной бомбы. Газеты на первых полосах писали, что благодаря этому мир в Азии и во всем мире якобы стал более надежным, а НЕФО — более сильными в борьбе со «старыми установившимися силами»¹⁰. «Сейчас у Азии и Африки есть своя атомная бомба»¹¹, — говорил президент в апреле. Сукарно и его окружение радовались тому, что КНР вошла в число ядерных держав, очевидно имея в виду возможность в перспективе ядерного сотрудничества с Пекином. «Если нужно, мы будем защищать нашу независимость даже с помощью атомной бомбы...»¹² — уверял президент. А летом 1965 года он заявил, что «если богу будет угодно, то Индонезия скоро создаст свою атомную бомбу»¹³. Выдавая испытания ядерного оружия в КНР за фактор, способствующий коренному изменению соотношения сил в мире, руководство Индонезии по существу призывало к их продолжению.

В 1965 году Сукарно, подталкиваемый Пекином, перешел к открытым нападкам на политику неприсоединения и мирного сосуществования. Он пытался доказать, что если неприсоединившиеся страны не встанут на путь прямых атак против империализма, то их «неприсоединение» якобы будет «присоединением к империализму»¹⁴. Сукарно стал даже избегать термина «неприсоединение», все чаще заменяя его термином «внеблоковая позиция», которая «возможна лишь в отношении НАТО и Варшавского пакта, СССР и США, но не в отношении империализма и антиимпериализма».

Выступления индонезийских лидеров против политики неприсоединения и мирного сосуществования нашли логическое завершение в том, что они совместно с группой Мао Цзэдуна активно содействовали разжиганию конфликта между Индией и Пакистаном в сентябре 1965 года, участие в котором на стороне Пакистана объявили «долгом НЕФО»¹⁵.

Если вначале ориентация на страны Азии и Африки не мешала плодотворному сотрудничеству с социалистическими странами, то в 1964—1965 годах этот

курс приобрел уродливую форму и все больше вел к самоизоляции Индонезии от СССР и социалистических государств Восточной Европы. Весной 1965 года Сукарно открыто выступил с обоснованием необходимости создания экономического блока афро-азиатских стран, заявив, что факт существования «Общего рынка» и СЭВ заставляет молодые страны объединять свои силы в области экономики, чтобы ликвидировать этот «заговор неокOLONиализма, колониализма и империализма»¹⁶.

Сам по себе лозунг «стоять на собственных ногах» и отказ от иждивенческих настроений, стремление к экономической независимости от империализма не могут вызвать возражений. Однако в конкретных условиях Индонезии выдвижение этого лозунга объективно вело к изоляции молодого независимого государства от его союзников — стран социалистического содружества. Индонезия все более начинала «опираться» не на собственные ноги, а на помощь Запада. 90 процентов ее внешнеторгового оборота приходилось на капиталистические страны. Китай не мог оказать Индонезии эффективной экономической поддержки. По кредитам и в качестве безвозмездной помощи КНР обещала предоставить Индонезии до конца 1967 года всего лишь 218,2 млн. долларов¹⁷. Но и это обещание не было выполнено.

Хотя во внешнеполитических концепциях Сукарно было много общего с пекинскими, было бы неправильно считать, что президент Индонезии отождествлял свой курс с политикой группы Мао Цзэдуна. Сближаясь по целому ряду вопросов с позицией лидеров КНР, Сукарно всегда стремился сохранить свободу рук и возможность балансирования между Китаем и странами социалистического содружества, между Китаем и странами Запада, между Западом и странами социализма и добиваться таким путем своих собственных целей. Так, если лидеры КНР утверждали, что центр мирового революционного движения будто бы переместился с Запада на Восток, прежде всего в Китай как самую крупную и наиболее революционную страну, то Сукарно, превыше всего ставя индонезийский национализм*, не был намерен усту-

---

* Даже Индийский океан был переименован им в Индонезийский, а Гринвичский меридиан — в Джакартский.

пить лидерство великоханьским гегемонистам. Он утверждал, что, проводя политику конфронтации с Малайзией, «Индонезия стала маяком для мира и человечества и заняла выдающееся место среди государств Азии, Африки и Латинской Америки и социалистических стран»¹⁸.

Сукарно заявлял, что для неокOLONиализма и империализма в 1965 году «врагом номер один» стала Индонезия, на которую они «перенесли свою ненависть», хотя «раньше боялись Москвы»¹⁹, что индонезийская революция определяет содержание революции всего человечества. «Затаив дыхание мир смотрит на Джакарту, потому что сегодняшний день Джакарты — это завтра Азии и Африки»²⁰, — демагогически твердил он. Объявляя индонезийскую революцию «величайшей» и «возможно последней революцией», «народной революцией XX века», Сукарно пытался тем самым обосновать свое «право» на руководство борьбой НЕФО против ОЛДЕФО, которая «сконцентрировалась в Юго-Восточной Азии». Сукарно пытался спекулировать на героической борьбе вьетнамского народа против агрессии США для подтверждения своих теоретических выкладок. Он заявил, что «Индонезия и ДРВ находятся на передовой линии борьбы с империализмом»²¹.

Индонезийские руководители пропагандировали тезис о якобы исключительно благоприятной революционной обстановке в Юго-Восточной Азии, «созданной благодаря индонезийской политике конфронтации». Сукарно стремился представить эту конфронтацию как последнюю решительную битву, которая явится прологом всемирной борьбы против империализма, создаст революционную ситуацию во всем мире.

На праздновании Международного женского дня президент утверждал, что индонезийский народ полон решимости сокрушить Малайзию и что ни один партизан не будет выведен с Северного Калимантана. В связи с планами проведения новой встречи лидеров двух стран был организован поток писем от «различных представителей индонезийского народа», в которых они просили Сукарно не ездить на переговоры с Абдул Рахманом и продолжать «сокрушение Малайзии».

Индонезийские диверсионные группы активизировали вторжение на территорию Малайзии. Сукарно выступал за усиление политики конфронтации с тем, чтобы «огонь революции» распространился на весь район Юго-Восточной Азии. Он утверждал, что Малайзия создана англичанами с помощью «клея и ножей» и его политика конфронтации ускорит ее развал.

Однако так называемый «развал» Малайзии был вызван внутренними причинами, а вовсе не индонезийской политикой конфронтации. 9 августа Сингапур вышел из федерации. Этот выход был результатом обострения противоречий между феодально-буржуазной верхушкой Малайи и китайской буржуазией Сингапура. После выхода Сингапура из федерации Индонезия отказалась его признать, прислушиваясь, с одной стороны, к советам Пекина, а с другой — стремясь сохранить состояние внешнеполитического конфликта, необходимое Сукарно.

Политика конфронтации, призванная поддерживать и сохранять национальное единство, на самом же деле ускорила политическое размежевание в стране и политический взрыв. Конфронтация с Малайзией поглощала 80 процентов государственного бюджета и угрожала стране экономическим крахом. Эта политика привела к укреплению экономических и политических позиций армии и бюрократического капитала, превращению их в доминирующую силу в стране.

Правый блок в годы «направляемой демократии» настолько окреп, что начал считать Сукарно с революционными атрибутами его системы «лишней» фигурой. Правых пугало, что он допускал существование, а временами и укрепление КПИ и массовых левых организаций, поощрял их выступления против «кабиров» и помещиков, могущие выйти из-под контроля. По мере укрепления правого блока взятие всей полноты власти в свои руки становилось для него жизненно необходимым. Временная передышка, покоившаяся на компромиссе и выразившаяся в проведении политики противоборства с Малайзией, не могла длиться бесконечно.

Чувствуя, что созданный им баланс нарушился, Сукарно провел ряд срочных мер. По его настоянию апрельская сессия ВНКК 1965 года приняла решение

запретить пропаганду против национализма, религии и коммунизма.

Камнем преткновения по-прежнему оставалась экономика. Экономический хаос постепенно подрывал веру народа в Сукарно и в мудрость его руководства. В речи «Стоять на собственных ногах» Сукарно призвал «повернуть руль» и пересмотреть 8-летний план, который еще в декабре 1961 года был утвержден как государственный курс в области экономики. Он предложил начать выполнять с 1966 года трехлетний план, «более простой, но более реалистичный», который даст возможность «стоять на собственных ногах»²². Президент призывал сделать сельское хозяйство основой народного хозяйства, претворить в жизнь Основной аграрный закон и Закон о разделе урожая, стабилизировать цены, ликвидировать инфляцию, осуществить национализацию, а когда необходимо, и конфискацию всех иностранных предприятий враждебных государств.

В апреле 1965 года был издан декрет об установлении государственного контроля над иностранными предприятиями. Летом 1965 года, по сообщению правительства, 90 процентов иностранного капитала в Индонезии было национализировано или взято под контроль²³. Национализация иностранного капитала является одной из важнейших целей и акций национально-демократической революции, но она должна быть хорошо подготовленной и своевременной. Меры же правительства Индонезии были несвоевременны и невыгодны государству. Страна переживала глубокий экономический кризис и была не в состоянии обеспечить нормальное функционирование даже имевшихся государственных предприятий.

Такой курс неизбежно вступал в острейшее противоречие с объективными потребностями закрепления основных политических достижений, стабилизации внутренней обстановки, восстановления народного хозяйства, углубления социального содержания процесса революционных преобразований.

За попытки волюнтаристски решать социально-экономические задачи история жестоко наказывает не только авантюристов, но и политических романтиков. Национализация иностранных предприятий привела к еще большей дезорганизации производства, облегчила

открытый грабеж государственного сектора военно-бюрократической буржуазией. Из-за отсутствия эффективного демократического контроля национализация способствовала дальнейшему накоплению капиталов и разрывовыванию государственных предприятий, созданию «подпольных» собственных, находившихся в руках «капиталистов-бюрократов».

Захватившая государственный сектор бюрократическая буржуазия, которая не только развалила экономику, но и выхолостила из «индонезийского социализма» его демократическое содержание, тяготилась государственной опекой, выступала за пересмотр политики в отношении частного сектора. Под ее нажимом правительство в связи с нехваткой средств открыло доступ частному капиталу в строящиеся предприятия государственного сектора и продало частным предпринимателям ряд начатыхстроек. Государственный сектор приходил в упадок. Уже в конце 1964 года министр промышленности Х. Салех констатировал, что из запланированных 335 объектов было начато строительство лишь 200²⁴.

Предприятия простаивали из-за отсутствия сырья. На полную мощность работали только печатные станки, выпускавшие банкноты, стоимость которых падала с каждым выпуском. Казна пуста. Поступления от государственных торговых компаний составляли от 2 до 15 процентов запланированных сумм. Предприятия государственного сектора дали правительству в 1964 году лишь 110 млн. рупий против 500 млн. в 1961 году²⁵. Дефицит бюджета в 1965 году достиг 800—900 млрд. рупий²⁶.

Даже в такой критической ситуации Сукарно проявлял колебания, нерешительность, стремился «отодвинуть» проблемы. Он неизменно подчеркивал, что первоочередной задачей является «строительство нации» и укрепление ее международного престижа.

Националистический угар проник во все сферы жизни общества. Так, заместитель главнокомандующего ВВС Индонезии вице-маршал Будиарджо заявил на пресс-конференции, что в 1968 году Индонезия сможет послать в космос первого космонавта. «Такова мечта Сукарно»²⁷, — сказал он. Прикрываясь надуманными международными обязательствами и фан-

тастическими проектами поднятия национального престижа, правительство объявляло неуместными и несвоевременными любые требования повышения материального благосостояния народа. Тех, кто утверждал, что экономическое развитие не мешает «строительству нации» и даже более важно, чем внешняя политика «маяка», объявляли сбитыми с толку империализмом, политически малограмотными.

Призывая индонезийскую революцию быть «революцией растущих требований», Сукарно оказался не в состоянии их удовлетворить. Хотя массы верили ему как мессии, он потерпел поражение, натолкнувшись на кризис растущих надежд.

Отвечая критикам, упрекавшим президента в пренебрежительном отношении к экономическим проблемам, Сукарно утверждал, что в стране нет экономических трудностей, что народ питается довольно прилично по сравнению с «голодающей Индией»²⁸. А на праздновании 45-й годовщины КПИ Сукарно, дабы покончить с разговорами о нехватке продовольствия в стране, даже спел песенку об изобилии в Индонезии²⁹.

Недооценка экономических нужд нанесла огромный ущерб стране. Опыт Индонезии служит наглядным свидетельством того, сколь опасными и вредными могут быть попытки одностороннего выпячивания внешнеполитических и идеологических аспектов революции в ущерб социально-экономическим.

Несмотря на призыв «повернуть руль» во всех областях жизни, Индонезия двигалась прежним курсом, ведшим ее к экономическому краху. Доходы страны катастрофически таяли, а бюрократический аппарат непомерно расширялся. В стране насчитывалось 700 тыс. государственных служащих, в то время как в период колониального режима их было 140 тыс. Многие приходили на работу только для того, чтобы не быть уволенными. Сукарно учреждал новые и новые министерские посты. Появились даже министры «по делам стояния на собственных ногах»; старые министерства дробились на несколько новых. К концу правления Сукарно его кабинет стали называть «кабинетом ста», поскольку в нем было 100 министров. Шутили, что сам президент уже не знает в лицо всех членов правительства.

Изменилась и моральная атмосфера в стране. Честно работавший человек не мог прокормить семью, сколько бы он ни трудился. Зарплата даже высокооплачиваемого государственного служащего в конце 1965 года составляла около 200 тыс. старых рупий, а чтобы обеспечить элементарные расходы семьи из 5—6 человек, требовалось 750 тыс. рупий³⁰. На жалование было невозможно жить. Одни вставали на путь коррупции и мошенничества, другие были вынуждены подыскивать дополнительную работу, в конечном итоге пренебрегая своими основными обязанностями.

В 1965 году правительство Индонезии практически утратило контроль над массой денег, находившихся в обращении. К концу 1964 года она составляла 600 млрд., а к сентябрю 1965 года — 1 500 млрд. рупий³¹. Официальный курс индонезийской рупии в этот период составлял 45 рупий за 1 ам. доллар; в то же время на черном рынке в ноябре 1964 года 1 ам. доллар стоил 9 тыс. рупий, а к сентябрю 1965 года — более 20 тыс.³² Запасы иностранной валюты сократились с 400 млн. долларов в 1960 году почти до нуля³³. В 1962 году Индонезия выпустила свою первую банкноту стоимостью 2 500 рупий, в 1963 году — первую банкноту стоимостью 5 000 рупий, в 1964 году — банкноту стоимостью 10 000 рупий³⁴. Признавая неудержимый рост инфляции, Субандрио тем не менее утверждал, что через год, как приказал президент, экономические затруднения «будут преодолены»³⁵.

В приказах и декретах недостатка не было. В сентябре президент Сукарно дал команду ликвидировать инфляцию в течение одного года. Но никаких серьезных усилий для оздоровления экономики и улучшения положения трудящихся не предпринималось. За годы «направляемой демократии» стоимость жизни возросла более чем на 2 000 процентов³⁶. Для относительной стабилизации жизненного уровня населения зарплата стабильно выплачивалась натурой.

Нищие и безработные бродили по городам в поисках пищи и работы. В Джакарте, Сурабае таких изгоев были тысячи. Они спали на тротуарах, в канавах. В случае приезда в столицу знатных иностранных гостей их собирали и на машинах вывозили

за город. Гости уезжали, и они снова заполняли города.

Оценивая экономическое положение в стране к осени 1965 года, один индонезийский экономист заявил: «Нелепо говорить о том, что мы приближаемся к банкротству. Мы уже банкроты»³⁷. Несмотря на это, Сукарно продолжал подчеркивать, что у правительства нет оснований для пессимизма, напротив, оно по-прежнему убеждено, что в скором времени страна сможет достичь таких успехов, которые «поразят мир»³⁸.

Однако отказ от социально-экономических преобразований, от чистки погрязшего в коррупции государственного аппарата закономерно привел к пере рождению индонезийской мелкобуржуазной демократии. Превратившись в замкнутую политическую группировку, связанную личными отношениями, правящая элита во главе с Сукарно объективно задерживала развитие страны, обрекала ее на застой. От полного краха систему удерживало лишь умелое политическое маневрирование президента.

Этой затянувшейся паузой в революции воспользовались противники ее дальнейшего углубления, резко укрепившие свои позиции. Армейская верхушка, которая выступала в союзе с «кабирами», была намерена не только разгромить Компартию, служившую опорой режима Сукарно слева, но и отстранить от власти самого президента, если он не капитулирует перед военными.

Главной целью правых сил было «убрать» КПИ, которой, по мнению генерала Насутиона, «удалось избежать удара» в результате подписания Богорской декларации. На сторону правых кругов перешли и религиозные партии, видевшие в лице КПИ главную угрозу.

В стране активизировалась и деятельность сторонников запрещенных ПСИ и Машуми, считавших себя «естественными союзниками армии»³⁹. «Но чтобы этот союз стал реальностью, следует прежде всего свергнуть Сукарно»⁴⁰, — писал один из лидеров ПСИ, Сумитро. Таким образом, в 1965 году в Индонезии сложился блок правых сил, направленный как против Компартии, так и против президента.

Биограф Сукарно Синди Адамс отмечала, что один из высокопоставленных военных в начале 1965 года заявил ей: «...мы ждем лишь подходящего момента, и, когда он наступит, мы двинемся, мы отстраним Сукарно от власти»⁴¹.

По мере того как правый блок консолидировался, президент все больше демонстрировал сближение с КПИ, видя в ней единственную массовую опору «направляемой демократии»*.

В январе 1965 года — последнего, самого бурного и трагического года «направляемой демократии» — Сукарно перешел в контрнаступление против своих политических противников, стремясь отвоевать захваченные ими ключевые позиции и восстановить нарушенный баланс сил. Это затронуло прежде всего деятельность «Мурбы» — численно небольшой политической партии, но имевшей большое влияние в правительстве и государственном аппарате**.

На первый взгляд могло показаться странным, почему Сукарно, пользовавшийся поддержкой этой партии, назначавший многих ее деятелей на важные государственные посты, пошел на «замораживание» деятельности «Мурбы»? Вероятно, объяснение этого следует искать в политике президента, сводившейся на этом этапе к усилению своих позиций и позиций КПИ как противовеса своим противникам, на чью сторону все более переходила сама «Мурба»***. Издав в январе распоряжение о приостановлении деятельности «Мурбы», Сукарно призвал партии, поддерживавшие

---

* К этому времени Компартия, по заявлениям ее руководителей, насчитывала более 3 млн. членов и руководила многими массовыми организациями⁴².

** Согласно своей программе, «Мурба» выступала против феодализма, капитализма, империализма и за построение в Индонезии социалистического общества. Однако лидеры «Мурбы» постоянно выступали против КПИ и ее руководителей. Они подчеркивали, что в отличие от КПИ их партия — национальная, осуществляющая синтез национализма и социализма и превыше всего ставящая интересы Индонезии и ее трудового народа. Хотя им удалось вовлечь в партию некоторое число рабочих, в основном «Мурба» отражала интересы мелкобуржуазной интеллигенции.

*** Когда газета партии «Мурба» «Берита Индонезия» была закрыта, военные просто перевели ее сотрудников в редакцию армейской газеты «Берита Юдха».

«Политический манифест», очистить себя от лицемеров, сторонников запрещенной им в декабре 1964 года «Организации пропаганды сукарноизма», «насакомофобов», колеблющихся и лживых элементов.

Наступление на правые силы проходило и по линии борьбы с «кабирами», что до 1965 года составляло монополию КПИ. Но в 1965 году, когда Сукарно решил под выдвинутым КПИ лозунгом «Сокрушим экономическую династию» ослабить власть армии и бюрократии, он придал этой кампании национальный размах. Сокрушение «экономической династии» объявлялось теперь главной целью, путем к разрешению аграрных, внутривластных и внешнеполитических проблем. В январе 1965 года Субандрио заявил, что в стране существует «экономическая династия», которая владеет всем, и что необходимо единство не ради единства, а лишь единство революционное, прогрессивное. Он назвал 1965 год трудным годом, годом кристаллизации и подчеркнул, что некоторые прежние товарищи по оружию, возможно, даже станут контрреволюционерами⁴³.

В феврале президент заявил на заседании президиума кабинета, что индонезийская экономика должна снова идти в ногу с революцией. Высший совещательный совет дал указание о применении против «экономической династии» самых суровых мер наказания, и если необходимо — расстрела. Сукарно хотел оказать давление на своих политических противников, запугать их.

45-я годовщина КПИ с ведома и при поощрении Сукарно отмечалась как национальный праздник. 23 мая на центральном стадионе был устроен грандиозный митинг. Повсюду рядом с государственными флагами Индонезии развевались знамена КПИ с серпом и молотом.

В речи на митинге Председатель ЦК КПИ Айдит прямо заявил собравшимся, что «между КПИ и Сукарно существует ясная и законная связь», что «народные массы все больше определяют политику страны»⁴⁴. В ответном слове Сукарно, подчеркнув правильность слов Айдита, заявил, что он, как «великий вождь революции, привлекает к себе КПИ. Смотрите!». И он несколько раз приблизил к себе Айдита. Президент, заявив, что КПИ является «мощным фактором

в деле завершения революции», призвал ее «все время идти вперед и не отступать»^{45*}.

Со своей стороны лидеры КПИ, учитывая соотношение сил в стране, видели в укреплении позиции Сукарно условие дальнейшего легального существования самой партии. Поддержка со стороны Сукарно стала трактоваться ими как усиление «пронародного аспекта» в правительстве, «интеграция руководства государства с чаяниями народа»⁴⁷. Параллельно шел процесс «идейного» сближения руководства КПИ с Сукарно, который утверждал, что его учение — это «марксизм без атеизма», «марксизм, приспособленный к условиям Индонезии». Руководство КПИ призывало коммунистов «стать сознательными проводниками в жизнь революционного учения Сукарно», приписывая этому мелкобуржуазному деятелю «даже мнимые заслуги в... широком распространении в Индонезии научного марксизма, что тем самым порождало в массах ложное представление о Сукарно как якобы об одном из идейных лидеров КПИ»⁴⁸. КПИ отошла от важнейшего положения ленинизма, а именно: идя «во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран ...не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме...»⁴⁹. В «Обращении Марксистско-ленинской группы КПИ» отмечается, что «партия питала все большие иллюзии в отношении президента, что лишало ее свободы и вело к... приведению политики и теории партии в соответствие с политикой и учением Бунга Карно»⁵⁰.

Таким образом, стратегические и тактические установки Компартии фактически ставились в зависимость не от реально сложившейся в стране расстановки сил, а от действий президента. Судьба партии в условиях непрерывно обострявшейся классовой борьбы между левыми силами и реакцией во многом определялась чисто субъективными факторами. Создавалась опасность того, что перед лицом бронированного кула-

---

* Разумеется, президент имел в виду, что КПИ должна идти в указанном им направлении. Сукарно не раз говорил в узком кругу, что руководители Компартии молоды, они еще не съели и пуда «политической соли», и он, как опытный политик, должен и может контролировать деятельность партии⁴⁶.

ка индонезийской реакции партия может оказаться безоружной, не готовой к эффективной обороне.

Популярность самого президента в армии продолжала падать, а Компартия не обладала в сухопутных войсках значительным влиянием. Генерал Насутион утверждал, что примерно 10 процентов офицеров симпатизируют Компартии⁵¹.

Руководство КПИ стремилось укрепить свое влияние в армии двумя путями: созданием народного ополчения — «пятого вида вооруженных сил» и введением в вооруженных силах некоего подобия института политкомиссаров. Председатель ЦК КПИ Айдит во время беседы с президентом Сукарно в первой половине января 1965 года предложил вооружить рабочих и крестьян, чтобы противостоять любой опасности со стороны Малайзии. По словам Айдита, Сукарно, услышав это, «рассмеялся и закивал головой». Но от прямого ответа президент уклонился. Тем не менее при случае он обыгрывал эту тему. Так, 11 февраля, выступая перед рабочими, Сукарно сказал: «У нас есть такие рабочие и крестьяне, которых я в случае необходимости вооружу для защиты независимости родины»⁵².

Руководство вооруженных сил было не на шутку встревожено позицией президента. Министр-координатор по вопросам обороны и безопасности генерал Насутион заявил, что постановка вопроса о создании «пятого вида вооруженных сил» несвоевременна. Он предложил сначала обсудить этот вопрос с главнокомандующими всех видов вооруженных сил и их мнение доложить президенту. Только главком ВВС маршал авиации Омар Дани высказал согласие с вооружением народа. В результате около двух тысяч членов организации «Народная молодежь» стали проходить военную подготовку на авиабазе Халим под руководством офицеров ВВС.

Военное руководство насторожил и выдвинутый Айдитом лозунг «насакомизации во всех областях». Он предложил создать комиссии из всех групп НАСАКОМ, которые бы совместно с соответствующими главками определяли и направляли деятельность вооруженных сил.

Командование вооруженных сил расценивало требование «насакомизации» как попытку лишить ар-

мию автономии и поставить ее под контроль политических партий, и прежде всего левых и просукарновских элементов. Генерал Яни заявил, что не понимает идеи «насакомизации армии», поскольку в душе каждого индонезийца, согласно учению Бунга Карно, «живут все элементы НАСАКОМ»⁵³. Он подчеркнул, что «комиссары в армии не нужны»⁵⁴. Затем он нанес визит Сукарно и после этой встречи заявил корреспондентам: если под «насакомизацией» понимать то, что командующий будет из одной политической партии, а его заместители из других, то подобная «насакомизация» не пойдет⁵⁵.

Это заявление возымело действие. Вскоре Сукарно подтвердил свою уверенность в том, что «все военнослужащие твердо придерживаются принципов НАСАКОМ», и Яни заявил, что Сукарно желает лишь «усиления духовной насакомизации»⁵⁶, т. е. фактически сохранения в армии статус-кво. Военные отстояли свои позиции.

Внутриполитический кризис в Индонезии осложнялся и всевозрастающим вмешательством Пекина. Чжоу Энлай неоднократно предлагал Сукарно стать главнокомандующим «пятым видом вооруженных сил» — армии добровольцев, обещая поставить бесплатно 100 тыс. винтовок. Именно в этот период Сукарно получал от КНР новые заверения в дружбе и обещания поддержки. Китай гарантировал помощь в борьбе против агрессии империализма, а империализм руководство Индонезии неразрывно связывало с его «внутренними агентами», которыми считались все противники Сукарно. «Бинтанг Тимур» писала 26 января 1965 года, что, опираясь на поддержку КНР, можно нанести поражение любой агрессии империалистов и преступной деятельности их лакеев в Индонезии⁵⁷. Объективно руководство КНР своими действиями толкало к развалу и без того непрочный союз политических сил страны.

Попытка политического наступления, предпринятая Сукарно в январе 1965 года, не только не остановила его противников в их решимости положить конец неуголному им курсу президента и его сближению с КНР, но и подтолкнула их к более активным действиям. Армейское руководство фактически «заморозило» конфронтацию, наладило за спиной

президента контакты с военными кругами Малайзии, нейтрализовало идею вооружения народа и «насакомизации» вооруженных сил.

Понимая, что правый генералитет саботирует его политику конфронтации с Малайзией, Сукарно с целью активизировать эту кампанию решил передать руководство ею в руки своих сторонников в вооруженных силах. 11 июля 1965 года он поставил маршала авиации Омара Дани во главе объединенного командования «Готовность» — КОЛАГА⁵⁸.

Но антикоммунистически настроенный генералитет видел главную угрозу не в Малайзии, а в КПИ и сближении Сукарно с ее лидерами. Поэтому военные руководители стремились усилить Командование стратегического резерва армии — КОСТРАД, на которое возлагались прежде всего задачи осуществления «оборонных функций» на Яве⁵⁹. В лице КОСТРАД генералам удалось создать мощную и мобильную силу внутреннего подавления.

Одновременно происходил процесс дальнейшей концентрации всей полноты власти на местах в руках командующих округами, а генерал Насутион стал все активнее выступать с планами «интеграции вооруженных сил» под своим руководством, и в конечном итоге, как справедливо отмечают советские исследователи А. Ю. Другов и А. Б. Резников, «объединенная генеральская группировка не только укрепила свои позиции в организационно-техническом отношении (создание «бронированного кулака» против КПИ), но и добилась исключительно важных политических успехов»⁶⁰.

В середине августа Сукарно снова стал развертывать кампанию против своих политических противников и присоединился к призыву ЦК КПИ «усилить революционное наступление во всех областях». Президент угрожал «кабирам», а Субандрио даже призвал народ расправиться с ними. В их речах под терминами «бюрократические капиталисты» и «расхитители» подразумевалось прежде всего армейское командование*. «Если раньше ты и был заслуженным

---

* Генералы понимали это. 2 апреля 1966 года газета «Ангкитан Берсенджата» писала: «Эти люди изобрели термины «кабиры», «экономическая династия» и приписывали их «зеленым рубашкам», т. е. военным».

генералом, а сейчас раскалываешь национальное революционное единство, то сегодня ты — реакционер»⁶¹, — говорил Сукарно. А после заявления президента о том, что «даже тысяча генералов не сможет победить сердце, любящее родину»⁶², исчезли последние сомнения в отношении того, в ком он видел своих врагов.

У Сукарно не было иного выхода, кроме консолидации левых сил с целью оказания давления на своих противников. Прежде всего он добился сближения между левым крылом НПИ и КПИ, а затем распустил «Мурбу», вставшую в оппозицию его политике, и добился исключения из НПИ и других партий правых группировок. Однако необходимо отметить, что эта «консолидация» и «полевение» политических сил были иллюзорными, ибо партии оставались на старых политических позициях, а с КПИ сближалось лишь их руководство. Это были поверхностные тактические изменения, которые в конечном итоге свелись лишь к консолидации сторонников Сукарно в политических партиях.

В сентябре с разрешения властей руководством КПИ, Национальной партии и других левых групп в Джакарте было организовано несколько демонстраций под лозунгом «Смерть кабирам!». Приветствуя эти выступления, Субандрио заявил, что между «рабочими и капиталистами-бюрократами не может быть компромисса и их сокрушение — необходимое условие для завершения революции»⁶³. «Власть должна принадлежать народу, который должен вырвать ее из рук «кабиров»»⁶⁴, — призывал он. Верховный прокурор сообщил, что правительство уже готово начать тотальную операцию по ликвидации капиталистов-бюрократов и что она начнется в ближайшее время⁶⁵. «Молот правосудия уже занесен», — заявил министр юстиции⁶⁶. 29 сентября Сукарно на студенческом митинге прямо призвал «раздавить генералов, которые стали защитниками контрреволюционных элементов»⁶⁷.

Несмотря на все эти призывы, кампания против «кабиров» носила чисто декларативный характер. Сукарно не стремился ни к каким кардинальным революционным преобразованиям. Организуя всю эту кампанию или давая разрешение на нее, президент

стремился лишь оказать нажим на своих противников, заставить их пойти на уступки и сохранить за собой власть ценой очередного компромисса. По сути дела Сукарно не предпринял ничего, кроме очередной серии политических маневров и полумер, которые носили в основном словесный характер и не сопровождались выступлениями масс, и поэтому смог добиться лишь некоторой политической дискредитации своих противников, тогда как их реальные экономические и политические позиции остались неуязвимыми. Правые силы, прекрасно понимая это, не собирались идти на компромисс с президентом и отказываться от своих целей. Атмосфера в стране накалилась до предела.

30 сентября

Если вы не воспользуетесь властью,
вы потеряете ее.

Сукарно

9

К осени 1965 года в стране стали муссироваться слухи о государственном перевороте, готовящемся «советом генералов», под которым подразумевалась группа военных руководителей, не одобрявших курс Сукарно. Президент, получив информацию об этом от заместителя премьера, министра иностранных дел и начальника разведывательного управления Субандрио, встревожился. В последнее время Сукарно все более подпадал под влияние своего министра иностранных дел, связывавшего свою политическую карьеру с укреплением индонезийско-китайского сближения. Пекин был заинтересован в том, чтобы с политической арены Индонезии были устранены силы, которые выступали против дальнейшего укрепления оси «Пекин — Джакарта». Не исключено, что и Пекин, и Субандрио умело дезинформировали президента.

20 сентября Сукарно вызвал во дворец генералов Насутиона и Яни и сообщил им об имеющихся у него сведениях. Генералы утверждали, что никаких планов переворота у военных нет.

Поскольку президент продолжал, по свидетельству его адъютанта Бамбанга Виджанарко, получать информацию, подтверждавшую существование «совета генералов», он дал указание командиру одного из батальонов полка личной охраны подполковнику Унтунгу быть наготове и принять меры по обеспечению безопасности президента при первых признаках тревоги¹.

Ходили упорные слухи о том, что переворот будет приурочен к XX годовщине вооруженных сил Индонезии — 5 октября. Празднование этой даты обычно сопровождалось большим военным парадом. На сей раз ответственным за его подготовку президент назначил Унтунга, который вызвал для участия в параде воинские части с Центральной и Восточной Явы. В то же время Унтунг из числа офицеров вооруженных сил создал группу, которая планировала предпринять превентивные меры по предотвращению заговора. О планах Унтунга стало известно Субандрио, Дани, Айдиту.

Узкая группа из руководства КПИ решила поддержать «контрзаговор» Унтунга. Об этом решении не знали не только партийный актив, но даже ЦК и некоторые члены Политбюро. На подобный путь лидеров КПИ подталкивало пекинское руководство, стремившееся применить «идеи Мао» в Индонезии, не считаясь с отсутствием в стране подлинной революционной ситуации².

29 сентября Омар Дани посетил Сукарно и сообщил о намерении группы офицеров предпринять «превентивную акцию» против реакционных генералов сухопутных войск. Он назвал одного из руководителей этой группы, генерала Супарджо, который по вызову О. Дани 28 сентября прибыл в столицу с Северного Калимантана. Выслушав сообщение О. Дани, президент приказал ему прибыть вместе с Супарджо 3 октября утром для доклада в Богор.

Вечером того же дня состоялось совещание группы Унтунга с командирами частей, прибывших с Центральной и Восточной Явы, в котором участвовал и генерал Супарджо. На совещании было решено начать акцию против «совета генералов» ночью 30 сентября.

Вечером 30 сентября Сукарно выступал на митинге во Дворце спорта стадиона «Сенаян» перед участниками слета технических специалистов. Президента по традиции встречали молодые девушки, каждая в национальной одежде своего острова. Они как бы символизировали единство Индонезии и, выражая любовь и благодарность народа, усыпали путь Сукарно цветами. Это был один из любимейших ритуалов

президента. Он называл его воротами Индонезии. Так встречали в Индонезии почетных гостей.

После обычного церемониала президент поднялся на трибуну, окинул взглядом аудиторию, приветствовавшую его бурными аплодисментами. Затем он поднял палец. Аплодисменты и возгласы смолкли. Сукарно начал выступление. Сначала он говорил медленно и почти шепотом, затем все быстрее и громче. Он призывал к решительной борьбе против Малайзии, ликвидации контрреволюционных элементов. Вдруг Сукарно на полуслове прервал речь и ушел с трибуны. Группа китайских врачей, лечивших Сукарно, поспешно последовала за ним.

Существуют два объяснения случившегося. Одни утверждают, что Сукарно почувствовал себя плохо и вышел за кулисы, где ему сделали укол. Другие говорят, что президент получил какую-то записку или его вызвали, чтобы сообщить что-то важное. Как бы то ни было, через несколько минут Сукарно вернулся и рассказал присутствующим следующее: «Сейчас около 11 часов вечера. Послушаем одну историю. Эта история из «Махабхараты». Большие распри были между древнейшими государствами Кауравов и Пандавов. Но вожди и полководцы государства Кауравов были родственниками вождей и полководцев государства Пандавов. Воин Арджуна должен был защищать государство Пандавов и начать сражение против Кауравов. На душе у него было тяжело, ибо он видел в рядах войска противника многих своих родственников. Арджуна стал проявлять нерешительность. Тогда Кришна напомнил ему: «Арджуна, Арджуна, ты — воин... Долг воина охранять, защищать свою страну... Верно, что на той стороне твои собственные братья, твой учитель. Но они хотят разрушить государство Пандавов. Нанеси им ответный удар. Это твоя задача и твой долг. Выполни свою задачу, не обращая внимания на последствия!»» Сукарно закончил свою речь призывом: «Выполняйте мою команду!»³ Митинг закончился. Сукарно вернулся во дворец, затем поехал в отель «Индонезия» за своей женой Деви, а после этого в ее резиденцию на улице Гатот Суброто.

Тем временем на военной базе ВВС Халим, распо-

ложенной в 40 километрах от Джакарты, собралась группа офицеров во главе с подполковником Унтунгом и генералом Супарджо. Там же находились главнокомандующий ВВС Омар Дани со своим штабом. Войска, которыми командовали Супарджо и Унтунг, были поделены на три группы.

Резерв, куда входили части ВВС и обученные их офицерами отряды примыкавшей к КПИ «Народной молодежи», располагался на базе Халим. Два батальона, вызванные Унтунгом с Центральной Явы, к рассвету взяли под контроль президентский дворец и находившуюся рядом с ним радиостанцию. Батальон Унтунга, в задачу которого входило захватить членов «совета генералов», разделившись на отряды, направился к их домам. У солдат были четкие инструкции: «Ни один генерал не должен ускользнуть». В результате этой акции главноком сухопутных войск генерал-лейтенант Яни, его заместители генерал-майор Супрапто и генерал-майор Харьоно, начальник военной разведки генерал-майор Парман, бригадные генералы Сутойо и Панджаитан были убиты.

Генералу Насутиону удалось скрыться. Солдат задержала его жена, закрывшая дверь. Они открыли огонь, убив одну из дочерей Насутиона и ранив вторую. Насутион успел выпрыгнуть в окно, пробежать через сад до соседнего участка, где был дом иракского посла, и спрятаться в кустах. Ворвавшиеся в дом солдаты схватили имевшего внешнее сходство с генералом его адъютанта Тендеана, связали, бросили в машину и уехали.

Руководители КНР были хорошо осведомлены о предстоящем выступлении. Так, в канун празднования 16-й годовщины КНР на приеме в Пекине, где присутствовали такие видные политические и партийные деятели Индонезии, как Хайрул Салех, Али Састроамиджойо и др., китайские деятели говорили, что теперь Индонезия и КНР будут отмечать свой национальный праздник в один день — 1 октября и что премьер Чжоу Энлай вскоре известит о том, «какой большой подарок преподнесет Индонезия к этому дню»⁴. Более того, членам индонезийской делегации был показан список похищенных генералов, в числе которых значился и генерал Насутион⁵.

Первые сведения о случившемся Сукарно и командующий КОСТРАД генерал Сухарто* получили почти одновременно. Рано утром сосед сообщил Сухарто, что ночью возле домов генералов Насутиона и Харьоно происходило нечто подозрительное. В 6 часов 30 минут Сухарто прибыл в штаб КОСТРАД, где узнал о ночном происшествии.

Около 6 часов утра получил информацию и Сукарно. Заявив, что события явились для него «полнейшей неожиданностью», он поехал во дворец. В пути офицер безопасности передал ему сообщение, что Насутиону удалось спастись, а дворец окружен неизвестными войсками. Президенту рекомендовали проследовать в дом его жены Харьяти. Там он выслушал доклад о судьбе шести генералов. Ни дворец, ни дома его жен не были достаточно безопасными местами, и президент отправился на военную базу ВВС Халим, где находился его самолет.

1 октября в 7 часов 20 минут по радио было передано сообщение о том, что ночью 30 сентября в Джакарте проводилась военная акция — «движение 30 сентября», возглавляемое подполковником Унтунгом, которая направлена против членов «совета генералов». «Совет генералов» объявлялся группой заговорщиков, подстрекаемых ЦРУ и активизировавших свои контрреволюционные действия в связи с ухудшением здоровья Сукарно. Отмечалось, что подполковник Унтунг как командир батальона охраны президента считает эту акцию выполнением своего служебного долга. В сообщении подчеркивалось, что президент Сукарно находится в безопасности. В заключение солдат, сержантов и офицеров призывали поддержать действия по ликвидации «совета генералов» и его приспешников⁶.

В сложившейся обстановке генерал Сухарто взял на себя обязанности командующего сухопутными войсками. Около 9 часов он получил от Насутиона указания: 1) локализовать отряды мятежников; 2) закрыть Джакарту; 3) вызвать в столицу из Бандунга

---

* Профессиональный военный, Сухарто (родился в 1921 году) стал солдатом в 19 лет. Через 20 лет он уже был бригадным генералом, а в 1962 году — генерал-майором, командующим операциями по освобождению Западного Ириана. Перед событиями 30 сентября 1965 года командовал КОСТРАД.

дивизию «Силиванги»; 4) использовать ее радиостанцию для опровержения сообщений о заговоре «совета генералов»; 5) установить связь с командующими всех родов войск; 6) срочно выяснить, что с Сукарно⁷.

А Сукарно в это время прибыл на военную базу Халим, где его приветствовал командующий ВВС Омар Дани. Командир полка «Чакрабирава» генерал Сабур информировал Сукарно о событиях в Джакарте. За подписью О. Дани был издан приказ по ВВС, в котором «движение 30 сентября» квалифицировалось как прогрессивная акция по чистке сухопутных войск от подрывных элементов, угрожающих индонезийской революции⁸. Позиции руководителей «движения», казалось, были прочными: их поддерживало командование ВВС, сам Сукарно находился среди них.

Но обстановка в столице была неясной. Президент направил своего адъютанта Сумирата в штаб КОСТРАД с сообщением, что он в безопасности и вызывает к себе командующего Джакартским военным округом генерала Умара, третьего заместителя командующего сухопутными войсками генерала Праното, командующих ВМС и полиции. Но Сухарто не разрешил генералам сухопутных войск покидать штаб и попросил Сумирата сообщить президенту, что он контролирует положение в Джакарте и срочно ждет указаний⁹. Несомненно, Сухарто ждал от президента приказа о подавлении сторонников «движения». Такого приказа не последовало.

Сукарно не занял четкой позиции и в отношении «движения 30 сентября», хотя его инициаторы просили президента поддержать их акцию «по его спасению». Когда генерал Супарджо принес ему на подпись текст обращения к нации, благословляющего «движение», президент отказался это сделать. Он приказал прекратить кровопролитие и свернуть «движение 30 сентября». Опасаясь в создавшихся условиях расширения конфликта, Сукарно решил использовать свой любимый прием — компромисс и выступить на авансцене в привычной для него роли «отца-миротворца».

В 13 часов радиостанция, контролируемая сторонниками «движения», передала первое официальное сообщение о Сукарно, зачитанное генералом Сабуром:

«Президент здоров и осуществляет руководство страной»¹⁰. Однако через час после этого лидеры «движения 30 сентября» заявили о смещении его кабинета. В опубликованном ими декрете отмечалось, что для проведения дальнейших мероприятий, вытекающих из событий 30 сентября 1965 года, будет создан Революционный совет Индонезии, состоящий из гражданских и военных лиц, которому до всеобщих выборов передавалась вся власть, а кабинет автоматически распускался. Предусматривалось, что совет в своей повседневной деятельности будет представлен президиумом, состоящим из командующего и заместителей командующего «движением 30 сентября». Командующим был назначен подполковник Унтунг, заместителями — бригадный генерал Супарджо, подполковник ВВС Херу, полковник ВМС Сунарни, заместитель верховного комиссара полиции Анвас.

Было зачитано и постановление о составе Революционного совета; в него вошли 45 представителей различных политических партий, военных, в том числе командующий ВВС О. Дани, командующий ВМС вице-адмирал Мартадината, заместители премьера Субандрио и Леймена¹¹.

Затем был издан декрет «О воинских званиях», объявивший недействительными звания выше подполковника. Согласно декрету, все рядовые и сержанты вооруженных сил, принявшие участие в акции, повышались на одно или два очередных звания¹². К этому фактически и свелась вся кратковременная деятельность Революционного совета. Движение не имело четкой политической и социальной программы.

Хотя кабинет Сукарно был распущен декретом Унтунга, а сам Сукарно не включен в состав Революционного совета, лидеры «движения» в следующем обращении подчеркивали, что «великий вождь революции» продолжает стоять у кормила государственной власти как президент¹³.

Поскольку Сукарно не был включен в состав Революционного совета, Насутион объявил «движение» антипрезидентской акцией. После опубликования состава Революционного совета он направил Сухарто инструкцию, в которой предлагал использовать все имеющиеся силы, чтобы «освободить верховного Главнокомандующего»¹⁴.

Но президент не был пленником на Халиме. Он проводил совещания с министрами и генералами, прибывшими по его требованию на военную базу*, а после полудня издал приказ, в котором игнорировал Революционный совет.

В приказе говорилось:

1. «Мы, президент, главнокомандующий, великий вождь революции, следующим доводим до сведения, что мы полностью здоровы и продолжаем осуществлять руководство страной и революцией; руководство вооруженными силами временно переходит непосредственно в руки президента, верховного главнокомандующего; для руководства повседневной деятельностью сухопутных войск временно назначается генерал-майор индонезийской национальной армии Праното Рексосамудеро, третий заместитель министра — командующего сухопутными силами.

2. Всем видам вооруженных сил Республики Индонезии приказываем быть в боевой готовности, оставаться на своих местах и действовать только на основании моего приказа.

3. Всему индонезийскому народу приказываем повысить бдительность, сохранять спокойствие, сплоченность и полное национальное единство»¹⁵.

В приказе Сукарно не было ни слова о Революционном совете, фактически сместившем его кабинет. Сукарно или выжидал, или проявлял нерешительность, что было одинаково рискованно в создавшейся обстановке.

В то время как руководители «движения 30 сентября» надеялись на последующее политическое урегулирование под эгидой Сукарно, их противников такое урегулирование не устраивало, и они под лозунгом защиты Сукарно встали на путь подавления движения. Штаб КОСТРАД предъявил ультиматум о сдаче 454-му и 530-му батальонам, захватившим дворец и радиостанцию. 454-й батальон отверг ультиматум,

---

* На базу прибыли командующий ВМС Мартадината, заместитель премьер-министра Леймена и ряд других высокопоставленных лиц. Сукарно послал свой самолет за Субандрио, который находился на Суматре, но тот предпочел не спешить в столицу.

а 530-й к 16 часам, оставив свои позиции вокруг дворца, перешел в распоряжение штаба *.

Значение штаба КОСТРАД как центра борьбы против «движения 30 сентября» еще более возросло, когда после полудня туда прибыл генерал Насутион, а к вечеру 1 октября — полковник Сарво Эдди с отрядом парашютистов дивизии «Силиванги», которым было приказано захватить радиостанцию, что они и сделали без особого труда. Солдаты 454-го батальона, которым даже забыли подвезти обед, покинули занимаемые позиции и выехали на Халим. К 20 часам контроль армейского командования над столицей был установлен.

Вечером в штаб стратегического резерва армии прибыл второй адъютант Сукарно полковник Бамбанг Виджанарко. Генерал Сухарто, занимавшийся формированием сил для захвата базы Халим, попросил его посоветовать президенту как можно скорее покинуть военно-воздушную базу.

Сукарно колебался, он был растерян и, казалось, не понимал, что происходит. Около 11 часов вечера он уехал в Богор. После отъезда Сукарно на базе Халим началась паника. Оперативный штаб распался. Отряды Сарво Эдди окружили военную базу.

Утром 2 октября, как обычно, вышли газеты. Центральный орган КПИ газета «Хариан Ракьят» поместила передовую статью в поддержку «движения 30 сентября» и тексты опубликованных им декретов. Появление этой статьи, когда «движение» фактически потерпело поражение и повсеместно воспринималось как антиправительственная, антисукарновская акция, дало в руки правых сил долгожданный повод для развязывания антикоммунистической кампании.

Командующий ВВС Омар Дани, убедившись в провале «движения», издал 2 октября новый приказ, по существу противоположный приказу от 1 октября. Второй приказ Дани гласил, что военно-воздушные силы никак не связаны с «движением 30 сентября», хотя и согласны с любыми мерами против противников революции. Отмечалось, что ВВС не вмешиваются

---

* После чистки этот батальон даже был направлен для участия в операциях против главных сил «движения» на базе Халим.

во внутренние дела других родов войск и ничего не знают о существовании Революционного совета и его составе¹⁶.

Днем генерал Сухарто выехал в Богор для встречи с президентом. Совещание между президентом, некоторыми министрами, генералом Сухарто и другими военными руководителями длилось около 6 часов. Сукарно, чтобы избежать кровопролития, по просьбе генерала направил Супарджо письменный приказ о выводе с базы Халим находившихся под его командованием войск. Президент подтвердил, что берет руководство вооруженными силами в свои руки и назначает генерал-майора Праното Рексосамудеро временно исполняющим обязанности командующего армией. В то же время генерал Сухарто был уполномочен восстановить безопасность и порядок в «соответствии с политикой, начертанной президентом».

События 30 сентября Сукарно характеризовал как результат внутренней борьбы в армии, а «движение» — как обычное, нормальное явление для любой революции. Сухарто же настаивал на выяснении хода событий, судьбы похищенных генералов и на активных действиях по разгрому сторонников «движения 30 сентября». Что же касается приказа Сукарно о разделении функций в армии, то Сухарто и Насутион по-своему разрешили эту проблему. Они просто игнорировали генерала Праното. Фактически они уже установили свое руководство, а это в те дни значило больше, чем слова и приказы президента.

2 октября в Джакарте было введено военное положение. Главным источником информации стало радио, передававшее марши, музыкальные программы и сообщения, желательные для армии. На перекрестках главных улиц стояли танки. Зенитные установки находились в боевой готовности.

3 октября Сукарно в выступлении по радио сообщил народу, что он здоров и уже провел совещание с руководителями вооруженных сил с целью скорейшего урегулирования проблемы так называемых событий 30 сентября. Он повторил свое распоряжение о функциях генералов Праното и Сухарто. Поскольку факт его нахождения на базе ВВС Халим вызывал недоумение, президент подчеркнул, что он отправился туда по доброй воле; он знал, что там есть само-

лет, который доставит его в безопасное место, если события примут «нежелательный оборот». Сукарно, отметив, что ВВС не причастны к движению, призвал предотвратить их сраивание с сухопутными войсками.

Правые силы использовали события 30 сентября как повод для разгрома всех левых, прогрессивных элементов. Армейское командование провело совещание с представителями ряда политических партий, на которое не были приглашены ни члены КПИ, ни левой националистической партии Партиндо, ни фракции Али Састроамиджойо Национальной партии Индонезии. Участники совещания объявили выступление Унтунга «делом рук компартии» и Пекина.

3 октября Лю Шаоци и Чжоу Энлай направили президенту Индонезии телеграмму, в которой выражалось удовлетворение хорошим состоянием его здоровья и пожелание, чтобы под его руководством великий индонезийский народ и дальше боролся против империализма и неокOLONиализма, против Малайзии¹⁷. Но никакие декларации не могли изменить реальной ситуации, ее развитие неминуемо вело к коренной ломке индонезийско-китайских отношений.

Армейские газеты в отчетах об операции по ликвидации сторонников «движения 30 сентября» стали делать недвусмысленные намеки на то, что оно пользовалось поддержкой некоей иностранной державы¹⁸. При этом все чаще упоминались такие детали: у его участников было изъято оружие китайского производства, обнаружено множество журналов, изданных в КНР¹⁹. В газетах появились статьи, в которых говорилось, что китайцы, проживающие в Индонезии, в особенности граждане КНР, — это «глаза и уши Пекина». ВАПЕРКИ одной из первых была названа как сторонница «движения». Эта позиция выразилась не только в нападках прессы. Генерал Сухарто в речи в парламенте 16 августа 1967 года заявил, что «Китай прямо и косвенно поддерживал «движение 30 сентября»²⁰.

3 октября было передано сообщение о том, что около базы ВВС обнаружены трупы генералов. На следующий день Сухарто заявил по радио, что, по его мнению, военно-воздушные силы в какой-то степени замешаны в «движении 30 сентября». «Возможно,—

сказал он, — есть доля правды в словах нашего любимого президента о том, что в целом ВВС не причастны, но нельзя поверить, чтобы в этом деле не была замешана какая-то их часть»²¹. В стране был объявлен траур.

В дальнейшем развитии событий большую роль сыграло создание антикоммунистических организаций. 4 октября под председательством мусульманских партийных лидеров был учрежден «Координационный центр по разгрому контрреволюционного «движения 30 сентября»». Само движение получило зловещее название «Гестапу» — по первым буквам слов «Геракан Септембер Тигапулук» («движение 30 сентября»).

6 октября состоялось заседание кабинета*. Сукарно назвал «движение 30 сентября» частью индонезийской революции, отметив при этом, что он возмущен убийством генералов²².

Президент не собирался принимать меры против Революционного совета, на чем настаивали генералы Насутион и Сухарто. Пытаясь положить конец начавшимся преследованиям, Сукарно заявил, что Революционный совет будет распущен людьми, создавшими его. Чтобы взять под свой контроль урегулирование вопроса о «движении 30 сентября», президент объявил, что считает этот вопрос чисто политическим и сам примет решение по нему.

На заседании кабинета было зачитано заявление КПИ от 5 октября, в котором Компартия отмежевалась от «движения», рекомендовала своим членам воздерживаться от всякого участия в нем, выйти из Революционного совета тем, кто оказался в его составе. Хотя президент призывал не поддаваться эмоциям, обещая в скором времени вынести окончательное «политическое решение», правые силы не хотели ждать.

Пока Сукарно обдумывал свое «политическое решение», реакция действовала. В столице начались антикоммунистические демонстрации, организованные Координационным центром. Демонстранты разгромили строившееся здание ЦК КПИ, а затем подожгли

---

* От КПИ на заседании были Ньото и Лукмак. Насутион отказывался присутствовать на заседаниях кабинета, пока там находятся коммунисты.

его. Были также подожжены штаб-квартиры примыкавших к КПИ женской организации «Гервани», «Народной молодежи» и профцентра СОБСИ. Солдаты, кордоном оцепившие улицы, не вмешивались в происходящее.

Реакция открыто попирала один из основополагающих законов Республики, запрещавший пропаганду против национализма, религии и коммунизма. Руководство Компартии в условиях военного положения было лишено возможности публично опровергать провокационные обвинения. Вместе с тем оно не пыталось мобилизовать массы на сопротивление, полностью возложив, как отмечается в документе «Марксистско-ленинской группы КПИ», свои надежды на президента Сукарно, на его «политическое решение», а не на силу и организованность своих сторонников²³. Но Сукарно не мог выйти из состояния растерянности, вызванной тем, что его идея национального единства, которой в течение стольких лет, казалось, ничто не угрожало и которую он считал основополагающей для дальнейшего развития страны, вдруг как-то сразу оказалась отброшенной.

Правые силы изображали президента и индонезийскую революцию в качестве «жертв» предательского удара в спину со стороны коммунистов. «Движение 30 сентября» преподносилось как дело рук КПИ, а офицеры группы Унтунга — как «простые исполнители преступных замыслов коммунистов». Возложение коллективной ответственности на партию за события 30 сентября имело своей целью оправдать карательные операции против коммунистов под лозунгом «защиты революции, Сукарно и его учения». Один из генералов заявлял: «Если бы КПИ не совершила попытку переворота, армия все равно пришла бы в движение, так как в Индонезии нет места коммунистам»²⁴. Тщательно подготовленные антикоммунистические выступления правые силы пытались представить как выражение стихийного гнева индонезийского народа, направленного против тех, кто хотел отстранить Бунга Карно от власти.

Расправа с левыми в корне противоречила учению Сукарно о национальном единстве, о союзе националистов, коммунистов и исламистов в борьбе против

колониализма и империализма. А от этой идеи президент не собирался отказываться.

Он попытался остановить руку реакции, но не смог. Начались массовые аресты коммунистов и всех прогрессивных элементов. 8 октября была запрещена деятельность КПИ и примыкающих к ней организаций в Джакарте; такие же меры приняли командующие другими округами.

11 октября на Центральной Яве близ города Тегал был арестован Унтунг. Его перевезли в Джакарту, поместили под усиленную охрану и начали допрашивать. Унтунг отказывался отвечать на вопросы и требовал встречи с Сукарно. После его ареста армейское командование стало более решительно действовать против сторонников «движения», находившихся под защитой президента.

Хотя Сукарно превозносил в своих выступлениях убитых генералов как национальных героев, он отказывался осудить «движение» и по-прежнему заявлял, что события 30 сентября — это лишь «рябь на поверхности океана индонезийской революции», которую необходимо продолжать.

Опасаясь развязывания гражданской войны и не решаясь поэтому мобилизовать широкие массы на защиту своей власти и своих концепций, Сукарно пытался противопоставить действиям правых сил свою политическую гибкость и умение лавировать. «Трагедия Сукарно, — как отмечают советские исследователи А. Б. Беленький и Б. И. Ильичев, — состояла в том, что, когда произошло столкновение враждующих группировок, разрушившее его иллюзорное представление о «классовом мире» в Индонезии, он, как мелкобуржуазный деятель, не смог занять определенной позиции. Пытаясь восстановить мир путем политического маневрирования, уступок, компромиссов, Сукарно не понял классового характера, непримиримости начавшейся борьбы»²⁵.

Фактически хозяином Джакарты стало армейское командование. Однако Сукарно в течение 15 дней отказывался назначить генерала Сухарто командующим армией вместо Яни, сохраняя на этом посту генерала Праното. В конце концов президенту все-таки пришлось уступить, и 16 октября Сухарто стал командующим сухопутными войсками. На следующий день

Насутион и Сухарто представили Сукарно доклад о «Гестапу» вместе с текстом протокола допроса Унтунга, чтобы президент, изучив факты, немедленно вынес обещанное «политическое решение».

Что касается армейского командования, то оно уже приняло свое «политическое решение». Газета «Ангкатан Берсенджата» подчеркивала «абсолютную необходимость того, чтобы все письменные и устные призывы к спокойствию и порядку сопровождались решительными, карательными действиями против «Гестапу»»²⁶.

Правые расправлялись со сторонниками «движения», Компартией и левыми силами не только в Джакарте, но и по всей стране. Командир парашютистов полковник Сарво Эдди предложил услуги своих «красноберегчиков» для наведения порядка на Яве. 17 октября полк выехал на операцию по прочесыванию и на следующий день прибыл в Семаранг. Отсюда начался кровавый марш отрядов Сарво Эдди по городам и селам Центральной и Восточной Явы.

Под дулами автоматов каратели заставляли сельское население участвовать в расправах над коммунистами. Сарво Эдди приказывал: «Стреляйте сами или будут стрелять в вас»²⁷. Правые мусульманские лидеры оправдывали убийства «волей аллаха» и заверяли, что, казня коммунистов, они «служат исламу и государству». В декабре 1965 года кровавая бойня перекинулась на живописный остров Бали. Чистка прошла во многих деревнях. Казнить коммунистов объявлялось «делом чести». Деревню стыдили, если не было убийств. Обычно сам староста деревни нес списки убитых представителям военных властей, которые регистрировали их.

Кровавая резня, чьими бы руками она ни осуществлялась, была классовой местью со стороны военно-бюрократической буржуазии, землевладельцев, реакционных мусульманских кругов. Под предлогом установления порядка в стране совершались вопиющие беззакония, попирались элементарные права человека и свободы. Фактически вне закона была поставлена целая политическая партия, которая имела большие заслуги в борьбе за свержение колониализма и национальную независимость страны.

Антикоммунистическая кампания, репрессии и террор вызвали протесты прогрессивных и демократических сил мира. Выступая с трибуны XXIII съезда КПСС, Л. И. Брежнев от имени всего советского народа осудил антикоммунистический террор в Индонезии²⁸. КПСС требовала «положить конец преступным убийствам коммунистов — героических борцов за национальную независимость Индонезии, за интересы трудящихся»²⁹.

Не существует точных данных о количестве жертв. В конце 1965 года официальная комиссия доложила президенту, что погибло 78 тыс. человек. Сукарно же, публично осудив эти убийства, назвал цифру 87 тыс. Через год один из членов комиссии заявил, что на самом деле убитых было в несколько раз больше, чем по официальным сообщениям³⁰.

Преследования коммунистов и других прогрессивных элементов, чистка вооруженных сил имели целью изменить соотношение сил в стране. Это не могло не привести в конечном итоге к ограничению власти президента.

23 октября Сукарно выступил в Джакарте на всеиндонезийском совещании работников государственного аппарата с призывом крепить национальное единство и сплоченность. Президент заявил, что он, и только он, может решать вопросы, связанные с событиями 30 сентября. «Ведь именно меня ВНКК назначил великим вождем революции. С меня спросит народ, если с революцией что-нибудь произойдет. За это отвечаю я, и только я...» «Если богу будет угодно, то, когда я буду иметь полную картину событий, я найду политическое решение, я решу эту проблему»³¹, — заверял президент.

Сукарно нападал с обвинениями на «горе-деятелей, по вине которых отношения между КНР и Индонезией ухудшились», и призывал не забывать, что страна получила большую помощь от Китая³².

И хотя Сукарно снова и снова повторял, что не одобряет событий 30 сентября, он по-прежнему подчеркивал, что они лишь «болезнь» или «аномалия», которые естественны для подлинной революции.

В середине октября 1965 года группа мусульман разгромила и подожгла китайский университет в Джа-

карте. 16 октября индонезийские военнослужащие произвели обыск и допрос сотрудников канцелярии торгового советника посольства КНР в Джакарте. 18 октября 1965 года министерство иностранных дел Китайской Народной Республики направило через посольство Индонезии в Пекине ноту протеста против антикитайских демонстраций перед зданием посольства КНР в Джакарте. А 19 октября в КНР была впервые опубликована информация о событиях в Индонезии с позиций поддержки «движения 30 сентября».

Президент обрушился на тех, кто переоценил значение событий 30 сентября и отвлекся от борьбы против неокOLONиализма, колониализма и империализма. «Где он — прежний энтузиазм?»³³ — вопрошал Сукарно. Особый упор он сделал на необходимость сохранения НАСАКОМ. Критикуя тех, кто считал, что НАСАКОМ — это плохо и его нужно послать к черту, Сукарно восклицал: «НАСАКОМ — это хорошо!» Он заявил, что революция не может идти вперед без элемента «КОМ», т. е. без Компартии. Он повторял, что еще в 1926 году выдвинул лозунг НАСАКОМ и будет придерживаться его до конца своей жизни. Президент и раньше неоднократно заявлял, что «без НАСАКОМ нет смысла в индонезийской революции и в его собственной жизни»³⁴.

На заседании кабинета 6 ноября Сукарно снова отклонил все требования запретить Компартию. Ньото, второй заместитель председателя КПИ, присутствовавший на заседании, после него некоторое время находился под защитой президента в его дворце, избегая ареста*. Сукарно отказывался возложить на КПИ ответственность за действия Унтунга. Стремясь прекратить репрессии, он предупреждал, что не может наказывать целую партию, имеющую огромные заслуги перед национально-освободительным движением, за неправильное поведение отдельных небольших групп³⁵.

Президент не собирался менять ни свой прежний курс, ни состав кабинета, хотя военное командование не только подвергало резкой критике многих минист-

---

* Ньото был убит в декабре 1965 года, Лукман — в апреле 1966 года.

ров, но и прямо требовало их смещения*. На заседании кабинета Сукарно заявил, что он не освободит первого заместителя премьер-министра Субандрио и государственного министра — китайца Уй Чу Тата от их постов в кабинете. «Черта с два стану я распускать кабинет,— сказал он по-голландски, так как считал, что более выразительно ругательства у него звучат именно на этом языке,— ничего не выйдет. Я не позволю вывести Субандрио из кабинета. Нет, он по-прежнему первый заместитель премьер-министра! И по-прежнему министр иностранных дел. По-прежнему! У Индонезии в течение 20 лет независимости не было министра иностранных дел более толкового, решительного и делового, чем Субандрио»³⁶. Сукарно заявил также, что намерен бороться, требовать выполнения своих приказов, проведения своего курса. «Если вы меня любите — сохраните меня. Если не любите — прогоните. Но,— голос его звучал грозно,— кто бы ни занимался поджогами, кто бы ни вносил сумятицу, я разгоню их! Любую партию, организацию. Это дело вождя революции»³⁷.

На этом заседании президент особо подчеркнул, что в результате событий 30 сентября революция отброшена назад и надо восстановить ее достижения. Делая упор на то, что индонезийская революция является «левой», Сукарно предупреждал: она «не должна отклоняться вправо, это было бы опаснее, чем сами события 30 сентября», и могло быть использовано империализмом и неокOLONиализмом, чтобы вообще остановить ее марш³⁸.

Поскольку военное положение использовалось для принятия «чрезвычайных мер» против сторонников президента в вооруженных силах и политических партиях, Сукарно 11 ноября отменил его. Немедленный военный переворот мог в то время вызвать ожесточенную борьбу внутри как вооруженных сил, так и всего общества. Осознав это, военные руководители взяли курс на «мирный» захват власти, на дискредитацию политики президента и на постепенную подготовку общественности к замене «направляемой демократии».

---

* В начале ноября под растущим нажимом армии президент освободил Субандрио от обязанностей руководителя Управления внутренней безопасности и разведки.

На этом пути они не встретили активного сопротивления, так как силы, составлявшие «хребет индонезийской революции, были расколоты»³⁹. Особенно резко и открыто критиковали Сукарно антикоммунистические молодежные группы, объединившиеся в конце октября во фронт действий — КАМИ. Были сформулированы «три требования народа»: запретить Коммунистическую партию; очистить кабинет от всех прокоммунистических и некомпетентных элементов; снизить цены на предметы первой необходимости⁴⁰.

Но 10 ноября в праздник «Дня героев» на требование антикоммунистических сил распустить КПИ президент ответил решительным «нет». Сукарно призвал прекратить выступления, не раздувать страсти. «Нельзя мешать нашей революции. Тот, кто сворачивает революцию Республики Индонезии с ее пути, будет иметь дело лично со мной»⁴¹, — предостерегал он. Отвечая, почему он отказывается запретить Компартию, как это сделал с Машуми и ПСИ, президент подчеркивал, что эти партии мешали развитию революции, а КПИ была ее авангардом, «она нужна стране для осуществления идеалов социальной справедливости»⁴².

12 ноября правые силы выступили с критикой речи президента, посетовав, что он не понял или не желает понять «главного требования народа» — распустить КПИ.

15 ноября была издана специальная инструкция, предписывавшая произвести чистку в государственных учреждениях и организациях от участников контрреволюционного «движения 30 сентября» и причастных к нему лиц. С этой целью предусматривалось создание «особых групп» по чистке, которые должны были действовать в тесном сотрудничестве с «командованием по восстановлению безопасности». Инструкция была опубликована от имени главкома КОТИ — президента Сукарно. Прикрываясь именем Сукарно, правые силы делали свое дело. «Если политическая чистка в стране будет доведена до конца, то неустойчивое равновесие между националистическими, религиозными и коммунистическими силами будет изменено и влияние президента будет подорвано»⁴³ — так расценила возможные последствия английская газета «Файнэншл таймс».

15 ноября парламент на пленарном заседании одобрил решение своего руководства «заморозить»

деятельность депутатов от Компартии и примыкавших к ней организаций. Он обратился к Сукарно с настоятельной просьбой о незамедлительном роспуске КПИ. Парламент предложил правительству опубликовать коммюнике о положении в стране и о «движении 30 сентября».

Сукарно не вынес предложение парламента о незамедлительном роспуске КПИ и ее массовых организаций на ближайшее совещание президиума кабинета. Но антикоммунистические силы, очевидно, уже и не нуждались в этом. Президента просто поставили перед фактом. Военный администратор Западной Явы генерал Аджи запретил деятельность КПИ и ее массовых организаций. В передовой статье газеты вооруженных сил «Ангкатан Берсенджата» от 22 ноября содержался призыв к другим командующим округами не затягивать неопределенную ситуацию и последовать примеру генерала Аджи⁴⁴. Командующие округами избрали подобный путь, так как Сукарно в качестве верховного главнокомандующего, безусловно, не стал бы отдавать такого приказа. Однако он мог бы отменить любой приказ местных военных властей. Этого не произошло, что свидетельствовало о слабости его власти. Президента не смогли заставить принять негодное ему решение, но он оказался не в силах отменить приказ, изданный его подчиненными вопреки его воле.

Военные власти на местах по своему усмотрению распускали организации КПИ, арестовывали и бросали в тюрьмы коммунистов и сочувствующих им.

В конце ноября парашютистам Сарво Эдди, имевшим приказ «схватить Айдита лучше мертвого, чем живого», удалось арестовать Председателя ЦК КПИ. Он был доставлен в штаб полка и после допроса убит.

Прямая угроза нависала над властью президента. Вновь стали распространяться слухи об ухудшении его здоровья, которые он решительно опровергал, заявляя, что по-прежнему «силен и здоров». Особое место в планах оказания давления на президента отводилось процессам над руководителями и сторонниками «движения 30 сентября». 4 декабря 1965 года Сукарно под давлением правых сил издал декрет о создании Чрезвычайного военного трибунала.

7 декабря военными властями был опубликован список 16 запрещенных массовых организаций. Это были главным образом организации, работавшие под руководством КПИ,— «Народная молодежь», «Гервани», СОВСИ, связанные с ней или поддерживавшие ее. Однако Сукарно категорически отказывался запретить КПИ. Касаясь окончательного урегулирования вопроса о «движении 30 сентября», Сукарно подчеркивал, что решение этого вопроса передано ему и пусть на него никто не оказывает давления.

Реальная сила была в руках его противников, и им хотелось узаконить этот факт. 14 декабря по их требованию президент снял Субандрио с поста заместителя верховного командующего КОТИ, куда затем были включены: Насутион (куратор военных вопросов), Хаменгку Бувано (куратор экономики и финансов) и Руслан Абдулгани (куратор социально-политических вопросов). Автоматическое превращение КОТИ в своеобразный военный кабинет знаменовало очередной сдвиг в соотношении сил в стране.

Противники Сукарно стали подыскивать ему «помощника», а скорее всего замену. Члены бандунгского совета народных представителей внесли предложение о назначении генерала Насутиона на вакантный с декабря 1956 года пост вице-президента Республики Индонезии. Парируя это предложение, Салех заявил, что, «по его мнению, имеется более важная проблема — это политическое решение президента»⁴⁵.

Правые силы до поры до времени избегали прямой конфронтации с президентом. Офицерская верхушка была едина только в том, что касалось удаления с политической арены коммунистов как наиболее последовательных противников капиталистического развития страны и не устраивавших ее членов кабинета. Дальше этого единство не шло. Сукарно имел достаточно крепкую поддержку на Центральной и Восточной Яве. Противники Сукарно еще не могли бросить прямой вызов президенту, его престижу и влиянию, опасаясь острых столкновений в стране. Выход был один — постепенно развенчивать Сукарно.

III

ГРАЖДАНИН СУКАРНО

**Я никогда не говорил,
что не хочу быть президентом.**

Сукарно

«Я все еще президент»

Если вам кажется,
что вы разбираетесь в обстановке,
это значит, что вы
просто плохо информированы.

Сукарно

10

В 1966 году требования запрета КПИ, наказания всех сторонников «движения 30 сентября», разрыва отношений с КНР стали главным орудием давления на Сукарно. С наиболее непримиримых анти-сукарновских позиций выступал Насутион. Он всячески укреплял свое положение среди военных и авторитет в стране, чему Сукарно не мог помешать. Не вступая в открытую борьбу с президентом, Насутион действовал через молодежь и мусульманские круги. 10 января 1966 года студенты снова вышли на улицы и продолжали демонстрации до конца месяца. Не критикуя прямо Сукарно, они требовали запрещения КПИ, реорганизации кабинета, снижения цен и улучшения условий жизни.

События 30 сентября 1965 года еще более усугубили тяжелое экономическое положение страны. Ее внешняя задолженность составляла 2 400 млн. долларов, а запасы иностранной валюты — лишь 8 млн.¹ Не хватало риса, выплата зарплаты рабочим и служащим задерживалась, инфляция продолжала расти. Пост министра финансов занимал в то время старый соратник президента, врач по образованию, Сухарто, который говорил о себе так: «Я ни черта не смыслю в экономике, и поэтому я идеальный министр финансов для нашей Республики. Когда она делала первые шаги, я был ее первым казначеем. Тогда я выдавал иены на вес,

по килограммам. Сейчас я в сущности делаю то же самое, но только с нашей валютой»². В 1965 году в обращении находилось 2582 млн. рупий* по сравнению с 47,8 млн. в 1960 году. К 1965 году расходная часть бюджета почти втрое превысила доходы. Индекс цен на потребительские товары в 1965 году по сравнению с 1953 годом возрос со 100 единиц до более чем 30 тыс.³ Чтобы сделать покупку, людям приходилось носить с собой чемоданы денег. В сельской местности крестьяне отказывались от денег и переходили к натуральному обмену.

Правительство, нуждаясь в средствах, провело денежную реформу. В декабре 1965 года, согласно президентскому декрету, одна новая рупия была приравнена к 1000 старых, при этом 10 процентов обменной суммы шло в Фонд революции. Были повышены цены на бензин в 4 раза, что давало правительству дополнительные средства, но привело к росту цен на внутреннем рынке в 2—3 раза.

Противники Сукарно старались всячески отмежеваться от непопулярных мер, проводимых правительством. 7 января 1966 года Насутион подчеркнул «непричастность» военных руководителей к проведению денежной реформы, возложив ответственность за нее на кабинет Сукарно.

Систематически публиковались статистические данные об экономическом положении в стране, о национальном доходе, о государственном долге, чтобы дискредитировать деятельность президента. Газеты открыто писали, что достижения в области экономики были достижениями «лишь на бумаге». Председатель мусульманской партии Нахдатул Улама Субхан заявлял, что Национальный плановый совет состоял из «артистов», а экономические постановления были всего-навсего «политическим маневром»⁴.

Нападки на неэффективное экономическое руководство все более оборачивались против Сукарно, который все чаще становился объектом критики. «Управление страной похоже на ведение домашнего хозяйства,— писала одна из газет.— Соседи смеются над человеком, который при небольших доходах тужится

---

* В млн. новых рупий, поскольку в декабре 1965 года в стране была проведена денежная реформа.

жить роскошно, не по средствам, берет в долг крупные суммы денег, которые не в состоянии вернуть. Такой человек заслуживает осуждения, ибо он оставит внукам в наследство свои долги»⁵.

В Джакарте члены КАМИ проводили митинги, писали на стенах свои требования о снижении цен, реорганизации кабинета, роспуске КПИ. В ответ на недовольствие президента методами, к которым прибегали студенты в ходе демонстраций, газета партии Нахдатул Улама «Дута Машаракат» советовала ему не обращать внимания на резкость критики, ибо пророк учит: «Пусть слова твои будут правдивы, хоть и горьки»⁶.

Антисукарновская кампания настолько захлестнула страну, что министр информации Ахмади в одном из своих выступлений просил не забывать, что «выпускать листовки в поддержку Сукарно... тоже не запрещается»⁷.

В середине января президент, встревоженный отрицательной реакцией общественности, приказал пересмотреть финансовые реформы. Сукарно обещал назначить министром любого, кто за три месяца сможет снизить цены.

Президент все более четко сознавал, что медлить нельзя. В противовес Координационному центру и КАМИ он решил создать свою массовую опору — Фронт Сукарно, о чем и заявил 15 января: «Я, Сукарно, Великий вождь революции, Верховный главнокомандующий вооруженных сил, говорю: кто хочет следовать за мной, сплывайте, создавайте фронт... Меня пытаются свалить. Я призываю своих последователей не действовать беспорядочно. Ждите моей команды»⁸.

Сукарно, как мелкобуржуазному политическому деятелю, был свойствен страх перед возможностью обострения классовой борьбы в стране, и поэтому он противопоставлял своим противникам не решительные массовые выступления своих сторонников, а прежнюю политику лавирования, фактически ведя борьбу в одиночку, используя прежде всего свой огромный личный авторитет президента и «отца нации».

Фронт Сукарно должен был решать только те задачи, которые перед ним ставил сам президент. Он должен был помочь Сукарно восстановить нарушившееся

равновесие политических сил, на котором держалась его прежняя власть. Президент видел во «фронте» прежде всего психологическое оружие, с помощью которого можно было оказать давление на своих противников.

Обращение президента создать «фронт» активно поддержали левое крыло Национальной партии Индонезии, Партиндо. Когда военные власти попытались истолковать Фронт Сукарно как духовное единство, Субандрио специально подчеркнул, что имеется в виду «физическое объединение»⁹. Тогда противники Сукарно вышли из положения очень ловко. Они нейтрализовали все его усилия, объявив Фронтом Сукарно самих себя¹⁰.

Потерпев неудачу в создании «фронта» в качестве противовеса своим политическим противникам, Сукарно снова стал призывать к созданию в стране спокойной обстановки, столь необходимой для вынесения «политического решения». Президент всячески подчеркивал тот факт, что он обязательно примет это решение и что только он и никто иной подходит для занимаемой им должности. В конце января 1966 года, выступая на митинге мусульманской партии Нахдатул Улама, Сукарно опроверг настойчивые слухи о его возможном отъезде из страны и вновь перечислил три требования, которым должен отвечать президент Индонезии: быть индонезийцем; быть мусульманином; подходить для этой должности как физически, так и умственно.

«Я отвечаю первым двум требованиям,— заявил Сукарно,— а что касается третьего, то не мне об этом судить». Участники митинга дружно подтвердили, что он «физически и умственно соответствует должности президента»¹¹.

Сукарно подчеркивал, что любовь к нему — это любовь к народу и армии одновременно, так как народ — это он как его глашатай, армия — это он как верховный главнокомандующий¹². Но не все были согласны с такой интерпретацией.

В начале февраля столичные студенты, члены КАМИ, не посещавшие лекции с 10 по 31 января, активизировали свои действия, создавая беспорядки. Посольство КНР — огромное здание в китайском квартале Глодок, ворота которого были всегда закрыты, а

высокие кирпичные стены сверху опутаны проволокой,—подверглось нападению. Демонстранты ворвались в здание посольства, разбили государственный герб и унесли медный щит с надписью «Посольство Китайской Народной Республики». 12 февраля фронт демонстрантов расширился. КАМИ обрела нового союзника. Была создана организация «Единство действий учащихся Индонезии» (КАППИ). Все акции этих организаций, как и прежде, находили полную поддержку со стороны военных властей Джакарты.

Но Сукарно не намерен был отказываться от своего курса. 13 февраля президент выступил во Дворце спорта и призвал сосредоточить внимание на борьбе против Малайзии и обеспечении успешного проведения КОНЕФО. Он подчеркнул, что принципы Панча Сила отнюдь не имеют антикоммунистической направленности, и вновь остановился на роли КПИ в национально-освободительном движении: «Никто не внес такого большого вклада в борьбу за независимость Индонезии, как коммунисты». Президент закончил свое выступление словами: «Еще раз призываю, создайте Фронт Сукарно, чтобы защитить нашу революцию»¹³. Но эти призывы не получили практического воплощения.

Сухарто, произведенный президентом в генерал-лейтенанты, в середине февраля дал указание всем военным властям на местах провести «митинги верности вождю революции Бунгу Карно». Однако даже такая демонстрация «верности Сукарно» была организована только в столице. На местах же командующие военными округами просто объявили себя командирами Фронта Сукарно, запретив создание каких-либо новых организаций под таким названием.

Противники Сукарно не допустили установления прямого контакта между народом и президентом, который к тому же не сумел предложить своим сторонникам такой позитивной программы, которая могла бы поднять на борьбу массы. Это дало правым силам возможность, возглавив Фронт Сукарно, повести его по своему пути, расточая в то же время лицемерные заверения в верности и преданности президенту.

Чтобы нанести удар по своим политическим противникам, президент 21 февраля преобразовал КОТИ

в «Командование по сокрушению Малайзии» — КОГАМ, которое и возглавил. Начальником штаба КОГАМ был назначен Сухарто, секретарем штаба — командир полка «Чакрабирава» бригадный генерал Сабур. Пост заместителя главкома по военным вопросам, который в КОТИ занимал Насутион, оставался вакантным. Сукарно также реорганизовал кабинет, освободив от должности 10 министров, в том числе министра обороны генерала Насутиона, заменив его генералом Сарбини. Пост министра авиационной промышленности занял Омар Дани. Президент не скрывал, что главная цель реорганизации заключалась в том, чтобы уволить Насутиона, лишить его контроля над армией.

Сукарно также дал министрам право самостоятельно решать вопросы дальнейшего использования их подчиненных, арестованных в ходе операций против «движения 30 сентября», отменив фактически тем самым инструкцию от 15 ноября 1965 года о чистке госаппарата, которая проводилась под контролем военных.

Сняв Насутиона со всех постов, президент надеялся, что ему будет легче сработаться с генералом Сухарто, который никогда не выступал с открытой критикой в его адрес. Однако военная верхушка, опасаясь, что Сукарно, постоянно подчеркивавший верность своим концепциям национального единства и отказывавшийся запретить КПИ, в подходящий момент попытается изменить соотношение сил, считала ограничение его власти задачей первостепенной важности.

Вновь выдвинув КАМИ в качестве авангарда, противники Сукарно из среды военных и мусульманских кругов всячески стремились накалить обстановку. Как справедливо писала газета «Синар Харапан», студенческий фронт действий был удобной ширмой для подготовки соответствующих условий, позволяющих армии выйти на первый план и сыграть свою действительную роль.

Уже 23 февраля начались демонстрации, сопровождавшиеся погромами, которые военные власти и не пытались остановить. Новый кабинет сразу же стал объектом критики. Ему дали название «кабинет Гестапу». В Джакарте члены КАМИ распространяли список, включавший фамилии, домашние адреса и но-

мера телефонов 23 министров, против которых велась кампания. Список возглавлял Субандрио, в нем значились также Х. Салех, Омар Дани и др.

Правые силы понимали, что, пока Сукарно не имеет организованной опоры, он может наносить удары лишь по отдельным личностям. Поэтому нужно было окончательно лишить президента возможности создания Фронта Сукарно, агитацию за который он развернул после реорганизации кабинета с удвоенной энергией. Что касается приказа президента, то выполнять его фактически было некому, ибо административный аппарат, который был призван создавать этот «фронт» в учреждениях и министерствах, деревнях и городах, действовал по указаниям военных властей, а КПИ и другие левые силы были разгромлены. Да и сам Сукарно стал искать массовую опору тогда, когда ее фактически уже не существовало. Каждый компромисс, на который он был вынужден идти, отрывал от него отдельные группы его сторонников. Выступая с абстрактными призывами, президент зачастую переоценивал собственные силы, не проявлял былой гибкости, действуя под влиянием настроения и эмоций. В этих условиях противники Сукарно организовали очередной митинг «выражения верности вождю революции», в котором приняло участие несколько сот тысяч человек и подразделения всех четырех видов вооруженных сил. Фактически же эта «демонстрация верности» Сукарно стала активной формой консолидации всех антисукарновских сил.

Чтобы понять цену этой «верности», достаточно привести в качестве примера церемонию принятия Сукарно присяги у своих новых министров 24 февраля. Дворец охранялся, как осажденная крепость. Ввиду студенческих демонстраций на улицах Джакарты некоторые из вновь назначенных министров не решились воспользоваться своими служебными машинами и добрались до дворца на велосипедах, другие были доставлены на вертолете. Некоторым удалось проскользнуть сквозь студенческие кордоны, переодетшись в спортивную форму. На многих домах в этот день как бы в знак траура были приспущены флаги.

Президент Сукарно в речи вновь подчеркнул, что не уступит нажиму. «Я сам знаю, что именно я должен делать. Я не отступлю ни на шаг»¹⁴. Во время

этой церемонии солдаты из полка личной охраны президента «Чакрабирава» открыли огонь по участникам студенческой демонстрации. В результате студент Ариф Рахман Хаким был убит, что послужило началом открытого студенческого бунта. 26 февраля Сукарно официально запретил КАМИ, объявив ее деятельность вредной для кампании по разгрому Малайзии и мешающей ходу индонезийской революции.

Но и после запрещения КАМИ продолжала активно действовать. Ее поддерживали Фронт Панча Сила (бывший Координационный центр) и генерал Насутион. Демонстрации продолжались. Теперь в первых рядах маршировали члены КАППИ. Оказывая открытое давление на президента, его противники не отказывались от компромисса. С этой целью оппозиционные силы прибегли к услугам вновь прибывшей в Джакарту американской журналистки Синди Адамс, обратившись к ней с просьбой уговорить Сукарно уехать за границу и находиться там до тех пор, пока они не поставят страну полностью под свой контроль, обещав сохранить за ним пост президента¹⁵.

Попытка оказалась бесполезной. Сукарно предпочитал говорить с Синди Адамс о своей биографии, изданной в США в ноябре 1965 года. Он был в восторге от ее работы, несмотря на то что, по мнению многих, его портрет получился не столь уж привлекательным. «Пусть этот портрет таким и остается. Ведь я человек. Нет человека, который бы не совершал ошибок. Поэтому пусть моя жизнь предстанет перед читателем такой, как я ее прожил. И пусть история судит»¹⁶.

Несомненно, «Автобиография» Сукарно выражает прежде всего его собственный взгляд на свою роль в истории страны. Будучи документом, окрашенным личными эмоциями, эта книга не может претендовать на беспристрастность. Так или иначе, сам Сукарно дал ей высокую оценку. «Эта книга — мой истинный портрет. Каждая ее страница — страница моей жизни».

Сукарно сообщил Синди, что дал указание перевести книгу на индонезийский язык и издать многотысячным тиражом. «Несомненно важно, чтобы мир ознакомился с моей биографией. Но еще важнее, чтобы мой народ имел возможность прочитать ее. Особенно

сейчас, когда против меня ведется кампания»¹⁷. Однако это была уже не кампания, а открытое наступление на власть президента.

События, происходившие в Индонезии в начале 1966 года, подтверждали, что борьба за власть не сулила Сукарно успехов. Все его попытки активизировать деятельность левой фракции НПИ и ее молодежной организации оканчивались провалом. Перевес КАМИ, КАППИ и стоящих за ними сил был явным. Используя выступления молодежи из антисукарновских организаций, военные руководители стремились обострить обстановку до такой степени, чтобы вмешательство армии под лозунгом «защиты президента» и «нормализации положения» стало неизбежным.

3 марта демонстрация молодежи двинулась к министерству народного образования, захватила здание и устроила там «штаб КАППИ». 7 марта на очередном заседании КОГАМ Сукарно выразил неудовлетворение ходом выполнения приказа о роспуске КАМИ. А на следующий день студенты ворвались в министерство иностранных дел и удерживали его пять часов. После их ухода обнаружилось, что индонезийский национальный флаг приспущен, на стенах огромными буквами написаны слова: «Субандрио — убийца генералов», а рядом было повешено его изображение из папье-маше. Сукарно, осмотрев здание министерства иностранных дел, сказал: «Уже вполне можно сделать выводы... Если даже некоторые и не понимают, что это контрреволюция, то лично я не знаю, как иначе все это можно назвать»¹⁸.

В этих условиях Сукарно опубликовал приказ, в котором отметил, что контрреволюционная подрывная деятельность, направленная на поворот индонезийской революции вправо, усилилась и имеют место попытки подорвать руководящую роль, авторитет и политический курс президента. Он обратился к вооруженным силам, политическим партиям и всем организациям с призывом: укреплять единство народа, вооруженных сил и вождя революции; сплотить ряды истинных сторонников Сукарно; выполнять приказы президента; усилить борьбу против Малайзии и обеспечить успешное проведение КОНЕФО¹⁹.

Для претворения в жизнь этого призыва Сукарно

запланировал на 10 марта встречу с лидерами политических партий, на 11 марта — заседание кабинета и на 12 марта — встречу с командованием вооруженных сил.

На совещании с лидерами политических партий он назвал обстановку в стране угрожающей и настойчиво призывал осудить демонстрантов. После этого Сукарно уверенной походкой покинул зал заседаний, чтобы дать присутствующим возможность подумать. Политические лидеры подписали совместное заявление о том, что не могут оправдать действий молодежи, которые прямо или косвенно угрожают развитию индонезийской революции и лично Бунгу Карно²⁰.

11 марта президент выступил на заседании кабинета министров с речью, в которой назвал обострение борьбы и контрреволюционные выступления нормальным для революции явлением. Излагая членам кабинета свой прежний курс, Сукарно особенно настаивал на том, что «министры являются помощниками президента и должны строго придерживаться его линии руководства»²¹.

Было около 12 часов дня, когда Сукарно вручили записку. В ней сообщалось: «Неопознанные войска окружили дворец». Это были парашютисты Сарво Эдди, который много месяцев спустя говорил: «Мы не стремились афишировать, кто мы. Поэтому мы не надели свои красные береты»²².

Сукарно объяснил присутствовавшим, что события получили «опасное развитие», и, поручив Леймене руководить заседанием, стремительно удалился. За ним последовали Субандрио и третий заместитель премьера Хайрул Салех. Сукарно направился к вертолету, стоявшему на дворцовой лужайке. Генерал Амир Махмуд, свидетель этой сцены, позднее рассказывал: «Президент впервые казался беспомощным. Он крепко сжал мои руки и забормотал: «Куда мне, Амир? Куда?»»²³ Через несколько минут Сукарно, Субандрио и Салех вылетели в Богор.

После ухода Сукарно кабинет принял решение передать генералу Сухарто (не присутствовавшему на заседании, как сообщалось, по болезни) полномочия для принятия мер «по смягчению напряженности». Теперь армейское командование получило законную возможность открыто использовать свою власть,

После обеда командующие военными округами, которые прибыли для участия в совещании, намеченном Сукарно на 12 марта, собрались в штабе армии. На этом совещании было принято предложение Сухарто направить эмиссаров в Богор, чтобы уговорить Сукарно одобрить решение кабинета. Для этой миссии были избраны Амир Махмуд, Басуки Рахмат и Юсуф — генералы, которые считались наиболее лояльными к Сукарно. Сухарто перед отъездом сказал: «Сообщите президенту, что в любом случае лично ему ничто не угрожает»²⁴.

Делегация прибыла в Богор около 17 часов. Генералы, доложив президенту обстановку, заверили его, что порядок в Джакарте восстановлен. Разговор переключал с одного предмета на другой, никто не решался заговорить о главном. Наконец генерал Амир Махмуд сказал президенту: «Отец! Времена сейчас наступили трудные. Вы и так уже достаточно поработали. Почему бы не дать теперь нам взяться за дело?»²⁵

По словам Амира Махмуда, Сукарно после некоторых колебаний попросил их набросать текст приказа и удалился в свою комнату. Генералы подготовили текст на основе того наброска, который они получили от Сухарто. Очевидно, этот текст оказался неприемлем для президента, и он категорически отказался его подписать. Делегации пришлось согласиться на выработку более гибкого варианта, который был подготовлен совместно с заместителями Сукарно. После этого президент подписал то, что потом называли приказом о передаче полномочий генералу Сухарто. В нем генералу от имени президента и верховного главнокомандующего приказывалось принимать все меры, необходимые для обеспечения безопасности и порядка в стране, личной безопасности и авторитета Сукарно и неуклонного проведения в жизнь его учения. Сухарто предписывалось координировать свои действия с командующими других видов вооруженных сил и подробно докладывать президенту о ходе выполнения указанных задач²⁶.

Опубликование президентского приказа от 11 марта изменило политическую обстановку в Джакарте. Несмотря на то что этот документ формально не давал оснований для ограничения власти президента, на

деле он рассматривался не только противниками, но зачастую и сторонниками президента как отказ Сукарно от реальной власти*. В Джакарте члены КАМИ и КАППИ на улицах скандировали: «Мы победили, мы победили. Президент уступил». С военных вертолетов дождем сыпались поспешно отпечатанные копии приказа Сукарно. По центру столицы парадным маршем прошли войска.

12 марта в Богор прибыла вторая делегация в составе султана Хаменгку Бувоно, Леймены, командующих ВВС и полиции и трех генералов, уже ездивших к Сукарно. Президент получил гарантии своей личной безопасности и по приглашению генерала Сухарто возвратился в столицу. Когда Сукарно вышел из вертолета, он выглядел угрюмым и потрясенным. По пути в большой приемный зал, где его ожидал командный состав вооруженных сил, президент отчетливо слышал крики толпы, которая приветствовала парашютистов Сарво Эдди. Если у Сукарно до этого и возникала мысль об отмене приказа, который он подписал накануне, то обстановка, царившая в столице, заставила его отказаться от нее. И Сукарно, обратившись к командующим округами, призвал их выполнять его приказ, который генералы интерпретировали так, как им было выгодно.

12 марта Сухарто от имени президента, но без консультации с ним опубликовал декрет о запрещении Компартии Индонезии²⁸. На следующий день Сукарно вызвал к себе во дворец султана Хаменгку Бувоно, сподвижника Сухарто, и высказал ему свою точку зрения по вопросу о запрещении Компартии. «Декрет, подписанный от моего имени,— сказал он,— превышает полномочия, которые я дал Сухарто. Это политическое решение, а такого рода решения все еще являются моей прерогативой. Его же дело решать технические вопросы. Я еще не отказался в его пользу от президентского кресла»²⁹.

16 марта Хайрул Салех по поручению президента зачитал его заявление, в котором, в частности, отме-

---

* Почти все политические партии поспешили опубликовать совместное разъяснение к заявлению от 10 марта по вопросу о студенческих демонстрациях. В нем говорилось, что «заявление было сделано в обстановке крайней спешки и не соответствовало их намерениям»²⁷.

чалось, что часть населения неправильно понимает юридическое положение президента. «Бунг Карно,— говорилось далее,— несет ответственность лишь перед ВНКК и богом. Он никому не передавал свою власть». Подчеркивалось, что президент «имеет полную свободу выбора помощников, и в этой связи попытки оказать на него давление и заставить пересмотреть состав кабинета министров — неправомерны»³⁰. Однако Сукарно уже фактически лишился власти. Передача президентом чрезвычайных полномочий генералу Сухарто в марте 1966 года явилась важнейшей вехой в затянувшемся почти на два года переходном периоде от «старого порядка» к «новому порядку».

17 марта не без поощрения военных властей Джакарты учащиеся и студенты из КАМИ и КАППИ захватили председателя парламента, министра юстиции и одного из министров-координаторов, которые были доставлены в штаб КОСТРАД.

Военные власти представили эти действия как результат стихийного гнета народа. На самом же деле эти действия были использованы для чистки кабинета за спиной Сукарно. 18 марта по приказу Сухарто прямо во дворце был арестован Субандрио, а затем третий заместитель премьера Х. Салех, министр информации Ахмади, директор Государственного банка Юсуф Муда Далам и др.

Вечером от имени президента был опубликован приказ, в котором говорилось, что в интересах обеспечения порядка, спокойствия, личной безопасности Сукарно и последовательного претворения в жизнь его учения вооруженные силы Республики приняли меры «по обеспечению безопасности» ряда министров. В приказе их арест мотивировался связью с «движением 30 сентября» или недостаточной помощью или верностью президенту³¹. Однако арестованы были именно те министры, которые были наиболее преданы Сукарно. Министров посадили в тюрьму в «целях защиты от гнева народа», а тех, кто остался на свободе, попросили временно поработать за их арестованных коллег.

Затем от имени президента было издано постановление о создании президиума кабинета в составе генерала Сухарто, султана Хаменгку Бувоно, Адама Малика, Руслана Абдулгани, Идхама Халида и

Леймены. Состав президиума кабинета носил компромиссный характер. В нем были как сторонники Сукарно или колеблющиеся (Леймена, Абдулгани и один из лидеров Нахдатул Улама Идхам Халид), так и приверженцы «нового порядка» (Сухарто, Адам Малик и Хаменгку Бувоно), причем последние фактически образовали триумвират в этом «коллективном президентстве».

Вскоре Сукарно дал согласие на формирование нового кабинета. 27 марта он объявил состав нового правительства Индонезии. Более половины министров были военными. Председателем президиума кабинета стал Леймена, на которого возлагались вопросы общего руководства. Идхам Халид отвечал за связь с высшими органами государственной власти, Руслан Абдулгани — за деятельность политических институтов, султан Хаменгку Бувоно — за экономику, финансы, строительство, генерал-лейтенант Сухарто — за вопросы обороны и безопасности, Адам Малик — за вопросы социальной и внешней политики. Насутион был назначен заместителем главнокомандующего КОГАМ в ранге министра, что вновь вывело его на арену активной политической борьбы. Однако это назначение не восстановило его прежних позиций в вооруженных силах.

Создание нового кабинета было лишь временным компромиссом между Сукарно и военными властями. «Программа, структура и даже персональный состав кабинета — это вопросы дальнейшей борьбы»³², — подчеркивал в апреле генерал Насутион. Создание кабинета рассматривалось лишь как первый этап реорганизации государственных органов³³. 31 марта была издана инструкция, которая предписывала руководителям министерств ускорить чистку государственных учреждений от бывших членов КПИ. 2 апреля руководство Временного народного консультативного конгресса приняло решение лишить полномочий всех депутатов — членов КПИ. А. Малик заявил, что пришла пора «для революции» и в области внешней политики. Выяснялись возможности новых взаимоотношений с Малайзией и Сингапуром, получения иностранной помощи. Постепенно «спускали на тормозах» вопрос о КОНЕФО. Сухарто подчеркивал, что «работа в этом направлении будет продолжаться, но вовсе необяза-

тельно проводить конференцию уже в этом году»³⁴. В Джакарте огромные плакаты, посвященные борьбе НЕФО против ОЛДЕФО, уступили место рекламе автомобилей и косметики.

Однако между внешней политикой «нового порядка» и «направляемой демократии» сохранялась определенная преемственность. Хотя и в абстрактной форме по-прежнему подчеркивалась верность Индонезии борьбе против империализма, формально не отказывались и от политики сокрушения Малайзии. Отчасти это делалось с тем, чтобы избежать нового обострения противоречий.

Чтобы отстранить Сукарно от управления, была введена специальная процедура. Так, если раньше министры имели прямую связь с президентом, то теперь все контакты должны были осуществляться через соответствующего заместителя премьер-министра. Лишь 11 министров имели право непосредственно общаться с Сукарно.

Сукарно все больше оказывался в изоляции. Это особенно бросалось в глаза на приемах. Президент теперь появлялся один, без толпы министров и генералов, которая еще так недавно окружала его. Он фактически был лишен даже свободы передвижения. Вертолет предоставлялся ему только для полетов, одобренных Сухарто. Сукарно не получил разрешения вылететь на Центральную Яву, где он по-прежнему пользовался огромным влиянием. Все его телефонные разговоры прослушивались, а посетители регистрировались. 22 марта преданный Сукарно полк дворцовой охраны «Чакрабирава» был расформирован, а его функции переданы военной полиции.

Крайне правые требовали «выдворить Сукарно из дворца». Критика в адрес президента усиливалась. Если до подписания приказа от 11 марта эта критика шла параллельно с усилением антикоммунистической кампании, то затем — параллельно с нападками на НПИ и другие левонационалистические организации, которые поддерживали Сукарно. В конце концов она вылилась в открытые нападки на самого президента. В апреле бригадный генерал Суганди, начальник отдела информации штаба вооруженных сил, призвал «называть вещи своими именами и говорить прямо, кто прав, а кто виноват»³⁵.

Любое событие активно использовалось в целях антисукарновской пропаганды. В апреле 1966 года в Цюрихе скончался правый социалист, первый премьер-министр Индонезии Сутан Шарир. Сукарно был вынужден объявить Сутана Шарира национальным героем и разрешил похоронить его на кладбище «Калибата». По этому случаю были временно освобождены из тюрем политические единомышленники Шарира с тем, чтобы они могли отдать последние почести покойному. Выступая на похоронах, Хатта заявил: «Эта церемония — доказательство того, что правительство осознало ошибку, допущенную в отношении Шарира»³⁶.

«Исправлять! Исправлять ошибки Сукарно! Не давать ему делать новые!» — стало девизом оппозиции. «Наш долг предостерегать Бунга Карно — великого вождя революции от ошибок... а Бунг Карно обязан хотеть, чтобы его поправляли»³⁷, — заявил генерал И. Аджи.

Ограничив власть Сукарно, его противники стремились конституционно закрепить это положение на сессии ВНКК. Несмотря на давление со стороны наиболее активных антисукарновцев, которые требовали его смещения, основная часть противников президента ставила перед собой более скромную задачу — «разрушить сукарноизм», временно сохранив Сукарно. «Если президент и должен быть снят, — заявлял генерал Сухарто, — то это следует сделать конституционными средствами»³⁸.

Сессия ВНКК была назначена на 20 июня. Сукарно не собирался сдаваться без боя. 23 апреля президент специальным указом распустил Высший совещательный совет и назначил новый. Во главе его он поставил своего родственника председателя Партиндо А. Хади. Этот новый Совет по замыслу Сукарно и должен был взять в свои руки подготовку сессии. Но этому не суждено было сбыться. Ряд членов вновь назначенного Совета немедленно подали в отставку и потребовали его чистки или расформирования.

---

* После отпуска и запрещения в 1960 году созданной им Социалистической партии Индонезии Шарир вел нелегальную работу и был в 1962 году арестован. С разрешения Сукарно в 1965 году он выехал в Цюрих для лечения.

Правые силы активно готовились к сессии ВНКК. Расправившись с КПИ, они принялись за Национальную партию. Съезд НПИ проходил в мае 1966 года в Бандунге «под охраной» 10 тыс. солдат. Делегатам съезда недвусмысленно намекали, что смена руководства является необходимым условием дальнейшего существования партии. На съезде левая группа Али Састроамиджой была отстранена. На смену ей пришла группировка Оса Малики. Из тюрем были освобождены политические противники Сукарно, деятели запрещенных ранее политических партий, которые сразу же активно включились в антисукарновскую кампанию.

Из заявлений Насутиона, систематически выступавшего с резкой критикой «старого порядка», становилось ясно, что именно ждут генералы от сессии конгресса. Он прямо говорил, что избрание Сукарно пожизненным президентом в 1963 году было отклонением от Конституции 1945 года. Важнейшим был вопрос о конституционном ограничении власти президента, ибо на «джентльменское соглашение» с ним противники не надеялись. Сукарно понимал, что оппоненты хотят низвести его до положения номинального главы государства.

В антисукарновском лагере не было, однако, единства по вопросу о возможном преемнике Сукарно. Генерал Насутион настаивал на избрании вице-президента, как это предусмотрено Конституцией 1945 года. Позиция Насутиона вполне объяснима, так как его кандидатуру (наряду с Хаттой и Хаменгку Бувано) выдвигали на этот пост еще в декабре 1965 года. В начале июня центральный орган вооруженных сил газета «Ангкатын Берсенджата» начала публиковать серию репортажей о поездке генерала на Суматру под заголовком: «Насутион — национальный деятель, с которым связаны сердца и надежды народа»³⁹.

Непримиримый противник Сукарно генерал Насутион наиболее открыто и резко критиковал президента. Сукарно понимал, что ему не удастся сохранить всю полноту власти, как и то, что его положение будет во многом определяться тем, кто именно получит ту часть власти, которой он лишится. Из двух возможных претендентов — Насутиона и Сухарто — он выбрал последнего, никогда не бывшего его откры-

тым противником. Если Насутион предлагал решить вопрос о вице-президенте, то Сухарто заявлял, что считает избрание вице-президента несвоевременным. Сухарто больше устроило бы законодательное оформление тех чрезвычайных полномочий, которые он получил по приказу Сукарно от 11 марта 1966 года. Поэтому Сухарто в своей речи в парламенте накануне сессии ВНКК призвал покончить с «узкой трактовкой» приказа президента. Он заявил, что «дух приказа не ограничивается вопросами обороны и безопасности и охватывает все вопросы управления, революции и жизни индонезийской нации, а его личные полномочия не сводятся к принятию отдельных конкретных мер»⁴⁰.

На обсуждение сессии ВНКК вопрос о смещении Сукарно с поста президента не выносился. Его борьба за независимость страны и против голландской интервенции, огромный международный авторитет и 20 лет правления превратили его в такую политическую силу, к открытой конфронтации с которой не была готова подавляющая часть армейской верхушки.

Сукарно еще пользовался поддержкой ряда политических деятелей, руководства ВВС, ВМС, полиции. Группа мусульманских лидеров с Восточной Явы, членов Нахдатул Улама настаивала на том, что «Бунг Карно не совершил ни одного поступка, который бы компрометировал его и мог послужить основанием для отставки»⁴¹. В крупнейших городах страны — Джакарте, Сурабае и Семаранге происходили столкновения между сторонниками и противниками президента. Несмотря на смену руководства НПИ, Сукарно и его учение были по-прежнему популярны в этой партии. В решении руководства НПИ от 30 мая прямо говорилось о необходимости усиления роли партии в политической жизни страны, защиты престижа и руководства Сукарно — отца мархаэнизма и президента. Отделение Национальной партии на Восточной Яве выдвинуло лозунг «Отдадим свою жизнь за Сукарно», а члены молодежной организации НПИ стали носить портреты президента с надписью: «Защитим Бунга Карно»⁴².

Попытки «переделать» Национальную партию путем смены ее руководства не дали ощутимых ре-

зультатов. Смена руководства не повлияла на рядовой состав партии, который оставался просукарновским. Сукарно чувствовал, что его не могут отстранить, и не сдавался. В конце мая и начале июня президент неоднократно заявлял, что его молчание в последние месяцы ничего не означает, так как он выжидает подходящий момент и тогда, с божьей помощью, выступит и выскажет все, что у него наболело на душе как у президента и главнокомандующего⁴³.

Противники Сукарно опасались, что президент сочтет сессию таким подходящим моментом. Они же требовали, чтобы президент дал оценку событий 30 сентября 1965 года и их причин. «Ангкатаи Берсенджата» писала: «Нам нужно не послание к стране, а отчет президента»⁴⁴.

Накануне сессии Фронт Панча Сила и командование вооруженных сил сделали совместное заявление, в котором подчеркнули решимость общими усилиями обеспечить успех сессии.

Конгресс заседал две недели — с 20 июня по 6 июля 1966 года — во дворце спорта стадиона «Сенаян», окруженном войсками и танками. Одним из первых решений конгресса было назначение новых 130 членов ВНКК. 21 июня ВНКК избрал своим председателем генерала Насутиона. Насутион стал практически недосыгаем для критики президента, хотя и утратил в результате этого назначения связь с вооруженными силами.

Насутиона утвердили на эту должность как раз перед тем, как на конгресс прибыл Сукарно, чтобы выступить со своей 40-минутной речью. Эта речь Сукарно не была ни отчетом, ни посланием к стране. Она была посвящена скорее выяснению отношений главы государства с ВНКК. Сукарно прежде всего подчеркнул тот факт, что конгресс сам избрал его пожизненным президентом, предоставил ему огромные полномочия и утвердил его главные выступления в качестве политического курса страны. Он довольно недвусмысленно намекнул, что вмешательство в вопросы повседневного руководства страной не входит в функции конгресса, что обязанность депутатов — утверждать конституцию, общеполитический курс страны, избирать президента и вице-президента.

Сукарно заявил, что он готов отказаться от должности пожизненного президента, если так решит конгресс. Прижав руку к сердцу, он продолжал: «Каждый имеет право служить стране. Человека можно бросить в тюрьму, расстрелять, но лишь человека, а не дело свободы. Дело свободы — бессмертно. Служение свободе — вечно. 40 лет своей жизни я посвятил этому служению. Хватит ли у меня сил продолжать эту службу, знает только аллах». Подчеркнув свою готовность по-прежнему руководить страной, Сукарно в заключение обещал справиться с этой задачей⁴⁵. Но конгресс не был склонен предоставить ему эту возможность, возведя приказ от 11 марта 1966 года на уровень декрета со сроком действия до новых всеобщих выборов. Президент теперь уже не мог отменить свой приказ.

Решение по вопросу о президенте носило характер компромисса. ВНКК решил лишить Сукарно звания пожизненного президента, принеся ему при этом свои извинения. Но он оставался президентом до всеобщих выборов, намеченных на лето 1968 года, сохраняя титул великого вождя революции. Согласно инструкции ВНКК, президент должен был поручить генералу Сухарто образовать новый кабинет к 17 августа из лиц, не замешанных в «движении 30 сентября».

Конгресс принял решение оставить вакантной должность вице-президента, отметив, что в случае необходимости исполнять обязанности президента будет генерал Сухарто⁴⁶.

Принципиально важным для закрепления своих позиций в стране правые круги считали законодательное оформление запрета Компартии. Если по вопросу о президенте в их среде имелись расхождения, то в отношении Компартии они выступали единым фронтом. Именно под их давлением конгресс узаконил декрет о роспуске КПИ и принял решение о запрещении пропаганды коммунистической идеологии в Индонезии⁴⁷. Решение конгресса о запрещении КПИ крайне правые круги стали использовать в качестве доказательства «естественного», «природного» чувства антикоммунизма у индонезийцев, в своем большинстве мусульман. Они сознательно скрывали тот факт, что антикоммунистическая кампания была тщательно организована сверху.

Принятие такого решения явилось отражением резкого усиления в стране после событий 30 сентября позиций ультраправых группировок, которые сделали все, чтобы на сессии конгресса законодательно оформить свою победу над левыми силами. Вместе с тем это решение явилось и выражением страха правых сил перед возможностью возрождения Компартии, последовательного защитника интересов трудящихся.

ВНKK также решил назначить специальный комитет для «очистки учения великого вождя от того, что противоречит духу революции и действительным потребностям страны». Конгресс расценил отчет президента как неудовлетворительный и обязал Сукарно дать более полные объяснения о событиях 30 сентября и о причинах упадка экономики и нравственности. Было также принято решение о пересмотре президентских декретов после июля 1959 года. Конгресс подтвердил свое абсолютное право на законодательную деятельность. Сукарно было запрещено издавать декреты.

Руководство вооруженных сил Индонезии одобрило и поддержало все решения ВНKK и заявило, что будет последовательно претворять их в жизнь. Генерал Сухарто подчеркивал, что сессия «подвела Индонезию к воротам в новую эру»⁴⁸.

Сукарно внешне спокойно принял решение конгресса. «Раз речь идет о выборах, — заявил он, — я готов провести их немедленно, чтобы узнать настоящую волю народа всей страны, от Сабанга до Мерауке, так как Джакарта — это еще не вся Индонезия»⁴⁹. Он, несомненно, рассчитывал на поддержку со стороны населения Центральной и Восточной Явы. Хотя конгресс принял решение, чтобы президент поручил Сухарто сформировать новый кабинет, 6 июля Сукарно заявил, что он займется этим делом вместе с генералом.

28 июля состоялась церемония принятия присяги членами нового кабинета. Из 24 министров кабинета 12 были военными, президиум кабинета возглавил Сухарто, который стал министром обороны и командующим сухопутными силами. Министром иностранных дел был назначен Адам Малик, министром экономики — султан Хаменгку Бувоно. Вопреки желанию Сукарно в состав кабинета не были включены два

его старых соратника — Леймена и Руслан Абдулгани.

Хотя сессия ВНКК укрепила власть Сухарто, нечеткость в определении полномочий, переданных генералу в марте 1966 года, оставляла Сукарно возможность для проявления инициативы и создавала «дуализм» власти. На церемонии приведения кабинета к присяге Сукарно выступил с речью, в которой призвал продолжать борьбу против Малайзии, и заявил, что Индонезия не вернется в ООН и будет проводить КОНЕФО. Сукарно вновь подтвердил, что приказ от 11 марта не означает передачи всей полноты власти генералу Сухарто⁵⁰. Речь Сукарно была встречена резкой критикой в печати. Его противники отмечали, что сессия ВНКК позволила ему остаться президентом только для того, чтобы он имел возможность исправить свои ошибки⁵¹.

После сессии ВНКК военные руководители считали, что, сохранив Сукарно его дворцы, автомобили, фонды и почетные звания, они гарантируют себя от его дальнейшего вмешательства в политику. Но они ошиблись: Сукарно не хотел идти на капитуляцию.

Ближайшим спорным вопросом стала его традиционная ежегодная речь, которую он должен был произнести 17 августа, в День независимости. Оппоненты Сукарно требовали, чтобы эта речь соответствовала «воле народа», т. е. их воле. Сукарно было предложено прорепетировать речь на пленарном заседании парламента 16 августа, хотя раньше президент всегда обращался непосредственно к народу.

Однако выступление Сукарно в парламенте отнюдь не устроило его оппонентов. Он вновь подчеркнул свое право назначать и распускать кабинет. Сукарно не скрывал, что между ним и парламентом существуют противоречия. Как может сотрудничать президент с парламентом, если парламент не понимает его генеральную линию и пути претворения в жизнь мандата ВНКК? Он специально отметил, что и министры, и члены президиума, включая самого генерала Сухарто, все-навсего лишь его помощники⁵².

Об этом же он заявил и в День независимости. Много лет в этот день он поднимался на трибуну, и реакция слушателей была всегда восторженной. Они верили отцу нации, великому Бунгу Карно, создателю

Республики Индонезии, верили и готовы были идти за ним. Как-то получится сейчас?

Президент не выступал с публичными речами уже несколько месяцев. Он окинул тревожным взглядом многотысячную аудиторию, стоявшую под палящим солнцем, и в более наступательном, чем обычно, духе начал выступление. В речи «Не забывать уроков истории» Сукарно затронул два аспекта: международный и внутренний. Он отмел все обвинения в свой адрес: «История показала, что политика, которую я проводил, это правильная политика. Самое важное — это создать национальный дух, дух нации. Это важнее строительства государства, экономики, обороны. Это самое важное. Разве это не так? Разве это не так?»⁵³ — вопрошал он. Осудив «движение 30 сентября», Сукарно тем не менее решительно заявил, что не видит необходимости в этой связи менять курс страны и отбрасывать все хорошее, что было в прошлом⁵⁴.

Президент подтвердил правильность принципа «стоять на собственных ногах» в области экономики, подчеркнув, что Индонезия не может «попрошайничать у других стран, в первую очередь у своих врагов». Рост инфляции он объяснил непомерными военными расходами. Апеллируя к истории национально-освободительной борьбы и неоспоримым успехам Республики, он призывал не забывать, что нация стала великой, так как она придерживалась его учения.

В области внешней политики Сукарно вновь подтвердил прежние принципы: проведение КОНЕФО, реорганизация ООН, непризнание Малайзии*. «В то время, как кое-кто радуется, что конфронтация подходит к концу, я говорю: «Нет! Конфронтация будет продолжаться, пока Малайзия не примет наши условия»⁵⁵. Сукарно вновь заявил о своем праве на всю полноту власти в стране, подчеркнул, что его приказ от 11 марта — это приказ о безопасности, а не о передаче полномочий генералу Сухарто. «Я по-прежнему президент, по-прежнему великий вождь революции и мандатарий ВНКК, по-прежнему премьер-министр, и я по-прежнему стою на этой трибуне»⁵⁶.

---

* Новые руководители страны 11 августа 1966 года заключили соглашение с Малайзией о прекращении конфронтации. При этом правящий триумвират обошел Сукарно, заявив, что не требуется его подписи, чтобы соглашение имело силу закона.

Выступление Сукарно 17 августа 1966 года показало, что не может быть и речи о его примирении с «новым порядком». Он резко осудил убийства, террор и аресты, снова подчеркнул свою приверженность единству трех политических течений страны — НАСАКОМ. Выступление президента подтвердило, что он не идет на капитуляцию.

В заключение своей речи, явно обращаясь к народу через голову лидеров «нового порядка», президент воскликнул: «Я ваш вождь, следуйте за мной, выполняйте мои указания. В Вас моя сила, без Вас я никто. Без колебаний и сомнений продолжайте революцию по указанному мною пути»⁵⁷.

Реакция противников Сукарно на это выступление была недвусмысленной. Министр информации Диах заявил корреспондентам: «Что бы ни говорил Сукарно, это никак не повлияет на решения кабинета»⁵⁸.

И действительно, вскоре КОГАМ — Командование по сокрушению Малайзии — было снова преобразовано в КОТИ, Индонезия вернулась в ООН, а вопрос о КОНЕФО был снят с повестки дня*.

Выступление Сукарно на праздновании XXI годовщины Республики окончательно противопоставило его «новому порядку». «Сукарно не командует, но он может помешать планам тех, кто командует»⁶⁰, — писал журнал «Эйша мэгэзин». Военные руководители увидели, что, пока Сукарно пользуется влиянием на политический курс страны, пока Сукарно не уйдет, им не удастся стабилизировать свой режим.

27 августа председатель ВНКК Насутион заявил, что речь Сукарно не имеет юридической силы и в ней просто изложены позиции самого президента⁶¹. Наиболее непримиримые противники президента призвали к борьбе против попыток приверженцев «старого порядка» укрепить положение своего лидера, отметив, что пришло время принять радикальные меры. Однако внутри вооруженных сил имелись определенные разногласия. Некоторые части полиции, ВВС, ВМС и корпус морской пехоты были по-прежнему на стороне Сукарно. Крупнейшая политическая партия страны —

---

* Председатель парламента Шейху, выступая перед индонезийской колонией в Каире 4 октября, прямо заявил, что КОНЕФО проводиться не будет, так как это нецелесообразно⁵⁹.

НПИ, несмотря на серьезные противоречия в своих рядах, поддерживала Сукарно.

В этих условиях было решено продолжать курс на постепенную дискредитацию Сукарно как руководителя государства, вождя нации и основателя национальной идеологии. Важное место при этом отводилось процессам над деятелями «Гестапу», в том числе ближайшими сподвижниками Сукарно.

20 августа 1966 года начался суд над директором Центрального банка Юсуфом Муда Даламом. Его обвиняли в растрате государственных средств, в мошенничестве, в незаконном финансировании Сукарно. На процессе был сделан вывод, что обвиняемый ставил личные интересы президента выше интересов общества и в этой связи злоупотреблял своим положением директора Центрального банка.

Однако процесс над Даламом не удовлетворил ярых противников Сукарно. В конце сентября командование дивизии Силиванги приняло резолюцию, в которой подчеркивалось, что если не удастся найти «общий язык» между ВНКК и президентом, то генерал Сухарто должен превыше всего поставить благо народа и государства. В резолюции предлагалось вызвать в Чрезвычайный военный трибунал любых необходимых свидетелей, что было также направлено против Сукарно⁶².

30 сентября члены КАМИ и КАППИ на грузовиках проехали по улицам столицы с лозунгами: «Бунг Карно 1945 года — да! Бунг Карно 1966 года — нет!», «Сукарно — в трибунал!» Но лидеры «нового порядка» не торопились. Следующим шагом по их плану был суд над Субандрио, назначенный на 1 октября. В связи с годовщиной событий 30 сентября 1965 года в столице не утихали антисукарновские демонстрации. Члены КАМИ и КАППИ окружили президентский дворец и требовали от Сукарно отчета о «движении 30 сентября», угрожая в случае его отказа захватить дворец.

Военные власти столицы сочли, что студенты и учащиеся зашли слишком далеко. 2 октября командующий Джакартским округом дал приказ очистить от демонстрантов улицы, примыкавшие к дворцу. «Мы хотим сотрудничать со студентами, но они должны понимать, что именно мы отвечаем за все и нам решать,

«как играть эту игру»»⁶³, — заявляли военные руководители. Председатель ВНКК генерал Насутион подчеркивал, что есть два пути перехода от «старого порядка» к «новому»: радикальный и поэтапный. Насутион далее отметил, что молодое поколение хочет идти по первому, радикальному пути, в то время как старшее поколение склоняется ко второму⁶⁴. Но это не меняло целей борьбы — отстранение Сукарно.

Козырной картой противников Сукарно был суд над Субандрио. Правда, он принес некоторое разочарование тем, кто ждал драматических открытий. Обвинители доказали то, что и так было широко известно, а именно что Субандрио энергично подталкивал Сукарно в сторону союза с Пекином. Прокурор потребовал и добился смертного приговора для Субандрио на том основании, что его действия при «старом порядке» как руководителя Управления разведки и безопасности, который ничего не сделал, чтобы предотвратить «движение 30 сентября», представляли «преступление против государства»*.

Согласно письменным показаниям, которые пришлось дать президенту, и зачитанным на процессе, Сукарно ничего не знал о подготовке «движения 30 сентября»⁶⁵.

Таким образом, процесс не оправдал надежд противников президента. Он почувствовал себя спокойнее и воспрянул духом. 5 октября, выступая на военном параде по случаю дня вооруженных сил Индонезии, Сукарно обратился «к своим сыновьям, которые носят оружие», с призывом поддерживать его⁶⁶. А вечером после парада Сукарно выступал в роли гостеприимного улыбающегося хозяина на приеме в саду дворца. Он предложил генералам и адмиралам спеть песню, попросил дам присоединиться к ним, шутил с дипломатами. Это был прежний Сукарно, все еще крепкий, уверенный в себе, обаятельный. Президент считал, что его положение не так уж безнадежно. Обращение к «носящим оружие сыновьям» нашло определенный отклик. Группа моряков разгромила в Джакарте штаб антисукарновской молодежной организации. Несмотря на давление со стороны «нового

---

* Приговор до настоящего времени не приведен в исполнение, и Субандрио находится в тюрьме.

порядка», НПИ подтвердила готовность защищать Бунга Карно от всех попыток «сбросить» любимого вождя.

Противники президента убедились на практике, что он не уступит. Но перед тем, как перейти в решительное наступление против Сукарно, ему вновь стали предлагать отправиться в длительную поездку за границу. Сначала в Токио, где его жена Деви ожидала ребенка, а затем в Вену, для лечения и отдыха. Вспомнили также, что Сукарно был приглашен в Каир. Малик прямо спросил согласия президента на телеграмму Насеру о принятии его приглашения. В ответ Сукарно посмотрел на Малика с понимающей улыбкой и отказался. Он не терял веры в себя: «Проведите завтра выборы, и я выйду победителем». Нужно кардинально решать проблему дуализма, так как между «старым» и «новым» порядками не может быть компромисса⁶⁷, писали газеты.

К концу 1966 года вопрос о смещении президента встал особенно остро. Хотя противники президента понимали, что надо спешить, они не решались на резкие меры, взяв курс на окончательный подрыв авторитета Сукарно. В ноябре 1966 года начался судебный процесс над бывшим командующим ВВС Омаром Дани, в ходе которого свидетели показали, что Сукарно имел информацию о подготовке «движения 30 сентября». В тот же период индонезийская пресса выступила с серией «сенсационных разоблачений» политических промахов президента, его любовных походов, эгоизма, тщеславия. Сукарно явно проигрывал «войну нервов». Адам Малик заверял, что в наступающем 1967 году «ВНKK и народ встанут на новый путь»⁶⁸.

Конец пути

Уйти в отставку? Нет.
Я должен работать
для моей страны, пока жив.
Сукарно

11

Формально все еще президент, глава государства, великий вождь революции, Сукарно с прежней торжественностью проводил традиционный новогодний прием во дворце Мердека. Вечером он с Хартини поехал в гости к морякам джакартской гавани и оставался с ними до утра.

В своем новогоднем выступлении по радио председатель президиума кабинета Сухарто призвал покончить со всем, что противостоит «новому порядку», иными словами, ликвидировать дуализм власти. Крайне правые круги требовали, чтобы в 1967 году были устранены не только остатки «старого порядка», но и сам Сукарно, их основоположник и защитник¹. Они обвиняли Сукарно в безответственном правлении, нарушении демократических норм, авторитарных замашках, «противоречащем нормам примерного мусульманина» поведении.

Внешне создавалось впечатление, что Сукарно все это мало трогает. Он заявлял, что плюет на тех, «кто советует ему держаться тихо и не выступать с речами». И действительно, Сукарно пользовался любой возможностью, чтобы высказаться и вновь подтвердить, что он по-прежнему президент. Желая положить этому конец, противники Сукарно перешли в очередную атаку. От Сукарно стали требовать новых объяснений событий 30 сентября.

Однако сломить его не удалось. «Я долго думал и провел бессонную ночь, но все-таки я не могу уступить»², — сказал

Сукарно, вручая текст дополнения к своей речи перед ВНКК в июне 1966 года. Президент по-прежнему утверждал, что события 30 сентября были для него «полной неожиданностью», и объяснял их «действиями сумасбродов»³. Вину за экономический кризис в стране он возлагал на мятежников, которые возглавлялись подчиненными тогдашнего командующего сухопутными войсками генерала Насутиона. В заключение Сукарно вообще выразил сомнение в правомерности того, что отчет за события осени 1965 года требуют от него, а не от генерала Насутиона, занимавшего в то время пост министра обороны и безопасности⁴.

Этот документ, который парламент вновь расценил как неудовлетворительный, вызвал огромный резонанс. В Джакарте снова начались антисукарновские демонстрации. Председатель парламента А. Шейху призвал покончить с «главным зодчим старого порядка». А. Малик обратился к Сукарно с просьбой добровольно уйти в отставку во имя спасения нации.

Поскольку реакции Сукарно не последовало, его противники нанесли ему очередной удар. В середине января 1967 года они объявили об аресте генерала Супарджо, одного из главных лидеров «движения 30 сентября».

Очевидно, этот удар оказался особенно ощутимым для Сукарно. Тон его выступлений резко изменился. Это был уже тон человека, который осознал, что сопротивление бессмысленно. Теперь в своих выступлениях он говорил о том, что в мире «нет людей без недостатков», и просил «индонезийский народ и весь мир отпустить ему вольные и невольные грехи»⁵. Однако парламент принял резолюцию, в которой предлагалось рассмотреть дело «гражданина Сукарно» по обвинению его в действиях, нарушающих Конституцию 1945 года, принципы Панча Сила и решения конгресса⁶.

Конгресс обратился к Сухарто с требованием предоставить ему все материалы о возможной причастности президента Сукарно к попытке переворота. Против Сукарно официально выдвигалось обвинение в проведении политики, которая привела к событиям 30 сентября 1965 года, экономическому и моральному кризису нации. Противники Сукарно стремились не толь-

ко снять его с поста президента, но и предать анафеме всю его деятельность на этом посту.

Сукарно, изолированный от внешнего мира, в глубине души все еще рассчитывал на прежние симпатии народа. Он надеялся, что его сторонники консолидируются, смогут его поддержать. Он не понимал, что его приверженцы уже не располагают реальной силой, а ряды их тают в результате активных акций противников. Некоторые армейские генералы лишь ждали сигнала, чтобы с помощью силы выдворить президента из дворца⁷.

На 23 февраля был назначен суд над Супарджо*. Эта акция была основным звеном в психологической атаке на Сукарно, цель которой состояла в том, чтобы заставить президента добровольно уйти в отставку и тем самым окончательно деморализовать его сторонников. Такой исход автоматически решил бы вопрос о власти без столкновений и борьбы. По мере того как данные допроса просачивались в прессу, Сукарно стал все активнее искать компромисса. 7 февраля президент направил генералу Сухарто письмо, к которому был приложен проект документа о передаче им исполнительной власти «держателю приказа от 11 марта». Сукарно заявил, что готов покончить «с дуализмом» в правительстве, но по-прежнему настаивал, чтобы высшее государственное руководство оставалось у него в руках⁸. Военные руководители не согласились на эти условия. «Правительство не пойдет на компромисс с Бунгом Карно!»⁹

9 февраля парламент принял резолюцию с требованием о проведении сессии ВНКК не позднее марта 1967 года. В меморандуме, приложенном к резолюции, в адрес Сукарно было прямо сформулировано обвинение в участии в «движении» и попытках спасти его руководителей¹⁰. На обсуждение сессии ВНКК парламент выносил три вопроса: расследование и оценка роли Сукарно в событиях 30 сентября, его отставка и выборы или назначение нового президента.

Рабочий комитет ВНКК постановил провести чрезвычайную сессию с 7 по 11 марта. Заместитель председателя ВНКК М. Сирегар заявил, что даже добровольный уход Сукарно с поста президента не освобо-

---

* Был приговорен к смертной казни,

дит его от ответственности за прошлую деятельность¹¹.

Судьба Сукарно была предрешена. Сам он переживал тяжелый душевный кризис. В ответ на обвинения в его адрес Сукарно все чаще повторял одну и ту же фразу: «Я все еще президент». Но вера широких народных масс в президента уже была подорвана. На Западной Яве члены КАМИ и КАППИ сняли все портреты президента с общественных зданий. Власти не чинили им препятствий.

По мере приближения даты открытия чрезвычайной сессии Сукарно все больше нервничал. 20 февраля он направил генералу Сухарто письмо, из текста которого было ясно, что Сукарно наконец согласился на роль номинального президента. Сукарно фактически просил лишь сохранить за ним титулы президента, верховного главнокомандующего, великого вождя революции, мандатария ВНКК¹². Но наиболее непримиримые противники Сукарно стремились довести дело до конца. Они заявляли, что в случае полюбовного решения вопроса о Сукарно в стране может возникнуть конфликтная ситуация.

Вплоть до начала марта в стране продолжалась дискуссия о дальнейшей судьбе Сукарно, не президента, а гражданина, поскольку было ясно, что у него нет никаких шансов не только сохранить власть, но и остаться номинальным главой государства.

Возможность организованного выступления сторонников Сукарно была невелика. Правда, иногда в Сурабае еще звучал марш «Слава Сукарно», под который подразделения военнослужащих флота и авиации звонко чеканили шаг. Но этот марш уже не мог собрать под знамена Сукарно значительные силы.

Однако по вопросу о целесообразности суда над Сукарно не было единства мнений. Целый ряд военных руководителей рассуждал так: «Отдать Сукарно под суд — значит судить всю индонезийскую нацию». Разногласия по вопросу о судьбе Сукарно теперь носили качественно новый характер, чем раньше. По существу обсуждались лишь возможности сохранения престижа президента, но отнюдь не его власти. А по этому вопросу сторонники Сукарно и умеренные представители «нового порядка» имели шанс договориться.

Накануне сессии ВНКК Сухарто, выступив в парламенте, призвал не принимать такого решения, которое

поставило бы страну в трудное положение. Он выразил надежду, что сессия разрешит существующие проблемы, не создав новых.

7 марта 1967 года открылась чрезвычайная сессия ВНКК. Она проходила во Дворце спорта, который выглядел на этот раз необычно. Не было ни портретов президента, ни антиимпериалистических лозунгов, не было и самого президента. И это было особенно непривычным. Из года в год под гром аплодисментов Сукарно появлялся в зале Дворца спорта в сопровождении почетного эскорта и поднимался на трибуну. Сейчас же впервые в истории Республики члены конгресса собрались не в качестве слушателей, а как судьи, которым предстояло решить судьбу Сукарно.

Вокруг вопроса о лишении Сукарно власти в ходе работы сессии разногласий не возникало. Борьба развернулась лишь по вопросу о степени ответственности Сукарно за события 30 сентября, «экономический и моральный упадок нации». Самую непримиримую позицию занимал генерал Насутион, который требовал не только смещения Сукарно, но и суда над ним. Большинство депутатов все-таки придерживались мнения, что невозможно судить человека, который «нанес Индонезию на политическую карту мира» и стал ее первым президентом.

Генерал Сухарто выступил с часовой речью, в которой подробно рассмотрел позицию Сукарно в ходе событий 30 сентября и после них. Он делал вывод, что Сукарно не мог быть непосредственным организатором «движения 30 сентября»¹³. Обвинение по этому вопросу фактически сводилось к тому, что Сукарно утратил бдительность в деле защиты принципов Панча Сила и косвенно покровительствовал участникам переворота. Сухарто много внимания уделил прошлым заслугам президента и призвал не допускать несправедливости в отношении Сукарно.

Очевидно, такая позиция диктовалась стремлением избежать конфликта со сторонниками президента. Сухарто не мог не учитывать глубины и силы симпатий самых различных слоев населения к Сукарно и его заслуги перед национально-освободительным движением. В течение долгих лет у многих индонезийцев отношение к Сукарно как «к отцу нации» и президенту сливалось воедино. Они говорили: «Ведь не поса-

дите же вы в тюрьму своего отца, даже если он совершил преступление». Многие офицеры, особенно яванцы, были против его дискредитации. На совещании военных главком ВМС адмирал Мульяди прямо сказал: «Я не возражаю, если Сукарно уйдет в отставку по собственному желанию. Но если его заставят предстать перед военным трибуналом, ВМС взбунтуются»¹⁴. Против суда над Сукарно выступил и начальник полиции генерал Сучипто.

Сухарто прекрасно понимал, что попытки унижить Сукарно вызовут взрыв недовольства. Поэтому он советовал конгрессу тщательно обсудить принимаемые решения и постараться избежать новых политических осложнений, в которые могли бы быть втянуты вооруженные силы. Генерал призвал принять во внимание прошлые заслуги Сукарно в борьбе за независимость и не поднимать вопрос о его дальнейшей судьбе, тем более что он тяжело болен.

Дискуссия в конгрессе затягивалась. Решение принималось не путем голосования, а с помощью «мушавараха» и «муфаката». Тем временем в стране происходили столкновения между сторонниками и противниками президента.

Наконец 12 марта решение ВНКК было сформулировано. В нем отмечалось, что президент проводил политику, которая косвенно поощряла «движение 30 сентября» и давала защиту его руководителям. ВНКК постановил лишить Сукарно права заниматься политической деятельностью вплоть до всеобщих выборов и освободить его от функций главы государства как не выполнившего свои конституционные обязанности. Однако в решении не было записано, что Сукарно лишен титула президента. Что касается титула «великий вождь революции», то отмечалось, что он не дает ему никаких дополнительных прав. Дальнейшую судьбу Сукарно предполагалось решить в соответствии с юридическими нормами, существующими в стране¹⁵. Последней инстанцией в этом вопросе был утвержден генерал Сухарто, назначенный конгрессом исполняющим обязанности президента *. ВНКК принял решение пересмотреть основные положения государственного

---

* 46-летний генерал автоматически стал и исполняющим обязанности верховного главнокомандующего, сохранив за собой должность главкома сухопутных войск.

курса, поскольку «Политический манифест» Сукарно был признан не отвечающим современным условиям и политической обстановке.

Больной Сукарно находился в то время в Богоре в своем дворце. О решении конгресса он узнал из сообщений радио. «Да исполнится воля божья», — сказал он Хартини. А на улицах города члены КАМИ и КАППИ скандировали: «Сукарно конец. Да здравствует Сухарто!»¹⁶

13 марта Сухарто выступил по телевидению и радио с дополнительными разъяснениями постановлений ВНКК. В своей речи он, в частности, заявил, что конгресс принял психологически верное решение, официально не сместив Сукарно. И что он сам будет относиться к Сукарно «как к президенту, но президенту, не имеющему власти»¹⁷.

После решения сессии ВНКК власти дали команду снять портреты Сукарно во всех правительственных зданиях и индонезийских посольствах за рубежом. Сукарно разрешалось жить во дворце «Мердека» в Джакарте, свобода же передвижения по городу была ограничена визитами в универсальный магазин «Сарина». На конец недели он мог вылетать в Богор к Хартини на вертолете со специальным экипажем и ограниченным количеством горючего. Фактически Сукарно был привилегированным пленником. Здоровье его ухудшалось, активизировалась старая болезнь почек, время от времени с ним случались сердечные приступы.

Чтобы подчеркнуть серьезность заболевания Сукарно, был опубликован доклад консилиума врачей, которые под присягой подтвердили, что «состояние Бунга Карно ухудшилось настолько, что с ним следует обращаться особенно бережно»¹⁸. Но Сукарно не мог жить в безвестности и политической изоляции. Сохраняя титул президента, он продолжал приглашать гостей, встречаться со старыми товарищами по оружию. Сукарно стремился как можно чаще бывать на людях, давая понять, что, если бы ему разрешили, он мог бы быть политически более активным. Все это не могло не будоражить общество.

В начале мая 1967 года было опубликовано специальное решение президиума кабинета № 62, касающееся Сукарно. Теперь его лишили и титула президен-

та и выселили из дворца в Джакарте. Местом пребывания Сукарно был определен дворец в Богоре. При нем оставалось несколько адъютантов и секретарь. В документе подчеркивалось, что ограничения в отношении Сукарно носят временный характер и продиктованы заботой о бывшем президенте¹⁹.

Однако Сукарно даже и в этих условиях остался верен себе. Его дворец в Богоре по-прежнему был довольно многолюдным местом. Сукарно то открывал новую экспозицию своей богатейшей коллекции картин, то устраивал самодеятельные спектакли. Все эти светские развлечения в конечном итоге перерастали, по утверждениям его противников, в политические встречи деятелей «старого порядка».

6 июня 1967 года Сукарно устроил прием по случаю своего дня рождения. Газета Национальной партии «Сулук Мархаэн» опубликовала статью «Да здравствует Бунг Карно!» с его фотографией. «Сегодня 6 июня — день рождения Бунга Карно, отца мархаэнизма. Ему исполнилось 66 лет. Более двух третей своей жизни он отдал служению народу и стране. Если основываться на исторических фактах и быть объективным, то нельзя не признать, что он оказал государству и нации много услуг, хотя, как и всякий человек, совершал ошибки, имел слабости. Да дарует ему аллах долгую жизнь и крепкое здоровье!»²⁰

А позже на торжественном заседании, посвященном 40-летию Национальной партии, во Дворце спорта был вывешен огромный портрет Сукарно. Тогдашний председатель НПИ престарелый Оса Малики, напоминая об историческом пути партии, рассказал о роли инженера Сукарно как ее основателя и творца ее идеологии — мархаэнизма.

И прием во дворце, и восторженную статью в «Сулук Мархаэн», и особенно празднование 40-летия НПИ противники Сукарно расценили как нарушение постановления № 62. 6 июля 1967 года командующие четырех военных округов Явы совместно с командующими стратегического резерва армии и воздушно-десантных войск подписали в Джокьякарте декларацию. В ней они выразили готовность принять самые решительные меры против отдельных личностей и групп, которые игнорируют принципы Панча Сила и Конституцию 1945 года, действуют вразрез с реше-

ниями ВНКК и выступают за восстановление власти вождя «старого порядка» — Сукарно.

Местные военные руководители в провинциях восприняли джокьякартское заявление как руководство к действию и стали преследовать сторонников Сукарно, приказали убрать портреты бывшего президента из учреждений и общественных мест, если они еще где-то остались по недосмотру. Эта декларация послужила толчком для проведения более жесткой политики в отношении Национальной партии Индонезии. Деятельность местных отделений партии была временно приостановлена или совершенно запрещена.

Не избежала чистки и армия. 19 июля генеральный прокурор Индонезии генерал-майор Сугиарто объявил, что ряд офицеров арестованы по обвинению в заговоре с целью возвратить к власти Сукарно. На следующий день было опубликовано сообщение, что на Центральной Яве проводится чистка командного состава, в результате которой 1000 офицеров уже уволены в отставку.

Вслед за этими событиями снова усилилась антисукарновская кампания. Если раньше стоял вопрос о необходимости внесения коррективов в учение Сукарно, то теперь представители «нового порядка» призывали отказаться от сукарноизма вообще. В начале августа 1967 года парламент принял резолюцию, в которой призвал принять решительные меры против тех, кто пытается восстановить власть бывшего президента, а также решить юридические вопросы, касающиеся лично Сукарно. Вскоре приказом командующего военным округом Западной Явы, куда входил Богор, Сукарно было запрещено вступать в контакты с местным населением и выезжать за пределы округа без специального на то разрешения. Бывший президент был фактически посажен под домашний арест в Богорском дворце.

17 августа страна готовилась отметить XXII годовщину независимости. По сообщению армейской прессы, правительство не собиралось приглашать Сукарно на это празднование. Сукарно не мог поверить в это. Его, человека, который зачитал текст Декларации независимости Индонезии и 20 лет обращался к народу с речью в этот день, его, который дал команду поднять красно-белый флаг Республики, теперь лишали

права даже присутствовать на праздновании Дня независимости.

Сукарно был вынужден примириться с тем, что его вычеркнули из сегодняшней политической жизни страны, но он не мог и не хотел смириться с тем, что его пытались вычеркнуть из ее истории. Это толкнуло Сукарно на своеобразную акцию протеста. Он спрятал флаг Республики, сшитый Фатмавати еще в августе 1945 года (индонезийский народ считает этот флаг своей национальной реликвией, его символически поднимают лишь раз в году). Страсти вокруг флага разгорались. Некоторые горячие головы даже требовали изъять флаг у Сукарно силой. Сукарно было направлено «приглашение-ультиматум», сформулированное в достаточно вежливой форме. Бывшего президента приглашали прибыть в Джакарту на церемонию передачи флага. Сукарно был поставлен в безвыходное положение. Он прибыл в столицу и передал национальный флаг четырем главнокомандующим вооруженных сил. Теперь и сам флаг и право его подъема перешли к представителям «нового порядка». В канун Дня независимости вместо традиционного обращения президента к народу генерал Сухарто выступил с речью в парламенте. Индонезийцам, в особенности представителям отдаленных районов, не так легко было привыкнуть к тому, что Сукарно больше не президент и что они больше не услышат его зажигательных речей. Но наиболее ярким противникам Сукарно и этого казалось мало. Они считали, что правительство в целях укрепления «нового порядка» должно довести дело «гражданина Сукарно» до конца.

К началу 1968 года уже стало совершенно ясно, что Сукарно навсегда сошел с политической арены страны. Теперь многие его бывшие приверженцы переходили на сторону нового режима и даже стали выступать с критикой в адрес своего бывшего кумира, за что и получили ироническое звание «запоздалых героев».

10 февраля 1968 года был обнародован новый состав парламента. Число членов его увеличилось на 67 сторонников «нового порядка» и составляло теперь 414, кроме того, в нем уже было 123 новых депутата, заменивших «ушедших в отставку» людей, которые все еще мыслили категориями «старого

порядка» или были преданы «отцу мархаэнизма». Реорганизация парламента автоматически означала и реорганизацию ВНКК, так как все члены парламента были одновременно и членами конгресса. Теперь можно было решать вопрос о президенте.

Сессия ВНКК, открывшаяся 21 марта 1968 года, назначила генерала Сухарто президентом страны сроком на 5 лет, отсрочив всеобщие выборы до 5 июля 1971 года. Избранным в 1971 году членам ВНКК предстояло на мартовской сессии 1973 года избрать президента и вице-президента, «если на то будет воля аллаха» *.

Бывший президент направил Сухарто поздравительное письмо, в котором подтвердил свой отказ от всяких притязаний на власть и обратился с просьбой предоставить ему право проживать в частном доме²¹. Получив разрешение, Сукарно переехал в Джакарту и поселился на улице Гатот Суброто, в доме, который он так и не достроил для своей жены Деви.

Но даже полностью изолированный, экс-президент все еще привлекал к себе внимание как друзей, так и врагов. Правые требовали расправы над ним, а его последователи по-прежнему видели в нем идейного вождя.

Вскоре последовали аресты военных и гражданских лиц, обвинявшихся в симпатиях к Сукарно. А осенью 1968 года сам Сукарно и Хартини подверглись допросам. Следователей интересовала и роль Сукарно в событиях осени 1965 года, и его последующая деятельность. Лишь в середине октября органы безопасности прекратили допрашивать экс-президента. Следствие же по делу некоторых его сторонников, ряд которых занимал высокие государственные должности и обвинялся в деятельности, направленной на возвращение Сукарно к власти, продолжалось.

Начало 1969 года было отмечено новыми ограничениями, наложенными на Сукарно. Бывшему президенту было разрешено поддерживать контакты только с самыми близкими родственниками²². Вся переписка контролировалась. Хартини почти все время была

---

* Вопрос о Сукарно не поднимался. В решениях указывалось только, что его труды, известные как учение «великого вождя», не являются чем-то выдающимся и должны расцениваться так же, как и труды других индонезийских идеологов.

с ним. Днем, когда он себя чувствовал достаточно бодрым, они совершали прогулки в саду, после обеда он отдыхал, а вечерами они иногда играли в карты, расплачиваясь коробками спичек.

Последний раз Сукарно, сопровождаемый охраной, появился на людях 14 марта 1969 года, во время церемонии бракосочетания своей дочери Мегавати. Увидев корреспондентов, он забеспокоился и хотя не стал отвечать на вопросы, охотно позировал фото-репортерам.

После этого власти еще более усилили контроль за личной жизнью Сукарно. Ему было запрещено в течение четырех месяцев встречаться с детьми и Хартини, которая наконец к 1970 году стала его единственной женой*. Он был абсолютно отрезан от внешнего мира, живя в мрачном недостроенном доме. Сад был запущен, а бассейн зарос. Сукарно носил простую одежду, питался рыбой и овощами. Но самое страшное было в том, что в его жизни образовался вакуум, который ему нечем было заполнить. Великолепный оратор, он испытывал потребность разговаривать с массами, но его некому было слушать, и он разговаривал сам с собой. Увидев после четырехмесячного перерыва Хартини и своих детей, Сукарно расплакался как ребенок.

Хартини писала, что он очень изменился за этот период — облысел и был очень бледен. Он стал молчалив, а если говорил, то лишь о своих повседневных делах. У него появилось безразличие ко всему. Временами казалось, что ему все равно, жив он или нет. Здоровье Сукарно становилось все хуже. Иногда с ним случались обмороки. Когда ему становилось лучше, он старался выглядеть как раньше, начинал интересоваться политикой, много времени проводил за чтением газет и журналов. Свое 69-летие, с которым Хартини и его дети пришли поздравить его, он встретил в постели. На их поздравления он ответил одним словом «спасибо». Вскоре им разрешили навещать его каждый день, но он уже таял на глазах.

В «Автобиографии» Сукарно написал, что хотел бы умереть тихо и без мучений, в собственной постели

---

* После 1965 года все другие жены Сукарно развелись с ним.

и быть похороненным по мусульманским обычаям недалеко от Бандунга, именно там, где он впервые встретил «мархаэна». Сукарно высказал пожелание, чтобы на его надгробном камне не было перечисления всех его титулов, а была вырезана скромная надпись: «Здесь лежит Бунг Карно — глашатай индонезийского народа»²³.

В начале лета 1970 года Сукарно почувствовал себя совсем плохо и 16 июня был доставлен в госпиталь сухопутных войск. Деви, которая жила в то время в Париже, приняла решение немедленно выехать в Джакарту, чтобы показать Сукарно его дочь Картику, которую он еще не видел. Хотя в конце 1969 года Деви добилась развода, на который Сукарно согласился с чувством величайшей горечи, он обратился к властям с просьбой разрешить ему повидаться с Деви и дочерью.

Утром 20 июня, по мнению врачей, кризис миновал. Сукарно почувствовал себя лучше. Хатта с детьми пришел навестить его. Сначала Сукарно не узнал старого товарища, но потом, когда ему надели очки, он чрезвычайно растрогался и прослезился. Хатта пожелал ему скорейшего выздоровления и обещал зайти еще. В тот же день к Сукарно пришла Деви с дочерью. Она провела у постели больного около часа. Через несколько часов после ее ухода состояние Сукарно снова резко ухудшилось. Утром 21 июня он скончался.

По решению правительства в Индонезии был объявлен семидневный национальный траур. Было также принято решение похоронить Сукарно с подобающими «провозвестнику независимости» почестями в городе Блитаре на Восточной Яве. Министр информации Будиарджо заявил, что это последнее решение вызвано политическими, психологическими и семейными соображениями. Он пояснил, что в Блитаре похоронена мать Сукарно, с которой он был очень близок, и что, кроме того, сам Сукарно когда-то высказал своим родным просьбу похоронить его именно там.

Гроб с телом Сукарно, накрытый национальным флагом, был отвезен на улицу Гатот Суброто. Вечером Имам Хамка, бывший политический противник Сукарно, отслужил у гроба службу, а в полночь состоялась официальная траурная церемония, которой руко-

водил министр религии М. Дахлан. На церемонии присутствовал президент Сухарто.

Всю ночь накануне похорон дом Сукарно буквально осаждали толпы людей, пытавшихся пробиться к гробу. На следующее утро проститься с Сукарно пришел генерал Насутион, члены кабинета, представители дипломатического корпуса. В 9 часов 30 минут траурная машина взяла курс на авиабазу Халим. Вдоль улиц и дорог на многие километры стояли люди, вышедшие проводить Сукарно в последний путь. Гроб с телом Сукарно самолетом был доставлен в город Маланг, а оттуда траурная процессия проследовала в Блитар.

На траурной церемонии командующий сухопутными войсками генерал Пангабеан выступил с речью, в которой от имени президента и правительства Индонезии заявил, что страна потеряла одного из своих борцов, одного из «провозвестников независимости»²⁴. Муж старшей дочери Сукарно от имени семьи покойного поблагодарил правительство за организацию похорон. Гроб с телом бывшего президента опустили в могилу. На могильном холме укрепили плиту с надписью: «Сукарно. 1901—1970». На следующий день к могиле началось настоящее паломничество. Были приняты ограничительные меры. К могиле Сукарно стали допускать лишь по специальному разрешению властей Восточной Явы.

Заключение

Если вы посвятили свою жизнь
великому делу,
то отблеск его величия
падет и на вас.

Сукарно

С именем Сукарно неразрывно связаны подъем национально-освободительного движения индонезийского народа, достижение страной независимости и становление молодой Индонезийской республики. Он не только оказал большое влияние на развитие своей страны, но и долгое время был как бы олицетворением Индонезии в глазах окружающего мира, одним из тех, кто стоял у истоков движения неприсоединения.

Первый президент крупнейшей страны Юго-Восточной Азии — личность сложная и противоречивая. Глубоко веривший в то, что он идет путем, предначертанным свыше, и убежденный в своей непогрешимости, Сукарно нередко находился в плену заблуждений, совершал ошибки, которые оказали негативное влияние не только на его личную судьбу, но и на судьбу всей страны. Неспособность до конца понять истинное положение вещей и пагубность того курса, на который его толкнули пекинские гегемонисты, способствовали тому, что Сукарно потерял опору в массах и был лишен власти.

Однако эти ошибки не могут перечеркнуть его заслуг. Сукарно принадлежит не только прошлому, но и настоящему и будущему своей страны. В памяти индонезийского народа и всех борцов против колониализма и империализма он останется человеком, который посвятил свою

жизнь священному делу — борьбе за независимость родины.

21 июня 1979 года, в 9-ю годовщину со дня смерти Сукарно, на его могиле в торжественной обстановке президентом Сухарто был открыт мемориал. Здание высотой 18 метров выполнено в яванском и балийском стилях и имеет три ступени, символизирующие три этапа жизни человека. Могила Сукарно находится между могилами его матери и отца. На могильной плите надпись: «Здесь лежит Бунг Карно — провозвестник независимости и первый президент Республики Индонезии. Родился 6 июня 1901 года. Умер 21 июня 1970 года».

Примечания

1

- ¹ См. Губер А. А. Избранные труды. М., 1976, с. 14, 19.
- ² Feith H. The decline of constitutional democracy in Indonesia. New York, 1963, p. 2.
- ³ Adams C. Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia. Djakarta, 1965, hal. 42.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 132.
- ⁵ Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1961, с. 192.
- ⁶ См. там же, с. 52.
- ⁷ См. Белецкий А. Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии 1917—1942 гг. М., 1978, с. 8.
- ⁸ См. Сукарно. Указ. соч., с. 195.
- ⁹ См. Белецкий А. Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965, с. 60.
- ¹⁰ См. там же, с. 15.
- ¹¹ См. там же, с. 16.
- ¹² См. там же, с. 49.
- ¹³ См. там же, с. 58.
- ¹⁴ См. Вальков В. А. Индонезия на пути независимого развития. М., 1960, с. 24.
- ¹⁵ См. Белецкий А. Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии, с. 36.
- ¹⁶ См. Белецкий А. Б. Национальное пробуждение Индонезии, с. 36.
- ¹⁷ Dahm B. Sukarno and the struggle for Indonesian independence. [West] Berlin, 1969, p. 29.
- ¹⁸ «World today» (London), 27.VI.1965.
- ¹⁹ Hyde D. Confrontation in the East. Singapore, 1965, p. 17.
- ²⁰ Белецкий А. Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии, с. 31.
- ²¹ Белецкий А. Б. Национальное пробуждение Индонезии, с. 57.
- ²² См. Коробков А. Ф. Буржуазная общественно-политическая и философская мысль Индонезии. М., 1972, с. 27.
- ²³ Kerstiens T. The new elite in Asia and Africa. Washington, 1966, p. 93.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 145.
- ²⁵ См. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965). М., 1970, с. 27.
- ²⁶ См. Белецкий А. Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии, с. 86.
- ²⁷ См. Коробков А. Ф. Указ. соч., с. 29.
- ²⁸ Adams C. Op. cit., hal. 58.
- ²⁹ Ibid., hal. 59.

- ³⁰ Ibid., hal. 54.
³¹ См. Legge G. D. Sukarno: A Political Biography. London, 1973, p. 61.
³² Adams C. Op. cit., hal. 66.
³³ Ibid. hal. 65.
³⁴ Dahm B. Op. cit., p. 39.
³⁵ См. Белецкий А. В. Национальное пробуждение Индонезии, с. 215.
³⁶ Цит. по: Цыганов В. А. Национально-революционные партии Индонезии (1927—1942). М., 1969, с. 12.
³⁷ Dahm B. Op. cit., p. 33.
³⁸ Adams C. Op. cit., hal. 87.

2

- ¹ Adams C. Op. cit., hal. 85.
² См. Цыганов В. А. Указ. соч., с. 21.
³ См. Губер А. А. К вопросу об особенностях формирования классов и партий в колониальной Индонезии. — В сб.: Ученые записки АОН при ЦК КПСС. М., 1958, вып. 33, с. 325.
⁴ Sukarno. Dibawah bendera revolusi. Djakarta, 1959, hal. 2.
⁵ Ibid., hal. 2.
⁶ Ibid., hal. 17.
⁷ См. «Новое время», 1957, № 44.
⁸ См. «Правда», 11 октября 1956 г.
⁹ Sukarno. Dibawah bendera revolusi, hal. 14.
¹⁰ Ibid., hal. 19.
¹¹ Ibid., hal. 3.
¹² Ibid., hal. 508.
¹³ Айдит Д. П. Краткая история КПИ. М., 1956, с. 19.
¹⁴ См. Закашикова Е. П. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии. М., 1971, с. 206.
¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 111.
¹⁶ Sukarno. Dibawah bendera revolusi, hal. 609.
¹⁷ Dahm B. Op. cit., p. 80.
¹⁸ См. Белецкий А. В. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии, с. 316.
¹⁹ Adams C. Op. cit., hal. 107.
²⁰ Цыганов В. А. Указ. соч., с. 33—34.
²¹ Sukarno. Dibawah bendera revolusi, hal. 510.
²² Сукарно. Указ. соч., с. 106—107.
²³ См. там же, с. 125.
²⁴ Jones H. P. Indonesia: The Possible Dreams. Singapore, 1971, p. 56.
²⁵ Sukarno. Dibawah bendera revolusi, hal. 96.
²⁶ Adams C. Op. cit., hal. 120.
²⁷ Dahm B. Op. cit., p. 105.
²⁸ См. Сукарно. Указ. соч., с. 90.
²⁹ См. там же, с. 88.
³⁰ Adams C. Op. cit., hal. 139.
³¹ Сукарно. Указ. соч., с. 143.

- ³² Там же, с. 181.
- ³³ *Sastroamidjojo A. Tonggak-Tonggak diperdjalananku*. Djakarta, 1974, hal. 103.
- ³⁴ См. *Dahm B.* Op. cit., p. 130.
- ³⁵ *Adams C.* Op. cit., hal. 153.
- ³⁶ *Dahm B.* Op. cit., p. 133—134.
- ³⁷ *Adams C.* Op. cit., hal. 156.
- ³⁸ *Dahm B.* Op. cit., p. 166.
- ³⁹ Ibid., p. 135.
- ⁴⁰ Ibid., p. 346.
- ⁴¹ Ibid., p. 217.
- ⁴² Ibid., hal. 136.
- ⁴³ *Adams C.* Op. cit., hal. 101.
- ⁴⁴ Ibid., hal. 157.
- ⁴⁵ См. *Цыганов В. А.* Указ. соч., с. 75 (примечание).
- ⁴⁶ *Dahm B.* Op. cit., p. 130.
- ⁴⁷ *Adams C.* Op. cit., hal. 147.
- ⁴⁸ *Legge G. D.* Op. cit., p. 121.
- ⁴⁹ *Adams C.* Op. cit., hal. 157.
- ⁵⁰ *Sukarno*. Dibawah bendera revolusi, hal. 220.
- ⁵¹ См. *Сукарно*. Указ. соч., с. 256.
- ⁵² Там же, с. 219.
- ⁵³ Там же, с. 250.
- ⁵⁴ Там же, с. 219.
- ⁵⁵ Там же, с. 221.
- ⁵⁶ *Sukarno*. Dibawah bendera revolusi, hal. 189.
- ⁵⁷ *Сукарно*. Указ. соч., с. 243.
- ⁵⁸ См. *Беленький А. Б.* Идеология национально-освободительного движения в Индонезии, с. 50.
- ⁵⁹ *Dahm B.* Op. cit., p. 163.
- ⁶⁰ Ibid., p. 171—172.
- ⁶¹ Цит. по: *Цыганов В. А.* Указ. соч., с. 106.
- ⁶² Цит. по: *Беленький А. Б.* Идеология национально-освободительного движения в Индонезии, с. 168.
- ⁶³ *Dahm B.* Op. cit., p. 169.
- ⁶⁴ *Adams C.* Op. cit., hal. 130.
- ⁶⁵ *Sukarno*. Dibawah bendera revolusi, hal. 334.
- ⁶⁶ *Dahm B.* Op. cit., p. 180.
- ⁶⁷ *Adams C.* Op. cit., hal. 192.
- ⁶⁸ *Sukarno*. Dibawah bendera revolusi, hal. 243.
- ⁶⁹ Ibid., hal. 531.
- ⁷⁰ *Adams C.* Op. cit., hal. 196.
- ⁷¹ *Dahm B.* Op. cit., p. 26.
- ⁷² *Adams C.* Op. cit., hal. 208.

3

¹ *Adams C.* Op. cit., hal. 217.

² Ibid., hal. 265.

³ *Kahin G. Mc. T.* Nationalism and Revolution in Indonesia. New York, 1963, p. 105.

- ⁴ *Adams C.* Op. cit., hal. 266.
- ⁵ *Ibid.*, hal. 340—341.
- ⁶ *Ibid.*, hal. 270.
- ⁷ *Dahm B.* Op. cit., p. 233.
- ⁸ *Ibid.*, p. 235.
- ⁹ *Ibid.*, p. 245.
- ¹⁰ *Benda H. J.* The Crescent and the rising sun: Indonesian islam under the japanese occupation 1942—1945. The Hague, 1958, p. 140.
- ¹¹ *Adams C.* Op. cit., hal. 208.
- ¹² *Dahm B.* Op. cit., p. 250.
- ¹³ *Adams C.* Op. cit., hal. 285.
- ¹⁴ *Dahm B.* Op. cit., p. 276.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 283.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 302.
- ¹⁷ *Сукарно.* Указ. соч., с. 266—267.
- ¹⁸ См. там же, с. 282.
- ¹⁹ См. там же, с. 278, 282.
- ²⁰ Там же, с. 282—283.
- ²¹ The Indonesian Revolution. Basic Documents and the idea of guided democracy. Djakarta, 1960, p. 48—49.
- ²² *Brackman A. C.* Indonesian communism. New York, 1963, p. 41.
- ²³ *Adams C.* Op. cit., hal. 311.

4

- ¹ The Indonesian Revolution. Basic Documents and the idea of guided democracy, p. 56.
- ² *Adams C.* Op. cit., hal. 339.
- ³ *Ibid.*, hal. 340.
- ⁴ *Raliby O.* Documenta Historica. Djakarta, 1953, hal. 43.
- ⁵ Indonesia: The Sukarno years. Ed. by H. Kosut. New York, 1967, p. 6.
- ⁶ См. Политика Англии в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1966, с. 116—117.
- ⁷ *Jones H. P.* Op. cit., p. 85.
- ⁸ *Wolf Ch.* The Indonesian Story. New York, 1948, p. 133.
- ⁹ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 96—98.
- ¹⁰ См. *Шолмов Ю. А.* Советский Союз — Индонезия. 1945 — 1954. М., 1976, с. 44.
- ¹¹ *Adams C.* Op. cit., hal. 385.
- ¹² *Roeder O. G.* The Smiling General. Djakarta, 1969, p. 108.
- ¹³ Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 118.
- ¹⁴ См. *Шин А. С.* Американский империализм в Индонезии (1945—1962). М., 1963, с. 22—23.
- ¹⁵ *Sastroamidjojo A.* Op. cit., hal. 151.
- ¹⁶ *Jwa Kusuma Sumantri.* Sedjarah Revolusi Indonesia, djilid I. Djakarta, 1963, hal. 130—131.
- ¹⁷ Republik Indonesia. Kementerian Penerangom. Daerah istimewa Jogjaharta. (Jogjaharta, 1953).

- ¹⁸ Kahin G. Mc. T. Op. cit.
- ¹⁹ Mook H. J. van. The Stakes of Democracy in South-East Asia. Edinburgh, 1950.
- ²⁰ Fischer L. The history of Indonesia. New York, 1959, p. 101.
- ²¹ Adams C. Op. cit., hal. 375.
- ²² Kahin G. Mc. T. Op. cit., p. 292.
- ²³ Adams C. Op. cit., hal. 400.
- ²⁴ Kahin G. Mc. T. Op. cit., p. 293—294.
- ²⁵ Sastroamidjojo A. Op. cit., hal. 236.
- ²⁶ Nasution A. H. ABRI penagak demokrasi UUD — 45, djilid 11. Djakarta, 1966, hal. 116.
- ²⁷ Adams C. Op. cit., hal. 377.
- ²⁸ Ibid., hal. 380.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ См. Шоломов Ю. А. Указ. соч., с. 95.
- ³¹ Kahin G. Mc. T. Op. cit., p. 343.

5

- ¹ Adams C. Op. cit., hal. 394.
- ² Жаров В. А. Индонезия на пути упрочения независимости (1949—1956). М., 1964, с. 19—21.
- ³ Sumitro Djojohadikusumo. Persoalan Ekonomi di Indonesia. Djakarta, 1953, hal. 27.
- ⁴ Цит. по: Лаврентьев А. К. Тайная война против Индонезии. М., 1960, с. 18.
- ⁵ См. Жаров В. А. Указ. соч., с. 36.
- ⁶ См. там же, с. 59.
- ⁷ Feith H. Op. cit., p. 97.
- ⁸ Dahm B. Op. cit., p. 330.
- ⁹ Kerstiens T. Op. cit., p. 171.
- ¹⁰ Feith H. Op. cit., p. 257.
- ¹¹ Nasution A. N. Towards the people's army. Djakarta, 1964, p. 59.
- ¹² См. Жаров В. А. Указ. соч., с. 76.
- ¹³ Negoro A. Pemilihan umum dan djiwa masyarakat di Indonesia. Djakarta [S. A.], hal. 18.
- ¹⁴ Ibid., hal. 14—15.
- ¹⁵ Ibid., hal. 13.
- ¹⁶ Feith H. Op. cit., p. 327.
- ¹⁷ Adams C. Op. cit., hal. 395.
- ¹⁸ Feith H. Op. cit., p. 262.
- ¹⁹ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 172—173.
- ²⁰ Сукарно. Указ. соч., с. 304—305.
- ²¹ Там же, с. 306.
- ²² Там же, с. 312.
- ²³ Muchlis. Riwayat dan analisa perkawinan Sukarno Hartini. Solo, 1955, hal. 5.

- ²⁴ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 182.
- ²⁵ См. Жиров В. А. Указ. соч., с. 191.
- ²⁶ Feith H. Op. cit., p. 425.
- ²⁷ Сукарно. Указ. соч., с. 345.
- ²⁸ Там же, с. 346.
- ²⁹ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 184.
- ³⁰ См. Чжан Чжао-цян. Политика и экономика послевоенной Индонезии. М., 1958, с. 25.
- ³¹ Sastroamidjojo A. Op. cit., hal. 345.
- ³² Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956, с. 337.
- ³³ Там же, с. 346.
- ³⁴ Там же, с. 358.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См. Алешин Ю. Советско-индонезийские отношения 1945—1962 гг. М., 1963, с. 98—104.
- ³⁷ См. там же, с. 98—99.
- ³⁸ См. там же, с. 50.
- ³⁹ См. там же, с. 53.

6

- ¹ Feith H. Op. cit., p. 517.
- ² Sastroamidjojo A. Op. cit., hal. 371—372.
- ³ Amin S. M. Indonesia dibawah rezim demokrasi dipimpin. Djakarta, 1967, hal. 36.
- ⁴ Feith H. Op. cit., p. 515.
- ⁵ Mintz J. S. Mohammed, Marx and Marhaen. The roots of Indonesian socialism. New York, 1965, p. 167.
- ⁶ «Sinar Harapan» (Djakarta), 1.V. 1959.
- ⁷ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 191.
- ⁸ Feith H. Op. cit., p. 518.
- ⁹ Цит. по: Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 192.
- ¹⁰ См. там же.
- ¹¹ См. там же.
- ¹² Feith H. Op. cit., p. 238.
- ¹³ Ibid., p. 518.
- ¹⁴ Sastroamidjojo A. Op. cit., hal. 358.
- ¹⁵ См. Андреев Г. А. Индонезийское государство: проблема единства и автономии (1945—1965). М., 1974, с. 74.
- ¹⁶ Feith H. Op. cit., p. 223.
- ¹⁷ Hakekat kekuasaan ABRI TNI — AD bukan militarisme. Djakarta, 1967, hal. 1—3.
- ¹⁸ Aidit D. N. Pilihan Tulisan, djilid II. Djakarta, 1960, hal. 193.
- ¹⁹ Ibid., hal. 217.

- ²⁰ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 195.
- ²¹ См. там же, с. 192.
- ²² *Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat. Tokyo, 1965, hal. 341.*
- ²³ *Feith H. Op. cit., p. 542.*
- ²⁴ *Vittachi T. The fall of Sukarno. London, 1967, p. 15.*
- ²⁵ *Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 361.*
- ²⁶ «Pedoman» (Djakarta), 2.III.1957.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ «Правда», 15 марта 1957 г.
- ³⁰ Цит. по: *Мурский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970, с. 189.*
- ³¹ *Hindley D. The Communist party of Indonesia (1951—1963). Los Angeles, 1964, p. 262.*
- ³² *Kroef J. M. van der. The Communist party of Indonesia. Its history, program and taktiks. Vancouver, 1965, p. 84.*
- ³³ *Amin S. M. Op. cit., hal. 55.*
- ³⁴ «Bintang Merah» Spesial. Kongress Nasional ke — VI Partai Komunis Indonesia. Djakarta, 1960, hal. 52.
- ³⁵ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 205.
- ³⁶ См. там же, с. 206.
- ³⁷ *Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 149.*
- ³⁸ «Economist» (London), 10.VIII.1957.
- ³⁹ См. «Известия», 17 сентября 1957 г.
- ⁴⁰ См. *Айдит Д. Н. Избранные произведения. Статьи и речи. М., 1962, с. 438.*
- ⁴¹ *Сукарно. Указ. соч. (М., 1961), с. 334.*
- ⁴² Цит. по: *Лавренко А. К. Указ. соч., с. 50.*
- ⁴³ *Higgins B., Higgins J. Indonesia; The crisis of the millstones. New York, 1963, p. 89.*
- ⁴⁴ См. *Андреев М. А. Ликвидация экономических позиций голландского империализма в Индонезии. М., 1952, с. 32; Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 212.*
- ⁴⁵ *Adams C. Op. cit., hal. 397—398.*
- ⁴⁶ См. «Новое время», 1958, № 5.
- ⁴⁷ «Le Figaro» (Paris), 12.II.1958.
- ⁴⁸ «The New York Times», 20.III.1958.
- ⁴⁹ *Adams C. Op. cit., hal. 399, 401.*
- ⁵⁰ Ibid., hal. 401.
- ⁵¹ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 216.
- ⁵² «Правда», 15 мая 1958 г.
- ⁵³ *Hakekat Kekuasaan ABRI TNI—AD bukan militarisme, hal. 16.*
- ⁵⁴ *Hindley D. Op. cit., p. 273.*
- ⁵⁵ «Sinar Harapan», 1.V.1959; 15.V.1959.
- ⁵⁶ Ibidem.
- ⁵⁷ *Hindley D. Op. cit., p. 231.*
- ⁵⁸ *Legge G. D. Op. cit., p. 306.*

- ⁵⁹ The Indonesian Revolution. Basic Documents and the idea of guided democracy, p. 121.
- ⁶⁰ Ibid., p. 122.
- ⁶¹ «Die Zeit» (IW.] Berlin), 24.V.1963.
- ⁶² Nasution A. II. ABR1 penegak demokrasi UUD — 45, hal. 37—38.
- ⁶³ Adams C. Op. cit., hal. 412.
- ⁶⁴ Юрьев А. Ю. Индонезия после событий 1965 года. М., 1973, с. 7.
- ⁶⁵ Jones H. P. Op. cit., p. 260.
- ⁶⁶ См. Вальков В. А. Указ. соч., с. 126.
- ⁶⁷ Sukarno. Dari Proklamasi sampai Takari. Djakarta, 1965, hal. 411.
- ⁶⁸ Ibid., hal. 391.
- ⁶⁹ Ibid., hal. 411.
- ⁷⁰ См. Айдум Д. Н. Избранные произведения, с. 601.
- ⁷¹ Там же, с. 600.
- ⁷² Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 166.
- ⁷³ Mintz J. S. Op. cit., p. 163.
- ⁷⁴ См. Национально-освободительное движение в Индонезии, с. 236.
- ⁷⁵ Hindley D. Op. cit., p. 287.
- ⁷⁶ Jones H. P. Op. cit., p. 256.
- ⁷⁷ Butucll R. Southeast Asia today and tomorrow. New York, 1961, p. 48.
- ⁷⁸ Grant Bruce. Indonesia. Melbourne, 1967, p. 40.
- ⁷⁹ «Коммунист», 1968, № 15, с. 111.
- ⁸⁰ «Parian Rakjat» (Djakarta), 8.VII.1960.
- ⁸¹ Jones H. P. Op. cit., p. 341.
- ⁸² Kroef J. M. van der. Op. cit., p. 237.
- ⁸³ «Indonesian Observer» (Djakarta), 29.VII.1960.
- ⁸⁴ Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 168.
- ⁸⁵ См. Проблемы современной Индонезии. М., 1968, с. 76—77.
- ⁸⁶ Hanna W. A. Eight Nation Makers. Southeast Asia's Charismatic Statesmen. New York, 1964, p. 185.
- ⁸⁷ Adams C. Op. cit., hal. 100—101.
- ⁸⁸ См. «За рубежом», 1971, № 5.
- ⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 384.
- ⁹⁰ См. Коробков А. Ф. Указ. соч., с. 47.
- ⁹¹ См. там же, с. 49.
- ⁹² Himpunan Ketetapan MPRS. Djakarta, 1968, hal. 131.
- ⁹³ Ibid., hal. 155.
- ⁹⁴ Ibid., hal. 54.
- ⁹⁵ Ibid., hal. 213—214.
- ⁹⁶ Sukarno. Setialah kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 488—489.
- ⁹⁷ Ibid., hal. 509, 513, 514, 570.
- ⁹⁸ Himpunan Ketetapan MPRS, hal. 133.
- ⁹⁹ Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 191.
- ¹⁰⁰ Himpunan Ketetapan MPRS, hal. 167.
- ¹⁰¹ Jones H. P. Op. cit., p. 197.
- ¹⁰² Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 350.

¹⁰³ *Sukarno*. Kita tidak mau berunding lagi dengan Belanda, kalau Belanda terus mengirmkan bala — bantuan ke Irian Barat. Departament Peneragan R.I., 1962, hal. 10.

¹⁰⁴ См. *Фаризов И. О.* Советско-индонезийское экономическое сотрудничество. М., 1964, с. 66.

¹⁰⁵ См. *Алешин Ю.* Указ. соч., с. 107.

¹⁰⁶ См. Сборник торговых договоров, торговых и платежных соглашений и долгосрочных торговых соглашений СССР с иностранными государствами (на 1 января 1961 года). М., 1961, с. 203—206.

¹⁰⁷ «Правда», 13 июня 1961 г.

¹⁰⁸ См. «Правда», 6 июня 1961 г.

¹⁰⁹ «Правда», 11 июня 1961 г.

¹¹⁰ См. *Алешин Ю.* Указ. соч., с. 118.

¹¹¹ См. там же, с. 79.

¹¹² *Nasution A. H.* Towards the people's army, p. 28.

¹¹³ См. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962. М., 1963, с. 24--26.

¹¹⁴ «*Harian Rakjat*», 1.XII.1962.

¹¹⁵ *Мирский Г. И.* Указ. соч., с. 198.

¹¹⁶ *Архипов В. Я.* Экономика и экономическая политика Индонезии (1945—1968). М., 1971, с. 295.

¹¹⁷ «*Harian Rakjat*», 28.IV.1964.

¹¹⁸ «*Djakarta Daily Mail*», 25.X.1962.

¹¹⁹ *Amin S. M.* Op. cit., hal. 106.

¹²⁰ *Sukarno*. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakjat, hal. 541.

¹²¹ Ibid., hal. 332.

¹²² Ibid., hal. 398.

¹²³ Ibid., hal. 400.

¹²⁴ Ibid., hal. 401.

¹²⁵ *Симоныя Н. А.* Индонезия. М., 1978, с. 30.

¹²⁶ *Sukarno*. Dari Proklamasi Sampai Takari, hal. 460.

¹²⁷ См. *Ананьев П. Г.* Сельское хозяйство современной Индонезии. М., 1965, с. 41—42.

¹²⁸ *Aidit D. N.* Kobarkan semangat banteng: Madju terus, Pantang mundur, hal. 24.

¹²⁹ «*Harian Rakjat*», 2.V.1962.

¹³⁰ «*Die Zeit*», 24.V.1963.

¹³¹ *Aidit D. N.* Berani, berani, sekali lagi berani. Djakarta, 1963, hal. 40.

¹³² «*Far Eastern Economic Review*» (Hongkong), 18.IV.1963.

7

¹ См. *Фаризов И. О.* Указ. соч., с. 21.

² «*Indonesian Observer*» (Djakarta), 31.XII.1963.

³ «*Merdeka*» (Djakarta), 30.I.1963.

⁴ *Aidit D. N.* Berani, berani, sekali lagi berani, hal. 15.

⁵ *Hyde D.* Op. cit., p. 126.

⁶ «*Business News*» (Djakarta), 12.VII.1963.

- ⁷ *Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat*, hal. 436.
- ⁸ *Ibid.*, hal. 152.
- ⁹ *Adams C. Op. cit.*, hal. 432.
- ¹⁰ «Tribune», 5.V.1963.
- ¹¹ *Мурский Г. И. Указ. соч.*, с. 180.
- ¹² «Life» (New York), 12.II.1965.
- ¹³ *Adams C. My friend the dictator. New York, 1967*, p. 227.
- ¹⁴ *Adams C. Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia*, hal. 108—109.
- ¹⁵ *Ibid.*, hal. 10.
- ¹⁶ *Ibid.*, hal. 8.
- ¹⁷ *Jones H. P. Op. cit.*, p. 63.
- ¹⁸ *Adams C. Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia*, hal. 49.
- ¹⁹ *Vittachi T. Op. cit.*
- ²⁰ *Adams C. Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia*, hal. 429.
- ²¹ *Ibid.*, hal. 406.
- ²² *Ibidem.*
- ²³ *Ibid.*, hal. 110.
- ²⁴ *Dahm B. Op. cit.*, p. 104.
- ²⁵ *Higgins B., Higgins J. Op. cit.*, p. 121.
- ²⁶ *Adams C. Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia*, hal. 416.
- ²⁷ *Ibid.*, hal. 417.
- ²⁸ *Ibidem.*
- ²⁹ *Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat*, hal. 361.
- ³⁰ *Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направленной демократии». М., 1969*, с. 158.
- ³¹ *Grant Bruce. Op. cit.*, p. 66.
- ³² «Africa and World» (London), April 1965.
- ³³ *Adams C. Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia*, hal. 22.
- ³⁴ *Adams C. My friend the dictator*, p. 10.
- ³⁵ *Adams C. Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia*, hal. 22.
- ³⁶ «Far Eastern Economic Review», 18.III.1965.
- ³⁷ *Панна W. A. Op. cit.*, p. 74.
- ³⁸ *Brackman A. C. Southeast Asia's Second Front. New York, 1966*, p. 146.
- ³⁹ *См. Другов А. Ю., Резников А. Б. Указ. соч.*, с. 105.
- ⁴⁰ «Merdeka», 16.II.1963.
- ⁴¹ *Brackman A. C. Southeast Asia's Second Front*, p. 192.
- ⁴² *Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat*, hal. 155.
- ⁴³ *Ibid.*, hal. 202.
- ⁴⁴ *Ibid.*, hal. 451.
- ⁴⁵ *Другов А. Ю., Резников А. Б. Указ. соч.*, с. 59.
- ⁴⁶ *Капица М. С. КИП: два десятилетия — две политики. М., 1969*, с. 201.
- ⁴⁷ *Brackman A. C. Southeast Asia's Second Front*, p. 262.
- ⁴⁸ *Abidin A. Z., Lopa Baharuddin. Bahasa Komunisme. Djakarta, 1968*, hal. 58.

- ⁴⁹ Jones H. P. Op. cit., p. 289.
⁵⁰ Ibid., p. 291.
⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
⁵² Aidit D. N. Kobarkan semangat banteng: Madji terus, Pantang mundur, hal. 10.
⁵³ Adams C. Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia, hal. 402.
⁵⁴ Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 423—424.
⁵⁵ Brackman A. C. Southeast Asia's Second Front, p. 263.
⁵⁶ Ichdisar Tahunan 1964. Djakarta, 1965, hal. 155.
⁵⁷ «Harian Rakjat», 21.V.1964.
⁵⁸ «Antara» (Djakarta), 26.V.1964.
⁵⁹ «Pekin Review», 17.IV.1964.
⁶⁰ Brackman A. C. Southeast Asia's Second Front, p. 241.
⁶¹ «World Today» (London), April, 1965, p. 165.
⁶² «Berita Timur» (Djakarta), 14.VII.1964.
⁶³ Himpunan Ketetapan MPRS, hal. 1165.
⁶⁴ «Berita Timur», 22.XII.1964.
⁶⁵ «Harian Rakjat», 1.X.1964.
⁶⁶ «Harian Rakjat», 16.IV.1964.
⁶⁷ «New York Times», 11.X.1964.
⁶⁸ См. «Международная жизнь», 1964, № 11, с. 150.
⁶⁹ Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 833.
⁷⁰ «Harian Rakjat», 10—11.XI.1964.
⁷¹ «Harian Rakjat», 9.IX.1964.
⁷² Jones H. P. Op. cit., p. 352.
⁷³ «Harian Rakjat», 27.X.1964.
⁷⁴ «Semesta» (Djakarta), 14.XII. 1964.
⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 72.

8

- ¹ «Harian Rakjat», 7.I.1965.
² «Antara», 21.I.1965.
³ «Antara», 22.I.1965.
⁴ Сукарно. Указ. соч. (М., 1961), с. 357.
⁵ «Синьхуа», 24.I.1965.
⁶ «Жэньминь жибао», 10.I.1965.
⁷ ИБАС, 12.I.1965.
⁸ «Harian Rakjat», 29.I.1965.
⁹ «Antara», 15.VIII.1965.
¹⁰ «Harian Rakjat», 17.X.1964.
¹¹ «Harian Rakjat», 19.IV.1965.
¹² Himpunan Ketetapan MPRS, hal. 1476.
¹³ «Suluh Indonesia» (Djakarta), 28.VIII.1965.
¹⁴ Himpunan Ketetapan MPRS, hal. 1482.
¹⁵ «Harian Rakjat», 2.IX.1965.
¹⁶ Sukarno. Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 886—887.

- ¹⁷ См. *Каница М. С.* Леее здравого смысла (о внешней политике группы Мао). М., 1968, с. 104.
- ¹⁸ *Sukarno.* Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 886.
- ¹⁹ «Harian Rakjat», 16.VI.1965.
- ²⁰ «Harian Rakjat», 7.IV.1965.
- ²¹ «Harian Rakjat», 2.IX.1965.
- ²² *Sukarno.* Setialah Kepada Amanat Penderitaan Rakyat, hal. 909.
- ²³ См. *Хрящева Н. М.* Внешняя торговля Республики Индонезии (1950—1969). М., 1970, с. 45.
- ²⁴ См. *Пахомова Л. Ф.* Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1966, с. 135.
- ²⁵ См. *Другов А. Ю., Резников А. Б.* Указ. соч., с. 83.
- ²⁶ «Angkatan Bersendjata» (Djakarta), 24.XI.1965.
- ²⁷ «Life», 12.II.1965.
- ²⁸ «Harian Rakjat», 5.I.1965.
- ²⁹ *Sukarno.* Tenaga gadungan lebin berbahaja daripada imperialisme. Amanat Presiden Sukarno pada rapat raksasa ulangtahun Ke-45 PKI. Djakarta. Departament penerangan R.I.1965, hal. 7.
- ³⁰ См. *Мухайлова З. М.* Иностраный капитал в современной Индонезии (1966—1971). М., 1973, с. 10—11.
- ³¹ «Life», 11.VII.1965.
- ³² См. *Другов А. Ю., Резников А. Б.* Указ. соч., с. 81.
- ³³ The Indonesia Review of International Affairs, vol. 1. Djakarta, 1971, p. 71.
- ³⁴ *Brackman A. C.* Southeast Asia's Second Front, p. 204.
- ³⁵ *Vittachi T.* Op. cit., p. 55.
- ³⁶ «Life», 12.II.1965.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ «Berita Timur», 24.XII.1965.
- ³⁹ «За рубежом», 1971, № 5.
- ⁴⁰ См. там же.
- ⁴¹ *Adams C.* My friend the dictator, p. 232.
- ⁴² См. *Другов А. Ю., Резников А. Б.* Указ. соч., с. 136.
- ⁴³ «Harian Rakjat», 5.I.1965.
- ⁴⁴ «Harian Rakjat», 24.V.1965.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ *Dake A. C. A.* «The Devious Dalang» Sukarno and the so-called, Untung putsch. The Hague, 1974, hal. 44.
- ⁴⁷ «Harian Rakjat», 4.VI.1965.
- ⁴⁸ «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, с. 241.
- ⁴⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 167.
- ⁵⁰ «Information Bulletin» (Prague), 1967, N 18.
- ⁵¹ *Polomka P.* Indonesia since Sukarno. Victoria, 1971, p. 72.
- ⁵² «Harian Rakjat», 13.II.1965.
- ⁵³ *Другов А. Ю., Резников А. Б.* Указ. соч., с. 144.
- ⁵⁴ *Brackman A. C.* Southeast Asia's Second Front, p. 290.
- ⁵⁵ См. *Другов А. Ю., Резников А. Б.* Указ. соч., с. 144.
- ⁵⁶ «Angkatan Bersendjata», 25.V.1965.
- ⁵⁷ «Bintang Timur» (Djakarta), 26.I.1965.
- ⁵⁸ «Suluh Indonesia», 12.VII.1965.
- ⁵⁹ «Angkatan Bersendjata», 6.VII.1965.
- ⁶⁰ *Другов А. Ю., Резников А. Б.* Указ. соч., с. 149.

- ⁶¹ Himpunan Ketetapan MPRS, hal. 1477.
- ⁶² «Harian Rakjat», 11.IX.1965.
- ⁶³ «Harian Rakjat», 14.IX.1965.
- ⁶⁴ «Harian Rakjat», 3.IX.1965.
- ⁶⁵ «Harian Rakjat», 12.IX.1965.
- ⁶⁶ «Harian Rakjat», 20.IX.1965.
- ⁶⁷ Hughes II. The End of Sukarno. London, 1968, p. 13.

9

- ¹ Dake A.C.A. Op. cit., p. 82.
- ² См. «Коммунист», 1968, № 15, с. 113.
- ³ Brackman A. C. The communist collapse in Indonesia. Singapore, 1970, p. 71.
- ⁴ Dake A.C.A. The spirit of the Red Banteng, Indonesian Communist between Moskow and Peking 1959—1965. The Hague, 1973, p. 11.
- ⁵ Palmier L. Communists in Indonesia. London, 1973, p. 261.
- ⁶ «Harian Rakjat», 2.X.1965.
- ⁷ Nasution A. H. Menegakkan Keadilan dan Kebenaran. Djakarta, 1966, hal. 51.
- ⁸ 40 hari kegagalan «G—30—S». Djakarta, 1965, hal. 161.
- ⁹ Roeder O. G. Op. cit., p. 18.
- ¹⁰ 40 hari kegagalan «G—30—S», hal. 62.
- ¹¹ «Harian Rakjat», 2.X.1965.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ «Angkatan Bersendjata», 28.II.1966.
- ¹⁴ Nasution A. H. Menegakkan Keadilan dan Kebenaran, hal. 53.
- ¹⁵ 40 hari kegagalan «G—30—S», hal. 162.
- ¹⁶ Ibid., hal. 170.
- ¹⁷ ИБАС, 6.X.1965.
- ¹⁸ «Angkatan Bersendjata», 6.X.1965.
- ¹⁹ «Indonesian Gerald», 9.X.1965.
- ²⁰ Suharto. Pidato Kemenangan. Djakarta, 1967, hal. 23.
- ²¹ Hugnes J. The End of Sukarno, p. 123.
- ²² Hugnes J. Indonesian Upheavel. New York, 1967, p. 128—129.
- ²³ См. «Народы Азии и Африки», 1968, № 1, с. 46.
- ²⁴ «Le Monde», 6.XII.1967.
- ²⁵ «Коммунист», 1968, № 15.
- ²⁶ «Angkatan Bersendjata», 21.X.1965.
- ²⁷ Rosamona. Matinija Aidit — marsekal Lobang Buaja. Djakarta, 1967, hal. 35—36.
- ²⁸ См. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, с. 16.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Hughes J. Indonesian Upheavel, p. 166.
- ³¹ «Warta perdagangan» (Djakarta), 14.I.1965.
- ³² Ibidem.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ Vittachi T. Op. cit., p. 83.
- ³⁵ Dahm B. Op. cit., p. IX.
- ³⁶ «Antara», 8.XI.1965.

- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ «Indonesian Gerald» (Djakarta), 11.XI.1965.
- ⁴⁰ Roeder O. G. Op. cit., p. 34.
- ⁴¹ «Duta Masjarakat» (Djakarta), 11.XI.1965.
- ⁴² Dahm B. Op. cit., p. XI.
- ⁴³ «Financial Times» (London), 10.XI.1965.
- ⁴⁴ «Angkatan Bersendjata», 22.XI.1965.
- ⁴⁵ «Duta Masjarakat», 31.XII.1965.

10

- ¹ Hughes J. Indonesian Upheavel, p. 248.
- ² Adams C. My friend the dictator, p. 283—284.
- ³ Cm. Apxunoa B. Я. Укас. соч., с. 295; Sukarno's Guided Indonesia. Ed. by T. K. Tan. Melbourne, 1967, p. 149.
- ⁴ «Duta Masjarakat», 13.I.1966.
- ⁵ «Angkatan Bersendjata», 19.I.1966.
- ⁶ «Duta Masjarakat», 17.I.1966.
- ⁷ «Duta Masjarakat», 21.I.1966.
- ⁸ Hughes J. Indonesian Upheavel, p. 206.
- ⁹ Nasution A. H. Menegakkan Keadilan dan Kebenaran, hal. 79.
- ¹⁰ «Duta Masjarakat», 19.I.1966.
- ¹¹ «Duta Masjarakat», 31.I.1966.
- ¹² «Antara», 31.I.1966.
- ¹³ «Angkatan Bersendjata», 14.II.1966.
- ¹⁴ «Dwikora» (Djakarta), 25.II.1966.
- ¹⁵ Adams C. My friend the dictator, p. 306.
- ¹⁶ Ibid., p. 278.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ «Dwikora», 10.III.1966.
- ¹⁹ «Angkatan Bersendjata», 9.III.1966.
- ²⁰ «Angkatan Bersendjata», 11.III.1966.
- ²¹ «Angkatan Bersendjata», 12.III.1966.
- ²² Hughes J. Indonesian Upheavel, p. 233.
- ²³ Vittachi T. Op. cit., p. 170.
- ²⁴ Ibid., p. 171.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ «Duta Masjarakat», 14.III.1966.
- ²⁷ «Angkatan Bersendjata», 12.III.1966.
- ²⁸ Soeripto. Surat Perintah 11 Maret. Surabaya, 1969, hal. 99—
- 100.
- ²⁹ Vittachi T. Op. cit., p. 176.
- ³⁰ «Dwikora», 17.III.1966.
- ³¹ Roeder O. G. Op. cit., p. 219.
- ³² «Angkatan Bersendjata», 14.IV.1966.
- ³³ «Angkatan Bersendjata», 29.III.1966.
- ³⁴ «Angkatan Bersendjata», 8.III.1966.
- ³⁵ «Angkatan Bersendjata», 8.IV.1966.
- ³⁶ «Angkatan Bersendjata», 24.IV.1966.
- ³⁷ «Angkatan Bersendjata», 27.IV.1966.

- ³⁸ *Hughes J.* The End of Sukarno, p. 253.
- ³⁹ «Angkatan Bersendjata», 6.VI.1966.
- ⁴⁰ «Angkatan Bersendjata», 28.V.1966.
- ⁴¹ «Angkatan Bersendjata», 14.VI.1966.
- ⁴² «Harian KAMI» (Djakarta), 16.VII.1966.
- ⁴³ «Antara», 9.VI.1966.
- ⁴⁴ «Angkatan Bersendjata», 20.VI.1966.
- ⁴⁵ *Hughes J.* Indonesian Upheavel, p. 256—257.
- ⁴⁶ Himpunan Ketetapan MPRS, hal. 1510.
- ⁴⁷ Ibid., hal. 1544—1545.
- ⁴⁸ «Antara», 6.VII.1966.
- ⁴⁹ Ibidem.
- ⁵⁰ «Antara», 29.VII.1966.
- ⁵¹ «Kompas», 11.VIII.1965.
- ⁵² «Antara», 17.VIII.1966.
- ⁵³ *Sukarno.* Never leave History. Departament of Information Republic of Indonesia. Djakarta, 1966, p. 13—14.
- ⁵⁴ Ibid., p. 16.
- ⁵⁵ Ibid., p. 25.
- ⁵⁶ Ibid., p. 4.
- ⁵⁷ Ibid., p. 39.
- ⁵⁸ *Hughes J.* The End of Sukarno, p. 265.
- ⁵⁹ «Sinar Harapan», 7.X.1966.
- ⁶⁰ «Asia Magazine» (Tokyo), 18.XII.1966.
- ⁶¹ «Antara», 29.VIII.1966.
- ⁶² См. *Юрцев А. Ю.* Указ. соч., с. 55.
- ⁶³ *Hughes J.* Indonesian Upheavel, p. 272.
- ⁶⁴ «Antara», 4.X.1966.
- ⁶⁵ «Merdeka», 10.X.1966.
- ⁶⁶ «Angkatan Bersendjata», 6.X.1966.
- ⁶⁷ «Sinar Harapan», 7.X.1966.
- ⁶⁸ *Hughes J.* The End of Sukarno, p. 278.

11

- ¹ «Antara», 9.I.1967.
- ² *Kroef J. M. van der.* Indonesia since Sukarno, p. 34.
- ³ *Roeder O. G.* Op. cit., p. 63.
- ⁴ *Hughes J.* Indonesian Upheavel, p. 279.
- ⁵ Ibid., p. 280.
- ⁶ *Roeder O. G.* Op. cit., p. 65—66.
- ⁷ *Hughes J.* Indonesian Upheavel, p. 280.
- ⁸ *Roeder O. G.* Op. cit., p. 66.
- ⁹ «Sinar Harapan», 18.II.1967.
- ¹⁰ *Supolo Prawitohadikusumo.* Dari orde lama menudju orde baru. Djakarta, 1967, hal. 165.
- ¹¹ «Antara», 17.II.1967.
- ¹² *Roeder O. G.* Op. cit., hal. 233.
- ¹³ *Supolo Prawitohadikusumo.* Op. cit., hal. 302.
- ¹⁴ *Polomka P.* Op. cit., p. 91.

- ¹⁵ *Roeder O. G. Op. cit.*, p. 235.
¹⁶ «Link» (New Delhi), 19.III.1967.
¹⁷ «Antara», 14.III.1967.
¹⁸ Ibidem.
¹⁹ «Angkatan Bersendjata», 30.VI.1967.
²⁰ «Suluh Indonesia», 6.VI.1967.
²¹ «Merdeka», 3.I.1969.
²² «Merdeka», 25.I.1969.
²³ *Adams C.* Bung Karno penjambung lidah rakyat Indonesia, hal. 460.
²⁴ «Indonesia Raja», 24.VI.1970.

Содержание

Введение	3
I. Глашатай индонезийского народа . . .	5
1. Детство, юность	7
2. Индонезия обвиняет	31
3. Японская оккупация	67
4. Независимость	89
5. Борьба за то, чтобы выжить	117
II. Пожизненный президент	139
6. Направляемая демократия	141
7. «У революции не должно быть конца»	193
8. Год жизни в опасности	230
9. 30 сентября	250
III. Гражданин Сукарно	271
10. «Я все еще президент»	273
11. Конец пути	300
Заключение	314
Примечания	316

Капица М. С., Малетин Н. П.

К20 Сукарно: Политическая биография. — М.: Мысль, 1980. — 332 с., ил.

В пер. 1 р. 20 к.

Книга профессора М. С. Капицы и доцента Н. П. Малетина — это первая в советской литературе попытка всестороннего анализа деятельности Сукарно — одного из виднейших деятелей национально-освободительного движения Индонезии, внесшего существенный вклад в развитие национального самосознания индонезийского народа и в борьбу за освобождение своей родины. Опираясь на богатый фактический материал, авторы весьма убедительно обрисовали сложную и противоречивую фигуру первого индонезийского президента, его роль в истории Индонезии.

К $\frac{10605-067}{004(01)-80}$ 50-80

9(М)7

Капица Михаил Степанович

Малетин Николай Павлович

СУКАРНО. Политическая биография

ИБ № 593

Заведующий редакцией *Н. П. Микешин*

Редактор *Н. И. Калашникова*

Младший редактор *З. В. Макарова*

Оформление художника *В. М. Аладьева*

Художественный редактор *И. А. Дутов*

Технический редактор *И. И. Сошникова*

Корректоры *Ч. А. Скруль* и *С. С. Новицкая*

Сдано в набор 31.07.79. Подписано в печать 21.02.80. А02324. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 17,64. Учетно-издательских листов 17,49. Тираж 77 000 экз. Заказ № 804. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Новые книги

В 1980 году
издательство «Мысль»
выпускает в свет:

Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны: (1937—1945). — 20 л. — В пер.: 1 р. 40 к.

В работе прослежена политика империалистических держав, в первую очередь США, стремившихся не допустить появления по соседству с СССР подлинно демократического Китая. Единственным государством, оказавшим многостороннюю действенную помощь китайскому народу, подвергнутому японской агрессии, был Советский Союз. Эта помощь явилась ярким примером пролетарского интернационализма.

В работе показано воздействие на китайский театр военных действий решающих побед Советской Армии на советско-германском и советско-японском фронтах. Значительное внимание уделяется внутриполитическому положению в Китае, основным партиям, разоблачается враждебная СССР позиция маоистской группировки в КПК.

Книга рассчитана на научных и практических работников, преподавателей, студентов, пропагандистов-международников.

Уважаемые читатели!

Предварительные заказы на книги издательства «Мысль» принимают книжные магазины, распространяющие общественно-политическую литературу.

Если вышедшей книги в магазине не оказалось, посылайте заказы в отдел «Книга — почтой» местного книготорга.